

ISSN 2072-3156 (PRINT)

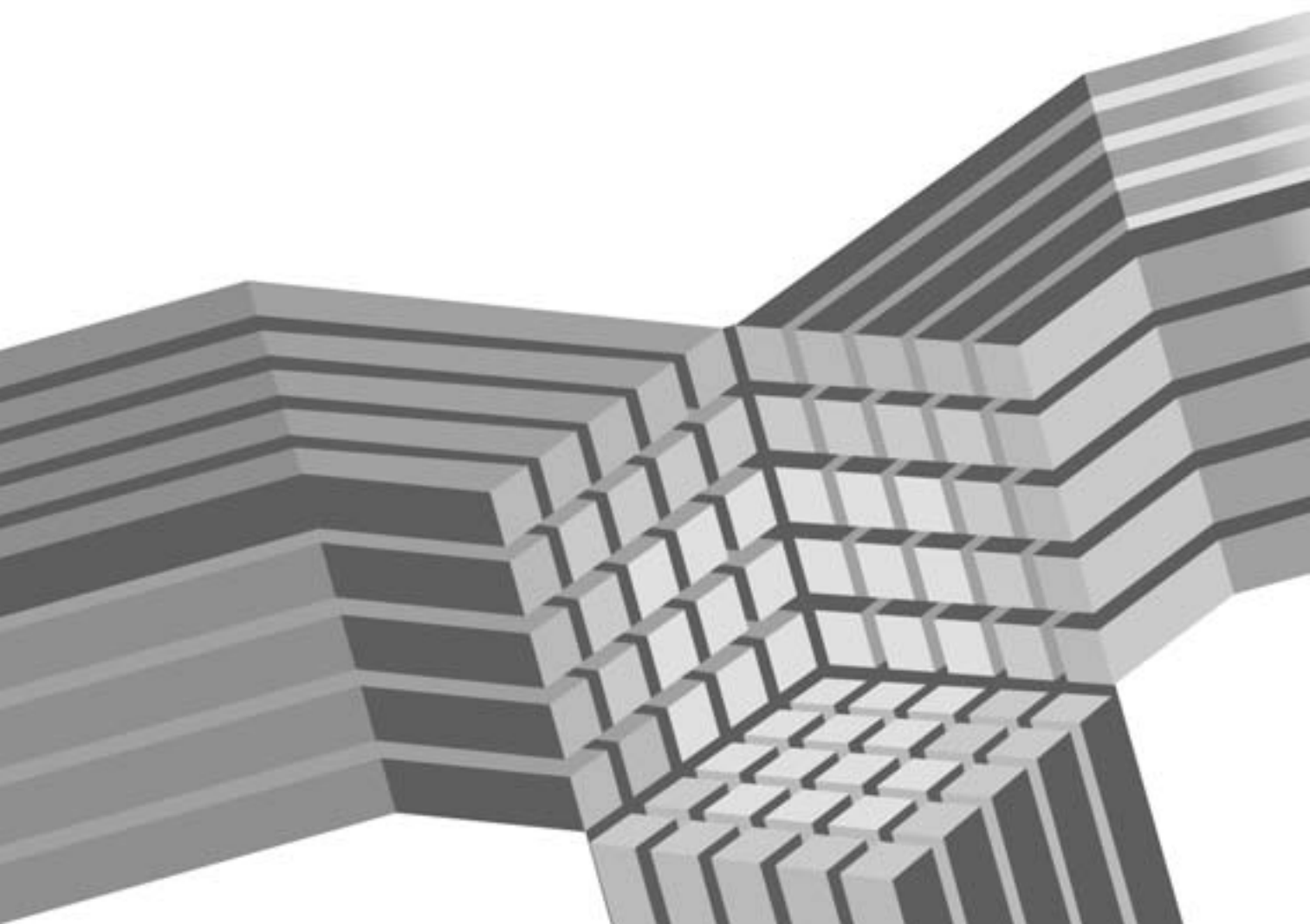
ISSN 2588-0047 (ONLINE)

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 16

1/2019

OBSERVATORY
OF CULTURE



РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Отдел периодических изданий
Российской государственной библиотеки

Никонорова Екатерина Васильевна,
главный редактор, доктор философских
наук, профессор

Шibaева Екатерина Александровна,
заместитель главного редактора —
ответственный секретарь

Гаджиева Анна Аркадьевна,
заместитель заведующей отделом
периодических изданий — заместитель
главного редактора

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Астафьева Ольга Николаевна,
доктор философских наук, профес-
сор, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Москва)

Дианова Валентина Михайловна,
доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург)

Дуков Евгений Викторович,
доктор философских наук, кандидат
искусствоведения, профессор, Госу-
дарственный институт искусствознания
(Москва)

Егоров Владимир Константинович,
доктор философских наук, кандидат
исторических наук, профессор, заслу-
женный деятель науки Российской Феде-
рации, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Москва)

Зверева Галина Ивановна,
доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный гуманитар-
ный университет (Москва)

Кириллова Наталья Борисовна,
доктор культурологии, профессор,
Уральский федеральный университет
им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Любимов Борис Николаевич,
кандидат искусствоведения, заслужи-
женный деятель искусств Российской Феде-
рации, профессор, Высшее театральное
училище (институт) им. М.С. Щепкина
(Москва)

Никонорова Екатерина Васильевна,
главный редактор, доктор философских
наук, профессор, Российская государ-
ственная библиотека (Москва)

Разлогов Кирилл Эмильевич,
доктор искусствоведения, профессор,
НИИ киноискусства, Всероссийский
государственный университет кинемато-
графии им. С.А. Герасимова (Москва)

Рубинштейн Александр Яковлевич,
доктор философских наук, кандидат
экономических наук, профессор, за-

служенный деятель науки Российской
Федерации, Институт экономики РАН,
Государственный институт искусствозна-
ния (Москва)

Румянцев Олег Константинович,
доктор философских наук (Москва)

Рязанова-Кларк Лара,
PhD по филологии, член Королевского
лингвистического общества, Центр
русской культуры им. Е. Дашковой, Един-
бургский университет (Великобритания)

Самарин Александр Юрьевич,
доктор исторических наук, доцент,
Российская государственная библиотека
(Москва)

Синецкий Сергей Борисович,
доктор культурологии, доцент, Челяби-
нский государственный институт культуры
(Челябинск)

Сиповская Наталия Владимировна,
доктор искусствоведения, Государствен-
ный институт искусствознания (Москва)

Федоров Виктор Васильевич,
кандидат экономических наук, Рос-
сийская государственная библиотека
(Москва)

Фёрингер Маргарет,
PhD по истории искусств, Центр лите-
ратурных и культурных исследований
(Берлин, Германия)

Флиер Андрей Яковлевич,
доктор философских наук, профессор,
почетный работник высшего профес-
сионального образования Российской
Федерации, Российский научно-иссле-
довательский институт культурного и
природного наследия им. Д.С. Лихачева
(Москва)

Хромов Олег Ростиславович,
доктор искусствоведения,
действительный член Российской
академии художеств, Московская Ду-
ховная академия Русской Православной
Церкви (Сергиев Посад)

Шлыкова Ольга Владимировна,
доктор культурологии, профессор,
Арктический государственный институт
культуры и искусств (Москва, Якутск)

Штейнер Евгений Семенович,
доктор искусствоведения, Национальный
исследовательский университет Высшая
школа экономики (Москва); Центр по
изучению Японии при Школе востоко-
ведения и африканистики Лондонского
университета (Великобритания)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Отдел периодических изданий
Воздвиженка ул., д. 3/5,
Москва, 119019, Россия
тел.: +7 (499) 557-04-70,
доб. 11-75
e-mail: observatoria@rsl.ru
http://observatoria.rsl.ru

EDITORIAL BOARD

Editor in Chief

Ekaterina V. Nikonorova,
Doctor of Philosophical Sciences

Deputy Editors in Chief

Ekaterina A. Shibaeva
Anna A. Gadzhieva

EDITORIAL COUNCIL

Olga N. Astafieva (Moscow)
Valentina M. Dianova (St. Petersburg)
Evgeny V. Dukov (Moscow)
Vladimir K. Egorov (Moscow)
Galina I. Zvereva (Moscow)
Natalia B. Kirillova (Ekaterinburg)
Boris N. Lyubimov (Moscow)
Ekaterina V. Nikonorova (Moscow)
Kirill E. Razlogov (Moscow)
Alexander Ya. Rubinstein (Moscow)
Oleg K. Roumyantsev (Moscow)
Lara Ryazanova-Clarke (Edinburgh, UK)
Aleksandr Yu. Samarina (Moscow)
Sergey B. Sinetskii (Chelyabinsk)
Natalia V. Sipovskaya (Moscow)
Victor V. Fedorov (Moscow)
Margaret Vöringer (Berlin, Germany)
Andrei Ya. Flier (Moscow)
Oleg R. Khromov (Sergiev Posad)
Olga V. Shlykova (Moscow, Yakutsk)
Evgeny S. Steiner (Moscow, Russia; London, UK)

Certificate of the mass information media registration

ПИ № 77-16687, date 10.11.2003
Published since 2004

Founder and Publisher

Russian State Library,
“Pashkov Dom” Publishing House

Address

Journal Publishing Department
Vozdvizhenka St., 3/5
Moscow, 119019, Russia
tel.: +7 (499) 557-04-70, ext 11-75
e-mail: observatoria@rsl.ru
http://observatoria.rsl.ru

ISSN 2072-3156 (PRINT)
ISSN 2588-0047 (ONLINE)

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 16

1/2019

OBSERVATORY
OF CULTURE

Научный рецензируемый журнал «Обсерватория культуры» издается Российской государственной библиотекой с 2004 года. С 2007 г. журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Перечень ВАК). С декабря 2018 г. включен в Перечень ВАК по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- ◆ 09.00.13 Философская антропология, философия культуры (философские науки),
- ◆ 17.00.01 Театральное искусство (искусствоведение),
- ◆ 17.00.02 Музыкальное искусство (искусствоведение),
- ◆ 17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства (искусствоведение),
- ◆ 17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура (искусствоведение),
- ◆ 17.00.05 Хореографическое искусство (искусствоведение),
- ◆ 17.00.06 Техническая эстетика и дизайн (искусствоведение),
- ◆ 17.00.09 Теория и история искусства (искусствоведение, философские науки),
- ◆ 24.00.01 Теория и история культуры (искусствоведение, культурология, философские науки),
- ◆ 24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология, искусствоведение).

Включен в ядро Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science. Публикует в открытом доступе метаданные статей и списки источников на русском и английском языках.

Официальный сайт: <http://observatoria.rsl.ru/>

The peer-reviewed scholarly journal «Observatory of Culture» has been published by the Russian State Library since 2004. The Editorial Staff accepts only original research papers and other research materials on culture and arts, which have never been published elsewhere and comply with the main subject sections. The main researching areas of the journal are Philosophical Science, Art Studies, Cultural Science.

Journal is indexed by Web of Science RSCI (Russian Science Citation Index) database.

For more information, see the official site: <http://observatoria.rsl.ru/>

ОБСЕРВАТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

ТОМ 16

1/2019

OBSERVATORY
OF CULTURE

КОНТЕКСТ

2019 — Год театра в России

- Злотникова Т.С.** Цивилизационный
и ментальный дискурсы русского театра
как кода идентичности.....4

КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

- Карцева Е.А.** Трансформация
художественных коммуникаций
и арт-рынка в контексте цифровой
культуры16
- Международная научно-
практическая конференция
«Румянцевские чтения — 2019»29

НАСЛЕДИЕ

- Шапиро Б.Л.** «Для вечного хранения...»:
полковые реликвии эпохи Павла I30
- Радзеецкая О.В.** Русское нотоиздательское
дело: коммерция и меценатство.....40
- Галкина М.В.** Нереализованные
архитектурные проекты 1920-х:
значение идей конструктивизма50

ИМЕНА. ПОРТРЕТЫ

- Ломоносов А.В.** О литературном терроре
(по материалам черновиков и неизданных
статей В.В. Розанова)..... 62
- Серебрякова Е.Г.** Идентичность «защитник»
в социальной и профессиональной практике
Фриды Вигдоровой72

ORBIS LITTERARUM

- Левнер М.В.** Редкие издания Библиотеки
по естественным наукам РАН на службе
культуры и исторической науки84

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

- Сторчак В.М., Огородникова О.А.**
Феномен советского праздника 96

к сведению авторов

- Этика научных публикаций в журнале
«Обсерватория культуры»109
- Требования к информации и статьям,
предоставляемым для публикации
в журнале «Обсерватория культуры»112

OBSERVATORY of CULTURE

VOL. 16

1/2019

ОБСЕРВАТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

CONTEXT

2019 – Year of Theatre in Russia

Zlotnikova T.S. Civilizational and Mental Discourses of the Russian Theatre as an Identity Code4

CULTURAL REALITY

Kartseva E.A. Transformation of Art Communications and the Art Market in the Context of Digital Culture.....16

International Research and Practical Conference “Roumyantsev Readings – 2019”29

HERITAGE

Shapiro B.L. “For Eternal Storage...”: Regimental Relics of the Era of Paul I.....30

Radzetskaya O.V. Russian Music Publishing Business: From Commerce to Philanthropy.....40

Galkina M.V. Unrealized Architectural Projects of the 1920s: The Value of Constructivism Ideas.....50

NAMES. PORTRAITS

Lomonosov A.V. On Literary Terror (Based on the Materials of V.V. Rozanov’s Drafts and Unpublished Articles).....62

Serebryakova E.G. The “Advocate” Identity in Social and Professional Practice of Frida Vigdorova72

ORBIS LITTERARUM

Levner M.V. Rare Publications of the Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences in the Service of Culture and Historical Science.....84

JOINT OF TIME

Storchak V.M., Ogorodnikova O.A. The Phenomenon of Soviet Holiday96

Information for Authors

Publication Ethics of “Observatory of Culture” Journal.....109

Requirements to Information and Articles Submitted for Publication in Observatory of Culture Journal.....112

УДК 7.01
ББК 71.063.131
DOI 10.25281/2072-3156-2019-16-1-4-15

Т.С. ЗЛОТНИКОВА

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ И МЕНТАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ РУССКОГО ТЕАТРА КАК КОДА ИДЕНТИЧНОСТИ

Татьяна Семеновна Злотникова,
Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского,
кафедра культурологии,
профессор
Республиканская ул., д. 108/1,
Ярославль, 150000, Россия
доктор искусствоведения, профессор
ORCID 0000-0003-3481-0127; SPIN 1223-2255
E-mail: cij_yar@mail.ru

Реферат. Русский театр последних столетий является отчетливо сформированным кодом идентичности, обладая определенностью содержательных (социально-нравственных) и формальных (художественно-эстетических, в том числе жанровых и вербальных) особенностей. Цель настоящей статьи — обосновать сущест-

ование русского театра как кода идентичности, который включает, мы полагаем, два дискурса — цивилизационный и ментальный.

В качестве пограничного цивилизационного кода русского театра определяется драма. Это и род литературы, развивавшийся динамично, парадоксально, создавая выдающийся репертуар для театра; и определение жизненной ситуации, которая характеризует театральность как специфическую черту русского самосознания. Цивилизационный дискурс русского театра проявляется через парадоксы конфликта в психологической драме. Уникальное (ментально детерминированное) культурологическое измерение русской драмы формирует логическую цепочку: время, пространство и человек, затерянный во времени и пространстве. Драма приходит в жизнь человека уже не как род литературы, а как ситуация его экзистенции.

Русская режиссура определена как ментальный/специфический и одновременно цивилизацион-

ный/универсальный код. Цивилизационный дискурс русского, как и мирового, театра предъясняет парадокс, связанный с конституированием режиссерской профессии как воплощения демиургического начала и сферы самореализации индивидуального начала творческой личности (что видно в опыте В. Мейерхольда и Е. Вахтангова, Г. Товстоногова и Ю. Любимова, а также многих из действующих сегодня режиссеров). Актер в России — больше, чем актер; перефразируя известную формулу, мы обращаем внимание на присущее именно актерскому творчеству свойство ментального кода идентичности. Триада драматург—режиссер—актер, несомненно, составляет основу отечественной художественной традиции и утверждает значимость профессиональных интенций и культурфилософский смысл творческой деятельности каждого из трех авторов театрального произведения. Актер в этой цепочке является завершающим звеном.

Цивилизационный дискурс, опирающийся на универсалии культурных практик, связан с трансформациями стилей, методов, вечных тем, отражаясь, прежде всего, в драматургии. Ментальный дискурс, в полной мере специфический, связан с локальными мотивами (актерское творчество) и парадоксальными рецепциями мировых практик и влиянием на них (режиссура).

Ключевые слова: русский театр, код идентичности, цивилизационный и ментальный дискурсы, драма, режиссер, актер, А. Пушкин, А. Чехов, В. Мейерхольд, Е. Вахтангов, Г. Товстоногов, М. Чехов, О. Табаков, С. Юрский.

Для цитирования: Злотникова Т.С. Цивилизационный и ментальный дискурсы русского театра как кода идентичности // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 1. С. 4–15. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-4-15.

Русский театр последних столетий является отчетливо сформированным кодом идентичности, обладая рядом содержательных (социально-нравственных) и формальных (художественно-эстетических, в том числе жанровых и вербальных) особенностей. Цель настоящей статьи — обосновать

существование русского театра как кода идентичности.

Цивилизационный дискурс, опирающийся на универсалии культурных практик, связан с трансформациями стилей (в частности классицизма), методов (романтизма и реализма), вечных тем (власть, любовь, честь и т. п.). Ментальный дискурс, в полной мере специфический, связан с локальными мотивами (дихотомия «мужчина—женщина», провинциальный и столичный хронотопы) и парадоксальными рецепциями мировых практик (театрализация повседневности и интеграция художественного и внехудожественного в парадигме абсурда). Именно театр как код идентичности (драматургия, актерское и режиссерское творчество) ставит русскую культуру в неиерархически выстроенный номинативный ряд европейских культур, привлекая в XXI в. внимание представителей восточных культур.

ТЕАТРАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Театр — любимое развлечение и любимое детище русского человека. Театральность поведения в социуме¹ неотъемлема от российской повседневности. Как часто персонажи русских классических пьес выбивались из обыденного стиля речи и поведения, произнося пространственные обличительные монологи (от «Недоросля» Д. Фонвизина и «Горя от ума» А. Грибоедова до «Доходного места» А. Островского и «На дне» М. Горького). А кто-то из русских классиков шел дальше, создавая пародии на театральность мировосприятия и поведения (адресованный мебели монолог Гаева в «Вишневом саде» А. Чехова).

¹ Это могут быть и семейные ссоры (стоит только вспомнить трагический балаган, который бабушка устраивала внуку и другим членам семьи в повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом»), и популярные в советское время диспуты и суды (вплоть до судов над литературными персонажами, происходившими во время школьных занятий), и современные публичные политические диспуты (и это не только на «телевизионной картинке», но и в официальных залах заседаний).

Театр связан с праздничным времяпрепровождением, а театральность вызывает у людей ощущение легкости и простоты любого деяния. Но театр — это и объект раздражения, необоснованных упреков, когда государственный служащий высокого ранга может призвать своих сотрудников не устраивать театр во время работы.

Театр в России — объект устремлений и своего рода метафора странности и несбыточности. Театральность как особая приподнятость стиля речи и поведения присуща философским метафорам; мы видим это у Н. Бердяева, писавшего о душе России и о власти пространств над русской душой, у В. Соловьева с его рассуждениями о враге с Востока, у В. Ключевского, полагавшего что в России центр располагается на периферии.

Театр в России, демонстрируя интеграцию русской культуры в мировую, осваивал патетику драм Ф. Шиллера, который был самым популярным западным автором в первые годы после революции 1917 года. Театр становился экспериментальной площадкой для формирования социально-политической парадигмы культурных акций; великий режиссер В. Мейерхольд, как известно, был создателем парадов на столичных площадях, но и в его театральных работах присутствовал политический заряд. В спектакле по символистской пьесе Э. Верхарна «Зори» (пьеса 1898 г., спектакль 1920 г.) новыми театральными средствами внедрялась актуальная политическая атмосфера, театральная экспансия жизни сочеталась с обыденной экспансией искусства: «Война превращалась в народное восстание <...> актеры в этом спектакле выступали без грима, без париков <...> были, в сущности, митинговыми ораторами. Самая манера произносить речи, жестикация, даже их “хриплые, простуженные голоса”, вызывавшие иронию опытных театралов, — все это выглядело “как на митинге”» [1, с. 237, 238].

Острые политические коллизии, осмысливаемые через конкретность социально-нравственных ситуаций, уникальное умение театральных творцов соединить общезначимое и локальное — таким видится цивилизационно детерминированный дискурс русского театра в его обобщенном виде, известный и востребованный в мире, повлиявший на мировые культурные практики.

Но есть и ментально детерминированный дискурс, согласно которому русский театр и в своих практиках, и в своем метафорическом осмыслении оказывается загадочной ойкуменой, понятной и принятой «своей» публикой, но миру не известный. Разве что, как это стало принято особенно в последние два-три десятилетия, отечественные режиссеры приглашаются на постановки в другие страны². Основной ментально детерминированный дискурс мы полагаем провинциальность русского театра — с учетом всего многообразия представлений о провинции и ее культуре [2]. Но детализация проблемы требует отдельного рассмотрения.

Далее будем опираться на свои прежние суждения о возможности построения эстетически детерминированной модели русского театра как культурфилософской целостности [3]. Индивидуальные творческие устремления авторов (будь то драматург, режиссер или актер) имеют исторически детерминированную традицию взаимодействия и парадоксальной взаимозависимости (динамики и константы, классики и интерпретации, творческой личности в контексте традиций и личностной динамики) [4–6].

ДРАМА В РОССИИ — ПОГРАНИЧНЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОД

Начнем рассмотрение проблемы с драмы, определив ее в качестве пограничного цивилизационного кода русского театра. Драма — это и род литературы, развивавшийся динамично, парадоксально, создавая выдающийся репертуар для театра; и характеристика жизненной ситуации, которая характеризует театральность как специфическую черту русского самосознания.

Театр начала XXI в. со всеми его экспериментами, потерями и обретениями, заметны

² Если во второй половине XX в. за рубежом изредка ставили только Г. Товстоногов, А. Эфрос и высланный из страны Ю. Любимов, то теперь в Америке, Европе и, что особенно характерно, Азии, прежде всего в Южной Корее и Китае, постоянно ставят русскую классику и иногда современные русские пьесы ведущие отечественные режиссеры: А. Шапиرو, Л. Додин, Г. Козлов, А. Кузин, В. Фокин.

ми зрителю на сцене, как никогда, тоскует по драме, тоскует по тексту, слову, сюжету, действию. Не всегда находя эти слова, сюжеты и действие в современных текстах, авторы которых забывают о жизни актеров на площадке или не умеют учитывать факт будущего театрального воплощения, современные режиссеры то робко и стеснительно, то решительно и последовательно обращаются к драматургическим текстам прошлых десятилетий и столетий. Русский театр, в каком бы веке он ни существовал, верен драме как роду литературы, и никакие декларации отказа (разрушения, деконструкции или чего-то иного, подобного) не могут убедить в правильности отказа русского театра от его неперменной составляющей — драмы.

Полагаем, что одна из констант в судьбе русского театра — *человек/автор*, что актуализирует, в частности, трудноразрешимую на практике и не изученную применительно к театру проблему «смерти автора» — драматурга в век режиссуры. Впрочем, можно говорить, напротив, о жизнеспособности даже тех авторов и их пьес, которые несколько десятилетий назад казались завершающими театральный процесс, замыкающими развитие нашей театральной культуры.

Для русского театра всегда был важен и собственный [7; 8], и мировой [9] эстетический анализ теоретико-драматургических особенностей текстов; недаром опыт развития теории драмы в нашей стране имеет весьма достойную, хотя и ушедшую в прошлое традицию исследований и публикаций, где изучены субъекты драматургического творчества, личности драматургических персонажей. И все это сделано в контексте социально-психологического и драматического конфликта, особенностей вербального и невербального воплощения личностных интенций, воплощения жанра как способа самореализации личности персонажа и личности автора в смыслах, характерных для картины мира режиссера и актера.

Ранее нами была определена следующая закономерность: если в качестве культурологически детерминированной *константы* в судьбе русской драмы мы определяем наличие и остроту эстетических парадоксов, рожденных парадоксами социальной, нравственной, художественной жизни России, то основу *динамики* русской драмы — от решительного отверже-

ния классицистской парадигмы до новаторства в жанровых и нравственно-психологических решениях — мы видим в постоянных попытках русской драмы XX в. «оторваться» от собственных корней [4–6; 10]. Подчеркнем: причина парадоксальности драматургической составляющей русского театра есть глубокая и при этом полемически окрашенная погруженность в традицию, что характерно и для советского, и для постсоветского периодов³.

Современное культурологическое, эстетическое, искусствоведческое знание, полагаем, еще не оценило в полном объеме цивилизационный дискурс русской драмы, в силу которого новые акценты приобретают следующие проблемы:

- ♦ зарождение нововременной теории драмы (в ее имманентном качестве у А. Пушкина);
- ♦ формирование специфически российско-го теоретико-драматического тезауруса и обоснование эстетической парадоксальности западывающего развития сценического искусства по сравнению с европейской традиций;
- ♦ актуализация категорий жанра, конфликта, композиции применительно к специфическим национальным социокультурным, психологическим, эстетическим аспектам восприятия.

Последним, кто оценил масштаб проблемы, был создавший цикл уникальных исследований в 1960-е гг. А.А. Аникст [11].

Отечественный сценический опыт последнего столетия подчеркивает такой специфический смысл драматического искусства, как его жанровые парадоксы (Н.В. Гоголь, а вместе с ним А.В. Сухово-Кобылин, М.Е. Салтыков-Щедрин и др.): историко-культурный потенциал составляют русская комедия, русская трагедия, русская драма как «нелинейные» жанры, в противовес европейской, в частности классицистической либо романтической традиции; формирование специфической (парадоксальной) картины мира, предвосхитившей зарождение европейской драмы абсурда (алогизм,

³ Парадокс личностного противостояния творца и макро/микросоциума в разные периоды нашей истории актуализируется в творчестве многих драматургов: будь то социализированные (например, А. Арбузов или В. Розов) или психологизированные и, казалось бы, социально «апатичные», своего рода «потерянные» представители новых драматургических поколений (Н. Коляда, А. Шипенко, бр. Пресняковы, И. Вырыпаев).

оборотничество и перевертыши, феномен «пустоты»), но имеющей отчетливую социально-критическую (гротесковую) природу.

Цивилизационный дискурс русского театра проявляется через парадоксы конфликта, в психологической драме они становятся особенно заметны во второй половине XIX века. Предвестие режиссерских открытий конца XIX в. — сочетание элементов внешнего и внутреннего конфликта в русской драме (И.С. Тургенев, А.Н. Островский) — становится отражением духовно-нравственных исканий личности. Уникальное (ментально детерминированное) культурологическое измерение русской драмы формирует логическую цепочку: время, пространство и человек, затерянный во времени и пространстве (А.П. Чехов, М. Горький). Так, А.П. Чехов осознается как демиург «драмы абсурда» [12], а М. Горький — как призма нравственного опыта начала нового века, немилосердного и воинственного (проблема «милосердия для бедных» [13]).

Понимание, ставшее активным творческим деянием для режиссеров, актеров, критики, становится существенной проблемой жизни драмы не просто как совокупности текстов, но как культурологического феномена, сосредоточивающего в себе общественные и индивидуальные интенции своего времени. Драма приходит в жизнь человека уже не как род литературы, а как ситуация его экзистенции.

РУССКАЯ РЕЖИССУРА — МЕНТАЛЬНЫЙ/ СПЕЦИФИЧЕСКИЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ/ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОД

Достоянием истории на наших глазах становятся не только признанные во всем мире классики, с которых в принципе начиналась профессия режиссера, но и ученики учеников, те, кто составили достояние нашего искусства во второй половине XX века. Сегодня, во втором десятилетии XXI в., режиссурой занимаются разные люди, в том числе и те, для кого понятия «школа», «ансамбль», «традиция» и им подобные —

уже архаизм, а известный слоган явно или по умолчанию перефразируется в «режиссура — это Я» либо даже в «театр — это Я».

Такую тенденцию подчас называют пост-модернистской, хотя, на наш взгляд, она находится вне методологически внятной типологии, являясь признаком люмпенизации искусства. Но даже эта тенденция ставит отечественный театр в пограничное состояние между двумя дискурсами: цивилизационным (в аспекте взаимных влияний отечественной и зарубежной режиссуры) и ментальным (в аспекте отражения специфических социокультурных реалий, связанных с перепадами социальных ожиданий и свершений/разочарований).

Вот почему вслед за фигурами первого (по времени) ряда отечественных режиссеров, чья жизнь вобрала и выразила не только эстетические, но и политические парадоксы первой половины в. (К.С. Станиславский, В.Э. Мейерхольд, Е.Б. Вахтангов, А.Я. Таиров), представляется важным увидеть судьбы и спектакли не напрямую следующего за ними поколения (Ю.А. Завадский, Н.П. Охлопков, Р.Н. Симонов, В.Н. Плучек, А.Д. Дикий, А.Д. Попов, великий режиссер и педагог М.О. Кнебель), которое было полностью детерминировано как принадлежностью к «школе», так и временем своего активного творчества — с 1930—1940-х по 1960—1970-е годы. Важно увидеть и эстетические парадоксы режиссуры как профессии и образа жизни, особенно разнообразно проявившиеся в жизни более позднего (назовем его третьим) поколения, к которому относятся и уже ушедшие из жизни Г.А. Товстоногов, А.В. Эфрос, О.Н. Ефремов, Ю.П. Любимов, и здравствующие Г.Б. Волчек, М.А. Захаров.

И вот уже четвертое, как можно условно его назвать, поколение — современные отечественные режиссеры старшего (после 65—70 лет) и среднего, стремительно стареющего (50—65 лет) поколений, сформированные той классической режиссерской школой, которая в нашей стране связывалась с именами людей, получавших уроки первых — по времени жизни — корифеев: работают ученики А. Лобанова, М. Кнебель, Г. Товстоногова. В их работе и судьбах сегодня сбывается горькое предвидение или предчувствие совсем недавнего, каза-

лось бы, времени — предвидение превращения режиссерской профессии в раритет.

Подчеркнем — *профессии*, которая в течение всего в. считалась трудной, обязывающей, требующей множества личностных и художественных предпочтений. Заметное снижение — нет, не уровня пиетета, но уровня значимости, в том числе общественной, и уровня ответственности (не будем говорить специально, но упомянем о ставшей острейшей для современного театра проблеме театрального лидерства) — вот коллизия, которая вынуждает говорить о трансформации либо деформации режиссерской профессии.

В 1992 г., выдающийся актер и режиссер С. Юрский, размышляя по поводу докторской диссертации автора этих строк, писал о завершенности эпохи «советского театра», которая соотносилась со второй половиной в.: «Несмотря на время застоя, это, без всякого сомнения, эпоха великого взлета. Подавление личности, последовательное устранение и даже уничтожение лидеров во многих областях общественной жизни делало театр заповедным островом в этом смысле. Нет больше “советского” театра. Он ушел навсегда, проклинаемый и незабвенный. Над так называемыми “шестидесятниками” посмеиваются, а то и смеются. Но учиться... идут к ним... к их опыту... Не рискую пророчествовать, но кажется, режиссура — профессия, принадлежащая только веку. Она движется к концу, к мутации... Плеяда, к которой принадлежали Товстоногов, Эфрос, Любимов, Ефремов, выглядит строем богатырей. Их работа воспринимается уже сейчас как классический героический период»⁴.

Культурологическое измерение, в котором мы представляем русский театр и его характеристики как универсального и специфического кода идентичности, позволяет соотнести преходящее и уже ушедшее в прошлое социальное бытие страны, где великолепно и трагично развивалась история уникальной режиссерской профессии и уникальных же людей. Особый аспект названного культурологического измерения проблемы связан с тем, что мифологизированное сознание тоталитарного общества, очевидно, распространялось и на

художественный процесс. Множество социальных и художественных мифов, которыми насыщена культура последнего столетия в нашей стране, создавали ситуацию, когда при сохранении узнаваемых черт действительности менялся смысл жизни творцов. Например, в отечественной культуре имплицитно сложился миф о режиссерах начала в., великих и уникальных; и в научной традиции, и в среде практиков театров закрепилось представление, основанное на бинарной оппозиции [14]: В. Мейерхольд — это прежде всего человек политики, Е. Вахтангов — прежде всего человек искусства. Миф этот имеет существенные детали и оттенки.

При всей своей творческой оригинальности театрального революционера и современника, энтузиаста, критика революции, при непростом характере, незавершенности художественной программы Е. Вахтангов остался единственной фигурой в истории русского театра, признаваемой (почитаемой, любимой, жалеемой) представителями разных художественных школ и идеологических направлений. Русская художественная культура получила *миф Вахтангова* в связи с его последним спектаклем — «Принцессой Турандот». Стало понятно, что значение этого спектакля не ограничивается сформированным синтезом условно-игрового типа сценического действия и тонкого проникновения в природу актерского мастерства. Игра как способ организации жизненного и художественного пространств в их взаимосвязи и взаимообусловленности — важнейший философский, эстетический, культурологический принцип, характеризующий понятие «вахтанговское». Это понятие выросло из личностно значимой, уникальной в своем смысле тенденции: для Е. Вахтангова было характерно до болезненности острое восприятие *единства этического и эстетического начал* в искусстве (отсюда его погруженность в работу студий и стремление к реализации отчасти утопической идеи студийности) [15].

В. Мейерхольд — блистательная в художественном и интеллектуальном плане, трагическая в политическом плане фигура отечественной культуры — был изначально «настроен» на революцию. Изучение контекстуального и индивидуального бытия предусматривает анализ его личности в своеобразном универсуме *ре-*

⁴ Цитируется по материалам личного архива.

волюционной атмосферы, с одной стороны, и в уникальном модусе революционной «натуры» и революционных (применительно к художественной практике) действий, с другой стороны.

Пользуясь понятием «революционный пафос», дискредитированным идеологическими инверсиями, но вполне значимым по сей день, можно сказать, что этот пафос был характерен для всего творчества В. Мейерхольда, будь то особенности интерпретации литературного материала («Маскарад» или «Дон Жуан» накануне революции 1917 г., «Лес», «Ревизор», «Горе от ума» в 1920–1930-е гг.), новые принципы воспитания актера либо ведения репетиционного процесса (биомеханика, нетривиальность подходов к актерским индивидуальностям), понимание сценического пространства и опыты по его трансформации («Мистерия-буфф», «Земля дыбом»), обращение к музыке не только как к привычному аккомпанементу, но как равноправному участнику сценического действия и, более того, как структурному принципу организации всего сценического действия («музыкальный реализм»).

Революционность В. Мейерхольда, а именно она стала главным признаком этой личности в мировой культуре, заключалась не в ниспровержении, как казалось многим современникам, но в позитивной готовности к переменам и способности совершать их, не теряя себя, а находя новые художественные решения.

Позднее своего рода мифом, отражавшим стремление к преодолению экзистенциального «вакуума» творцов в бодром и едином потоке культурной жизни, оказалась идея «театра единомышленников». Мифологизация — по сути дела, идеализация — первого, «ефремовского» периода жизни театра «Современник» (с 1956 по 1970 г.) породила особый драматизм переживания его кризиса всеми, кто прежде был причастен к этому театру. Сегодня можно определенно утверждать: это была идея не театральная, но социальная, ибо практикам театра должно было быть понятно, что творческое единомыслие на уровне миропонимания не может быть предметом декларации, а единство стиля, единство ансамбля — это вопрос скорее технологический и еще менее подлежащий декларированию для его решения.

Характерными гранями «мифа советско-

го театра» как культурфилософского феномена были представления о «благополучном» режиссере Г. Товстоногове и «гонимом» режиссере Ю. Любимове.

Внешнее благополучие (формальное, хотя и часто запоздалое признание) Г. Товстоногова оплачивалось мучительным «буферным» состоянием режиссера в борьбе за свое дело — свой театр — и обернулось жизнеспособностью и театра, и даже отдельных его спектаклей после смерти его строителя, который за свою «благополучную» жизнь создал островок стабильности в море политической и нравственной неустойчивости.

Преследование Ю. Любимова создало ему традиционный для России ореол мученичества. Дело не в том, что творчество было для Ю. Любимова формой сопротивления, это неоспоримо; важно еще и то, что сопротивление было особой формой его творчества, и препятствия питали его так, как иного художника питают покой и гармония. После возвращения Ю. Любимова из эмиграции (и, что характерно, возобновления «Бориса Годунова» с его неразрешимой проблемой власти и самозванства) на должность художественного руководителя театра прежний миф о мученике вдруг трансформировался в миф о гонителе, деспоте, против которого «восстали» собственные ученики.

В течение в., и это продолжает актуализироваться по сей день, в русском театре обозначился алгоритм динамики — от непререкаемого творческого авторства к выполнению административных функций (в системе деятельности одной личности и в эволюции русского — советского — российского театра). В связи с этим мы выявили и показали на примерах нескольких выдающихся творцов инновационно поставленную проблему художественного творчества — «спектакль как инвариант судьбы режиссера». Это — особая, трагичная и прекрасная сфера, включающая творческие акции в судьбоносных, переломных ситуациях («Чайка» О. Ефремова в «Современнике», «Директор театра» А. Эфроса в Театре на Малой Бронной, «Балалайкин и Ко» Г. Товстоногова в «Современнике»).

Наконец, мы разработали своего рода типологию [5], которая может быть положена

в основание представлений о коде идентичности, предложив условную градацию⁵ отечественных режиссеров: среди них мы выделили созидателей/новаторов (К. Станиславский, В. Мейерхольд, Е. Вахтангов, А. Таиров); последователей/продолжателей (Ю. Завадский, В. Плучек, Г. Товстоногов); пасынков времени и в то же время любимцев публики, представителей творческой эклектики (О. Ефремов, Г. Волчек, А. Эфрос, Ю. Любимов, М. Захаров).

И вот уже достоянием истории культуры стал тот факт, что цивилизационный дискурс русского, как и мирового, театра предъявляет парадокс, связанный с конституированием режиссерской профессии как воплощения демиургического начала и сферы самореализации индивидуально-начала творческой личности. Парадоксальной оказалась трансформация традиционной для начала в. триады В. Немировича-Данченко (режиссер в контексте взаимодействия с драматургом и актером, т. е. в контексте конструирования целостного спектакля) в синергетически детерминированную многофункциональность.

АКТЕР В РОССИИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ АКТЕР: МЕНТАЛЬНЫЙ/СПЕЦИФИЧЕСКИЙ КОД ИДЕНТИЧНОСТИ

Как это ни покажется парадоксальным, но актер в современных научных представлениях — фигура, кажущаяся известной, исследованной и потому не привлекающей к себе последовательного внимания. Однако такое неглубокое понимание проблемы не учитывает специфику актерского творчества — «сиюминутного», эфемерного, лишенного бытийного и эстетического континуума. Знаменитое «здесь и сейчас» требует постоянного и последовательного исследовательского внимания к актеру, который, особенно в современной культурной ситуации, этого внимания лишен.

Триада драматург—режиссер—актер, несомненно, составляет основу отечественной

художественной традиции и утверждает значимость профессиональных интенций и культурно-философский смысл творческой деятельности каждого из трех авторов театрального произведения. Актер в этой цепочке является завершающим звеном: как бы значимы ни были режиссерские изыскания и открытия, на острие воплощения замысла остается актер-творец; как бы ни были оригинальны либо консервативны драматургические приемы, они останутся на листе бумаги без живого актера, выходящего на сцену и привлекающего внимание публики.

Странность и прозрачность актерской судьбы, духовного роста и творческих трансформаций поставили М. Чехова в уникальную позицию как внутри практик русского театра, так и в мировом театральном процессе. Родившийся в России, он умер в США и похоронен в Голливуде. В его жизни сложилась весьма существенная для отечественной культуры иерархия функций: актер, театральный педагог, режиссер [16].

Его блистательная актерская техника, ставшая мировой легендой, с одной стороны, была специфична и глубоко индивидуальна, с другой — являлась образцом для последователей и результатом работы актера над собой, постоянного тренинга. Но не только техникой славился великий актер. Его глаза изумляли, когда он был еще ребенком. «В его глазах блестит нервность», — заметил А.П. Чехов о четырехлетнем ребенке [17, с. 21]. Позднее современники не раз отмечали у молодого актера особый блеск глаз, их казавшийся особенным размером, что компенсировало простоватую внешность М. Чехова. Уже с первых ролей М. Чехов предстал как выдающийся и изобретательный характерный актер: в его исполнении постоянно сплетались две жанровые стихии, трагическая и комическая. Даже трагические роли — Гамлет, Эрик V — были в его версии подлинно характерными. «Маленькие люди», включая Хлестакова, и старики (старость у М. Чехова могла быть не только жалкой или забавной, но отчуждающе-жесткой, хотя отчасти величественной, одна из вершин его творчества в России — Аблеухов из «Петербурга» А. Белого) — особое достижение гения М. Чехова.

Искусство для него было не просто фун-

⁵ Заметим, что мы не включили в данную градацию представителей активно работающих поколений.

кцией жизни, но самой жизнью; поэтому он испытывал неудовлетворенность современным сценическим искусством и деятельно стремился к совершенству, в чем и состояла ментальная уникальность его личности.

Десятки великих, сотни великолепных, тысячи высокопрофессиональных актеров — невозможно позволить себе любую иерархию в перечислении или упоминании русских актеров. Не пытаюсь выстроить номинативный ряд или дать серию микропортретов (последнее в какой-то мере возможно в обширной монографии, но не в статье), остановимся кратко на двух актерских работах недавнего времени, чтобы подчеркнуть преходящий характер именно актерства и отдать дань нашим великим современникам, которых уже нет в живых.

В 2015 г. оба эти актера отметили 80-летний юбилей и могут считаться в высшей степени показательными фигурами: актер, педагог, театральный менеджер О. Табаков и актер, режиссер, писатель С. Юрский. Обобщив репрезентативный и уникальный опыт этих мастеров [18], сейчас, после их ухода из жизни, считаем необходимым сказать особо. Они сыграли в 2015 г. юбилейные (бенефисные по своему замыслу) спектакли: «Юбилей ювелира» (О. Табаков), «Полеты с ангелом. Шагал» (С. Юрский). Один поставлен К. Богомоловым, режиссером нового поколения, склонным к игровым, не чуждым некрофилии мотивам, второй — самим исполнителем главной роли, С. Юрским.

Старение, если перед нами талантливый актер, если это не гротеск/клоунада, а психологический театр, играется в приметах, нюансах и деталях, интонациях, повороте головы. Когда актеры еще относительно молоды, может быть, например, чуть ссутулена спина, чуть замедлен жест. Подчеркнем: старец — это *роль*, а не физиология (ветхость организма, болезненность состояния, диагнозы).

В спектаклях, достаточно заурядных с точки зрения драматургического уровня (в одном случае, у О. Табакова — ретро-мелодрама с традиционными для этого жанрового феномена элементами эксцентрики, в другом — коллаж с элементами близкого С. Юрскому брехтовского «эпического театра»), актуализирована обозначенная К. Юнгом в связи с проблемой архетипа дихотомия молодости и старости как

двух половин жизни [19].

Вкус и здравый смысл, а не просто выдающийся талант не позволили О. Табакову как актеру, для которого спектакль поставил режиссер К. Богомолов, обычно жесткий и физиологично-ориентированный, но на этот раз весьма корректно организовавший сценическое действие, посвященное умирающему и, по логике сюжета, едва ли не на наших глазах разлагающемуся старику, погрузиться в буквальное изображение «ипохондрика, скряги, узкого педанта» (согласно списку характеристик, по К. Юнгу).

С. Юрский — режиссер спектакля и актер, сыгравший не просто разные возрастные ипостаси Шагала, но несколько зарисовок разных персонажей (при условии действия, ориентированного на постоянные реминисценции) — по своему внутреннему настрою, по разумной и корректной пластической экстравагантности (спектакль начинается с мизансцены, в которой 80-летний актер «зависает» в неудобной позе на приставной лестнице) избежал в сценическом рисунке и в психологическом состоянии «того заблуждения, что вторая половина жизни должна управляться принципами первой» [19, с. 198–199].

Итак, театр может быть *зрелищем*. Может быть *развлечением*. Может быть *сферой творческой самореализации*. Может быть сложным, синтетическим *видом искусства*. Театр может быть *дискурсом миропонимания*, придавая специфичность ментальным проявлениям, далеко выходящим за рамки художественных практик. Но в России театр должен *просто быть*. И в этом своем уникальном и всеобъемлющем бытии он, соединяя все названные функции, становится *кодом идентичности*, без которого духовная жизнь вообще невозможна.

Список источников

1. Рудницкий К.Л. Режиссер Мейерхольд. Москва : Науча, 1969. 526 с.
2. Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Летина Н.Н., Кищенко Л.П. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 125–136.
3. Злотникова Т.С. Эстетические парадоксы и константы русского театра: культурфилософский дискурс // Вопросы культурологии, 2012. № 3.

- С. 28–33.
4. Злотникова Т.С. Эстетические парадоксы русской драмы : научная монография / Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2011. 288 с.
 5. Злотникова Т.С. Эстетические парадоксы режиссуры: Россия, XX век : научная монография / Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2012. 308 с.
 6. Злотникова Т.С. Эстетические парадоксы актерского творчества: Россия, XX век : научная монография / Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2013. 211 с.
 7. Владимиров С.В. Действие в драме. Ленинград : Искусство, Ленингр. отд-ние, 1972. 159 с.
 8. Сахновский-Панкеев В.А. Драма : Конфликт. Композиция. Сценическая жизнь. Ленинград : Искусство, Ленингр. отд-ние, 1969. 232 с.
 9. Бентли Э. Жизнь драмы / пер. с англ. В. Воронина ; предисл. И.В. Минакова. Москва : Айрис-пресс, 2004. 416 с.
 10. Злотникова Т.С. Эстетические парадоксы русского театра в культурно-философском измерении // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 4. С. 114–124.
 11. Аникст А.А. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. Москва : Наука, 1972. 644 с.
 12. Злотникова Т.С. Время «Ч» : (Культурный опыт А.П. Чехова. А.П. Чехов в культурном опыте 1887–2007 гг.) : научная монография. Москва ; Ярославль, 2007. 259 с.
 13. Злотникова Т.С. Провинциальный «театр имени Горького»: институциональное и эстетическое // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 235–241.
 14. Злотникова Т.С. Творец и масса: революция 1917 года и революционность художественной жизни // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 319–326.
 15. Симонов Р.Н. Творческое наследие : статьи и воспоминания о Р.Н. Симонове. Москва : ВТО, 1981. 559 с.
 16. Чехов М.А. Литературное наследие : в 2 т. Москва : Искусство, 1995. Т. 1. 542 с.; Т. 2. 588 с.
 17. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. Москва : Наука, 1978. Т. 6. 775 с.
 18. Злотникова Т.С. Архетип старца и имидж любимца публики (парадоксы возрастного бытия артистов О. Табакова и С. Юрского) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 199–204.
 19. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. Москва : Прогресс-Универс, 1996. 336 с.

Civilizational and Mental Discourses of the Russian Theatre as an Identity Code

Tatiana S. Zlotnikova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 108/1, Respublikanskaya Str., Yaroslavl, 150000, Russia
ORCID 0000-0003-3481-0127; SPIN 1223-2255
E-mail: cij_yar@mail.ru

Abstract. *The Russian theatre of the last centuries is a distinctly formed identity code, possessing certain content (social and moral) and formal (artistic and aesthetic, including those genre and verbal) features. The purpose of this article is to justify the presence of the Russian theater as an identity code, of which we believe there are two discourses – civilizational and mental.*

Drama is defined as a borderline civilizational code of the Russian theatre. This is both a kind of literature that has developed dynamically, paradoxically, creating an outstanding repertoire for the theater, and the definition of a life situation that characterizes theatricality as a specific feature of Russian identity. The civilizational discourse of the Russian theatre manifests itself through the paradoxes of conflict in psychological drama. The unique (mentally deterministic) cultural dimension of the Russian drama forms a logical chain: time, space, and a person lost in time and space. The drama comes into the person's life not only as a kind of literature, but also as a situation of their existence.

Russian directing is defined as a mental/specific and, at the same time, civilizational/universal code. The civilizational discourse in the Russian, as well as the world theatre represents the paradox associated with the institutionalization of director's pro-

fession as an embodiment of the demiurgic beginning and the sphere of self-realization of individual peculiarities of a creative personality (which can be seen in the experience of V. Meyerhold and E. Vakhtangov, G. Tovstonogov and Yu. Lyubimov, and many of the existing directors of today).

An actor in Russia is more than an actor; paraphrasing the well-known formula, we pay attention to the characteristic of mental identity code inherent in acting. The triad of playwright—director—actor undoubtedly forms the basis of the Russian artistic tradition and affirms the importance of professional intentions and the cultural and philosophical meaning of creative activity of each of the three authors of a theatrical work. The actor in this chain is the final link.

The civilizational discourse, based on the universals of cultural practices, is associated with transformation of styles, methods, eternal matters, reflecting primarily in drama. The mental discourse, fully specific, is associated with local themes (acting) and paradoxical receptions of world practices and influence on them (directing).

Key words: Russian theatre, identity code, civilizational and mental discourses, drama, director, actor, A. Pushkin, A. Chekhov, V. Meyerhold, E. Vakhtangov, G. Tovstonogov, M. Chekhov, O. Tabakov, S. Yursky.

Citation: Zlotnikova T.S. Civilizational and Mental Discourses of the Russian Theatre as an Identity Code, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 4–15. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-4-15.

References

1. Rudnitsky K.L. *Rezhisser Meierkhol'd* [Director Meyerhold]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 526 p.
2. Zlotnikova T.S., Erokhina T.I., Letina N.N., Kiyashchenko L.P. Russian Province in Philosophical Discourse: Conceptualization of Metaphor, *Voprosy filologii* [Russian Studies in Philosophy], 2014, no. 11, pp. 125–136 (in Russ.).
3. Zlotnikova T.S. Aesthetic Paradoxes and Constants of Russian Theatre: Cultural and Philosophical Discourse, *Voprosy kul'turologii* [Issues of Cultural Studies], 2012, no. 3, pp. 28–33 (in Russ.).
4. Zlotnikova T.S. *Esteticheskie paradoksy russkoi dramy: nauchnaya monografiya* [Aesthetic Paradoxes of Russian Drama: scientific monograph]. Yaroslavl, 2011, 288 p.
5. Zlotnikova T.S. *Esteticheskie paradoksy rezhissury: Rossiya, XX vek: nauchnaya monografiya* [Aesthetic Paradoxes of Directing: Russia, 20th Century: scientific monograph]. Yaroslavl, 2012, 308 p.
6. Zlotnikova T.S. *Esteticheskie paradoksy akterskogo tvorchestva: Rossiya, XX vek: nauchnaya monografiya* [Aesthetic Paradoxes of Acting: Russia, 20th Century: scientific monograph]. Yaroslavl, 2013, 211 p.
7. Vladimirov S.V. *Deistvie v drame* [Action in Drama]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1972, 159 p.
8. Sakhnovsky-Pankeev V.A. *Drama: Konflikt. Kompozitsiya. Stsenicheskaya zhizn'* [Drama: Conflict. Composition. Stage Life]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1969, 232 p.
9. Bentley E. *Zhizn' dramy* [The Life of the Drama]. Moscow, Airis-Press Publ., 2004, 416 p.
10. Zlotnikova T.S. Aesthetic Paradoxes of Russian Theatre in Cultural and Philosophic Dimension, *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Foundation for Humanities], 2013, no. 4, pp. 114–124 (in Russ.).
11. Anikst A.A. *Teoriya dramy v Rossii ot Pushkina do Chekhova* [The Theory of Drama in Russia from Pushkin to Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 644 p.
12. Zlotnikova T.S. *Vremya "Ch": (Kul'turnyi opyt A.P. Chekhova. A.P. Chekhov v kul'turnom opyte 1887–2007 gg.): nauchnaya monografiya* ["Ch" Time: (A.P. Chekhov's Cultural Experience. A.P. Chekhov in the Cultural Experience of 1887–2007): scientific monograph]. Moscow, Yaroslavl, 2007, 259 p.
13. Zlotnikova T.S. Provincial "Gorky Theater": Institutional and Aesthetic, *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhski Philological Bulletin], 2018, no. 3, pp. 235–241 (in Russ.).
14. Zlotnikova T.S. Creator and Mass: The Revolution of 1917 and Revolutionism of Art Life, *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2017, no. 6, pp. 319–326 (in Russ.).
15. Simonov R.N. *Tvorcheskoe nasledie: stat'i i vospominaniya o R.N. Simonove* [Artistic Heritage: Articles and Memories of R.N. Simonov]. Moscow, VTO Publ., 1981, 559 p.
16. Chekhov M.A. *Literaturnoe nasledie. V 2 t.* [Literary Heritage. In 2 volumes]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995, vol. 1, 542 p., vol. 2, 588 p.

17. Chekhov A.P. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t.* [Complete Works and Letters: in 30 volumes. Letters: in 12 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1978, vol. 6, 775 p.
18. Zlotnikova T.S. An Archetype of the Elder and the Image of the Public Favourite (Paradoxes of Age Life of Actors O. Tabakov and S. Yursky), *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2016, no. 4, pp. 199–204 (in Russ.).
19. Jung C.G. *Problemy dushi nashego vremeni* [Modern Man in Search of a Soul]. Moscow, Progress-Univers Publ., 1996, 336 p.

21–26 апреля 2019 г., Москва

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДРУГИХ НАУК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПАРАЛЛЕЛИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Приглашаем ученых, деятелей искусств и культуры принять участие в конференции

Организатор – АНО ВО «Институт современного искусства».
Председатель Организационного комитета – Ирина Наумовна СУХОЛЕТ.
Председатель Программного комитета – автор проекта конференции –
Григорий Рафаэлевич КОНСОН.

- ◆ Новейшие тенденции в научной работе и образовании в гуманитарной сфере: Россия vs зарубежье.
- ◆ Художественный образ в классическом и современном искусстве: междисциплинарный ракурс исследования.
- ◆ Искусствоведение, филология и лингвистика: точки пересечений в контексте перспектив создания единого научного пространства.
- ◆ Методы психологии в науке об искусстве: перспективные исследовательские модели.
- ◆ Концепт vs контекст в искусстве и других гуманитарных науках.
- ◆ Источниковедение и текстология в современных исследованиях искусства в контексте других гуманитарных наук.
- ◆ Массмедиа и кинематограф в философско-культурологическом контексте: методы создания новой реальности в современном обществе.
- ◆ Оперный театр и джаз: расширение пространства художественных явлений.
- ◆ Наукометрия в искусствоведении и других областях гуманитарного знания: восприятие новейших данных традиционным академическим сознанием в контексте системного совершенствования исследовательской работы.
- ◆ Искусство и культура в контексте правового регулирования различных сфер общественной жизни.
- ◆ Искусство для здоровья и здоровье как искусство.

Материалы просьба присылать по адресу: gkonson@yandex.ru.

Окончание приема материалов, включающих тексты, сведения об авторах, аннотации и ключевые слова на русском и английском языках статей: 15.04.2019.

Участие бесплатное. Присланные тексты рецензируются. Программный комитет проводит их отбор. Информация об оформлении текстов размещена на сайте конференции.

Рукописи, рекомендованные к включению в сборник, будут опубликованы за счет средств Организационного комитета. Планируется представление издания в международные базы цитирования на рассмотрение для возможной последующей индексации (WoS Core Collection и др.).

Подробнее: <http://isi-vuz.ru/health-art>

УДК 316.733
ББК 71.063.14
DOI 10.25281/2072-3156-2019-16-1-16-28

Е.А. КАРЦЕВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ И АРТ-РЫНКА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Екатерина Александровна Карцева,
Московский международный университет,
кафедра гуманитарных наук,
доцент,
онлайн-издание об искусстве Artandyou.ru,
главный редактор
Ленинградский просп., д. 17, Москва, 125040, Россия
кандидат культурологии
ORCID 0000-0002-3517-5551; SPIN 7970-8713
E-mail: katyakartseva@gmail.com

Реферат. Статья посвящена проблеме изменения художественных коммуникаций и трансформации рынка искусства в условиях развития и доминирования цифровой культуры. Новизна исследования состоит в постановке проблемы трансформации культурных коммуникаций. Цифровая культура, переместившая человека в новую «среду обитания» со своими характеристиками, закономерностями

ми, практиками, рассматривается автором как комплексное явление, которое не только открывает перед обществом новые возможности, но и создает вызовы, в силу которых одной из насущных задач для основных субъектов арт-рынка становится поиск эффективного, этичного, комфортного взаимодействия в информационной среде. Задача статьи – показать, что развитие арт-рынка всегда зависит от качества и уровня социокультурных коммуникаций. Автор строит аналитическое обобщение практик современного российского арт-рынка с опорой на работы известных исследователей данной темы. Рассмотрены четыре группы субъектов арт-рынка (коллекционеры, галеристы, художники, кураторы). Основным практическим результатом исследования является анализ преимуществ и угроз использования социальных медиа этими группами. Отмечается, что общество все плотнее взаимодействует с цифровым контентом, и его влияние затрагивает различные аспек-

ты современной культуры. Так, традиционные средства массовой коммуникации утрачивают монополию на производство и распространение информации, уступая «массовым самокоммуникациям». Формируются новые культурные паттерны поведения, видоизменяются устоявшиеся коммуникативные практики. Делаются выводы о том, что взаимоотношения художника и публики, а также практика выстраивания художественной карьеры трансформировались под влиянием социальных медиа. В последние годы развитие сетевых структур, растущие возможности цифровых систем хранения данных, криптовалют и блокчейн-реестров значительно изменили устоявшуюся систему художественного рынка.

Ключевые слова: художественные коммуникации, арт-рынок, цифровая культура, блокчейн-технологии, новые медиа, продвижение художника.

Для цитирования: Карцева Е.А. Трансформация художественных коммуникаций и арт-рынка в контексте цифровой культуры // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 1. С. 16–28. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-16-28.

Современный рынок искусства характеризуется постоянным увеличением темпов своего развития, вовлечением все большего числа участников, видоизменениями и адаптацией к нюансам современной культуры. Как явление полифункциональное, он выступает регулятором взаимоотношений художника и публики, располагаясь на более широком социокультурном основании, включающем разветвленную сеть художественных коммуникаций. Рынок искусства синхронизирует целый ряд социальных функций: информационную, посредническую, ценообразующую, стимулирующую, регулирующую и социокультурную [1, с. 120]. Художественные коммуникации включают художника, художественное произведение, художественную реальность, культурное посредничество: интерпретаторов (искусствоведы, критики, кураторы) и коммерсантов (галеристы, дилеры, аукционеры), публику (коллек-

художники, коллекционеры, СМИ, спонсоры, широкие слои публики), арт-рынок [2, с. 50].

Б. Гройс в свое время легитимизировал изучение арт-рынка в контексте культуры, обратив внимание на то, что «нельзя представлять дела так, что производство искусства и его поступление на рынок в душе должны быть разделены между собой непроницаемой стеной, вроде прежней Берлинской(!), и что любой проход в этой стене изначально коррумпирует художественную практику» [3, с. 326]. Сегодня, когда соотношение медиакультуры к общей культуре возросло, игнорировать значение художественных коммуникаций в художественной карьере не представляется возможным.

В медиакультуре телевидение, радио, пресса, реклама, искусство — это многообразие знаков и посланий, все уровни которого воспринимаются как эквивалентные друг другу. По мнению А.В. Пилюка, «арт-рынок может существовать и развиваться только при наличии средств массовой информации» [4, с. 10]. Ж. Бенаму-Юэ в книге «Цена искусства» замечает, что «привлечение медиа — это основной способ внушить доверие к происходящему» [5, с. 24]. К.Б. Соколов и Ю.В. Осокин проводят параллель между художественным продуктом и любым другим товаром, нуждающимся в продвижении, и подчеркивают, что «в каждом крупном проекте современного художественного рынка обязательно участвуют PR-менеджеры и менеджеры по рекламе в сфере искусства. Их задача состоит в создании имиджа художественного продукта (галереи, выставки, произведения и т. п.), который нуждается в PR-сопровождении не меньше, чем обычный товар». [6, с. 169]

Арт-рынок — амбивалентное явление, оно связано не только с материальными аспектами произведений искусства, но и с обоснованием их культурной значимости. Продвижение художника на арт-рынок подразумевает:

- ◆ создание, трансляцию и внедрение определенного имиджа художника;
- ◆ информирование о качестве и уровне создаваемой художником продукции;
- ◆ признание и обоснование художественной ценности экспертным сообществом;
- ◆ демонстрацию, показы, выставки художника как основные инструменты социализации его творчества.

СМИ играют в этом процессе важную роль, начиная с момента своего зарождения в современном виде. Исторической динамике роли СМИ в продвижении художников на протяжении в. была посвящена отдельная статья [7].

Цель настоящего исследования — ответить на вопрос, как трансформации медиа, происходящие с начала 2000-х гг., отражаются на способах продвижения художника. Автор соглашается с мыслью исследователей О.Н. Астафьевой, Е.В. Никоноровой и О.В. Шлыковой: «Развитие цифровой инфраструктуры, переход на сетевые принципы коммуникации, персонализация Интернета выступают факторами, меняющими этические принципы и основания социокультурного взаимодействия» [8].

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В 2000-е гг. на смену традиционным СМИ (в т. ч. и онлайн-новым) пришли социальные медиа (Wikipedia, LiveJournal, YouTube, Flickr, Facebook и др.), наделившие пользователей возможностью создавать контент самостоятельно. Они сделали их непосредственными участниками медийного процесса через производство и распространение медиаконтента до создания собственных, «низовых медиа». [9, С. 7]. Появление и массовое распространение в 2010-е доступных смартфонов с сенсорным экраном и безлимитным выходом в Интернет еще более интенсифицировало эти процессы, обусловив скачок роста популярности социальных сетей (Facebook, Instagram, Telegram и др.), в которых большинство пользователей не только общается, но и черпает новости и всю необходимую информацию, переходя на различные веб-ресурсы. Еще в 1970-е гг. Ж. Бодрийяр называл гаджет «эмблемой постиндустриального общества», «истиной объекта в обществе потребления» [10, с. 146–147]. Сегодня, когда гаджеты и девайсы — не роскошь, а приспособления, имеющиеся у большинства, грань между жизненной и виртуальной реальностью становится все менее ощутима. Современный человек пребывает в онлайн-пространстве большую

часть времени. В 2018 г. платформа Hootsuite¹ и глобальное агенство социальных медиа We are Social в отчете Global Digital Snapshot [11] представили следующую статистику за 2018 год:

- ♦ число интернет-пользователей составило 4,021 млрд (на 7% больше по сравнению с 2017 г.);

- ♦ число пользователей социальных сетей составило 3,196 млрд (на 13% больше, чем в 2017 г.);

- ♦ количество пользователей мобильных телефонов составило 5,135 млрд (на 4 % больше, чем в 2017 г.).

Важно, что увеличилось не только количество людей, пользующихся Интернетом, но и количество времени, проводимого в Сети. Рабочая жизнь, досуг, даже свидания и секс стали «онлайн-центричны». В 2018 г. среднестатистический пользователь тратил около 6 часов в день на использование интернет-устройств.

Традиционные СМИ теряют монополию на распространение контента, вынужденно разделяя ее с социальными медиа, способными удовлетворять индивидуальные потребности пользователя. Сегодня уже очевидно, что сама журналистика существенно трансформировалась под влиянием новых медиа [12].

Особенно сильное влияние цифровой культуры ощущается среди молодежи. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в возрастной группе от 18 до 24 лет социальными сетями ежедневно пользуются до 91% опрошенных [13]. Ответить на вопрос о том, какие они — родившиеся в 2000-х гг. (поколение Z, цифровое поколение), позволяют результаты исследования Сбербанка [14], приведенные ниже.

- ♦ Они родились «с кнопкой на пальце» (им проще задать вопрос Google, чем родителям). Онлайн-пространство для них — основное измерение реальности: здесь легче знакомиться, рассказывать о себе.

- ♦ Именно онлайн-среда формирует тренды и ролевые модели представителей этого поколения (социальные сети держат их в курсе тенденций).

¹ Самая широко используемая платформа для управления социальными сетями.

♦ Наблюдается быстрое переключение внимания (средний период концентрации на одном объекте составляет 8 секунд); информация потребляется маленькими порциями; текст часто заменяется смайликами, картинками.

♦ Социальные сети формируют ощущение потока (то, что модно сегодня, завтра сменяется новой модой).

♦ Не могут без социального взаимодействия, но оно происходит в онлайн-формате, поэтому им важно постоянно «быть на связи».

♦ Считают, что саморазвитие — это модно. Они постоянно говорят о самосовершенствовании (этому сопутствует рост интереса к креативным индустриям, творчеству, искусству).

♦ Успех для них (в т. ч. в социальных сетях) определяется социальной популярностью.

Маркетинг так сильно сфокусирован на изучении поколения Z, потому что именно оно даст потребителей будущего. Это делает приведенные выводы актуальными и для арт-рынка. Как отмечают исследователи В.Д. Нечаев и Е.Е. Дурнева, методологическая слабость концепции цифрового поколения заключается в том, что за основу анализа берется внешний признак (возраст), а не внутренний (характер деятельности и общения в процессе развития) [15]. Т. е. в действительности речь может идти не о самом поколении, родившемся после 2000-х, а о всех людях, в чьей жизни цифровые технологии играют большую роль. Сюда могут относиться и представители поколений Y и X, поскольку Интернет зародился еще в 1990-х, и люди пожилого возраста сегодня все более активно заводят собственные страницы в социальных сетях.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И АРТ-РЫНОК

Социальные медиа открыли художнику возможность самостоятельно выстраивать отношения с публикой, выставлять и продавать свои работы через Интернет, привлекать внимание партнеров и экспертного сообщества. Отличительной особенностью новой коммуникационной модели является то, что она снизила роль посредника между художником и публикой [16, С. 192]. Наиболее

эффективными социальные медиа оказались с точки зрения формирования и поддержания имиджа как некой заявленной (идеальной) позиции, которую предполагается продвигать целевым группам. Также появилась возможность вступать в прямую конкуренцию с журналистами, критиками и экспертами, публикуя свои статьи и обзоры, ведя видеоблоги.

Испанский социолог М. Кастельс, известный разработкой теории сетевых структур [17], в 2010 г. выпустил третье издание своей книги «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», в которой отмечал, что в связи с возможностями, предоставленными Интернетом и мобильными беспроводными устройствами, «растет гибкость рабочей силы», а «доступность и распространенность новых технологий вызвала рост числа трудящихся свободных профессий, людей, работающих не по найму» [18]. Это означает и рост числа художников: Интернет упростил возможности выстраивания коммуникаций, минуя институт посредничества. Вход на арт-рынок, установление связи с профессиональным сообществом и публикой стали доступнее.

Российский арт-рынок благодаря социальным медиа активно уходит от «москвоцентризма». Появилось множество молодых российских художников из регионов — из Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Нижнего Тагила, Владивостока, которые продвигают себя в интернет-пространстве. Онлайн-продвижение всегда было актуально для художников «уличной волны» (стрит-арт), среди которых — екатеринбуржец Тимофей Радя (T-Radya), нижегородец Никита Nomerz, а также Покрас Лампас, набравший 318,5 тыс. подписчиков Instagram (пиковое число запросов «Покрас Лампас» в Яндексе за сентябрь 2018 г. составило 47 190). Выставки последнего, например, проходили в Музейно-выставочном объединении «Манеж», Государственной Третьяковской галерее, он — герой передач телеканала «Культура» и публикаций в гляцевых журналах.

Формируется новое поколение молодых художников, которые становятся известны благодаря социальным сетям — естественной «среде обитания» цифрового поколения. К нему относится и автор обложки альбома популярной певицы Монеточки Н. Жданов (Екатеринбург), и продвигающаяся в сети Instagram художни-

ца А. Горшенина (Нижний Тагил), о которой пишут популярные российские и западные онлайн-СМИ, хотя она не связана ни с одной галереей.

Социокультурный феномен «художественной тусовки», введенный в исследовательский дискурс в 1990-е гг. В. Мизиано как «прямой результат распада официальной культуры и ее институций» и «форма самоорганизации художественной среды в ситуации отсутствия институций и государственного протекционизма» [19], в значительной степени переместился в онлайн-пространство. В 2000-е гг. наибольшей популярностью среди российской арт-тусовки пользовался LiveJournal, сегодня — Facebook. Продюсер М. Гельман с 2000-х гг. является одним из самых известных блогеров «от искусства»: число его подписчиков в Facebook составило 39 960 человек. Галерист Л. Савина имеет 5 130 подписчиков, директор музея «Гараж» А. Белов — 3 486 подписчиков; художники А. Салахова — 10 346 подписчиков, Д. Гутов — 3 930 подписчиков, О. Тобрелутс — 3 368 подписчиков, М. Молочников — 2 479 подписчиков, А. Осмоловский — 1 576. Искусствовед К. Светляков — 1 800. Эти результаты² достаточно высоки для мира искусства, элитарного по своей сути.

Социальные сети помогают современным авторам выстраивать сотрудничество с медийными личностями, брендами или культурными институциями. В 2015 г. креативный директор модного дома Gucci А. Микеле стал искать художников в Instagram, делая ставку на начинающих, неизвестных арт-рынку авторов. Сегодня творчество часто рождается и находит свой голос в цифровых медиа, жизненно важным источнике визуальной культуры, — объяснял он [20]. Актер (и коллекционер) Л. Ди Каприо в 2015 г. приобрел первую работу через Instagram [21]. Для коллекционеров старшего поколения (их покупательная способность в данный момент высока) посредники (галеристы и дилеры) по-прежнему играют большую роль. Но для поколения Z значимость прежней системы дистрибуции сильно снижается: они привыкли к неограниченному онлайн-доступу.

² Количество подписчиков приводится по состоянию на декабрь 2018 года.

Что касается галерей, то начиная с 1990-х гг. онлайн-пространство дополняло оффлайн-пространство. Возможность существования в цифровом поле воспринималась скептически большинством игроков арт-рынка. Считалось, что виртуальный показ автоматически снижает художественную ценность, уникальность, престижность покупки предметов искусства. Тем не менее цифровая культура меняет и галерейный бизнес. Даже в успешных галереях пространство пустует большую часть времени, за исключением открытий, выставок или специальных мероприятий, а стоимость аренды очень высока. Весной 2017 г. аукционный дом Christie's закрыл свои филиалы в Лондоне и Амстердаме и предпочел сконцентрироваться на онлайн-выставках. Исследования показали, что его целевая аудитория заинтересована в конфиденциальности: люди, обладающие большими средствами, не хотят афишировать, на что их тратят [22].

Всего в мире насчитывается около 500 онлайн-платформ, занимающихся продажей произведений искусства, 71% коллекционеров покупают их через Интернет [23]. В России также можно отметить всплеск онлайн-галерей (OilyOil, articon.ru, borsch gallery, «Эрарта» — лишь некоторые из них). Значительно повлиял на российский арт-рынок аукцион В. Овчаренко Vladey, который вывешивает всю информацию о торгах виртуально: никогда прежде галереи не афишировали цены в открытом доступе. Это показывает, что цифровая культура стремится к большей открытости и демократичности.

«Коллекционеры находятся онлайн, а вы?» — такое обращение содержат рекламные посты в сетях Artsy — ведущей платформы, предоставляющей галереям онлайн-пространство для показа и продажи работ. Пользователи имеют возможность просматривать коллекции галерей и задавать любые параметры поиска: направление, художник, цена. В июле 2017 г. этот нью-йоркский стартап объявил о привлечении 50 млн долларов венчурного капитала, что говорит о перспективности платформ такого рода для инвесторов [24].

Особенный взлет стартапов происходит в последние годы благодаря распространению интернет-коммерции. Покупать что-либо в Интернете становится более привычным. Есть вероятность, что блокчейн-реестры смогут решить

проблемы, связанные с контролем аутентичности и тиража произведений искусства. В блокчейны будет заноситься информация о работе, ее технический райдер, данные об участии в выставках, происхождении — т. е. вся история. Это напрямую влияет на вторичный арт-рынок, где велика угроза подделок. Коллекционеры, обеспокоенные подлинностью покупки, могут использовать блокчейн для отслеживания истории его владения. Уже есть несколько стартапов Codex и Verisart, предлагающих услуги по регистрации и сертификации художников, коллекционеров и галерей. Также блокчейн может дать существенный стимул развитию арт-рынка медиаискусства, где возникают трудности, связанные с презентацией, хранением, соблюдением тиража, уникальности и подлинности.

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СРЕДЫ ОБИТАНИЯ УЧАСТНИКОВ АРТ-РЫНКА

В исследовательском дискурсе новые медиа понимаются уже не только в рамках технологических особенностей, но с позиций изменения образа жизни человека. Цифровые средства коммуникации не просто трансформировали область масс-медиа, а фактически создали новую среду обитания человека: «нет медиумов, а есть среда» [25, с. 8]. У этой среды есть и противоречивые стороны.

В рамках цифровой культуры успех художника во многом зависит от его успеха в качестве блогера. Возрастает значимость роли «массовых самокоммуникаций» как новейших форм коммуникации. «Самокоммуникация именуется массовой, поскольку достигает потенциально глобальной аудитории посредством пиринговых сетей и подключения к сети Интернет» [26, с. 217]. Массовые самокоммуникации — это освобождение от посредников в процессе передачи информации.

Посты в сетях должны постоянно обновляться. Если мы не можем найти про художника актуальную информацию в Интернете — это вызывает недоверие. «Шансы несообщаемого стать частью действительности, воспринимае-

мой современниками, минимальны», — обращала внимание Э. Ноэль-Нойман [27].

Социальные сети в свою очередь фильтруют информацию на основании наших предпочтений (лайков, комментариев), возникает так называемый «пузырь фильтров». Чем более пользователь активен в своих действиях (постах, заметках, комментариях), тем больше его поддерживают другие. В свою очередь, качество информации, ее актуальность нуждаются в постоянной перепроверке.

В условиях «пост-правды» создается впечатление важности и всеобщности информации, хотя может быть это и не так. Одна и та же информация начинает ходить по кругу между знакомыми или активными пользователями. При этом, если в традиционных медиа мы можем переключить канал или перелистнуть страницу, то в социальных сетях сделать это уже не получится. Искусственный интеллект (алгоритмы выдачи социальных сетей) знает лучше нас, что нам интересно.

Оборотной стороной пребывания в виртуальном пространстве в течение длительного времени является нервное напряжение и стресс пользователя, связанный со страхом упустить что-то важное в ленте социальных сетей. Культурологи даже дали этому феномену название — FoMO [28]³. Широко применяется сегодня понятие «инста-жизни» как заменяющей реальную, в которой происходит не только подмена реального человека его восприятием в социальных сетях, но и потеря им собственной идентичности.

АНАЛИЗ ПОЗИТИВНЫХ И НЕГАТИВНЫХ АСПЕКТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА УЧАСТНИКАМИ АРТ-РЫНКА

Проанализируем детально, какие позитивные и негативные аспекты несет участникам арт-рынка коммуникационная активность в сетях (см. табл.).

³ От англ. Fear of missing it — синдром упущенной выгоды.

Таблица

Комплексная характеристика фактора присутствия в социальных сетях основных участников арт-рынка

ПОЗИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ	НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ХУДОЖНИКИ	
♦ Возможность знакомства с художниками всего мира, доступ к произведениям искусства, музейные и галерейные коллекции в открытом доступе. ♦ Возможность противопоставить себя «раскрученным» СМИ. ♦ Возможность лично написать в сетях, начать общение с арт-критиками, кураторами, владельцами галерей, дилерами, журналистами, блогерами, политиками, знаменитостями. ♦ Мониторинг рынка, проведение исследований, построение гипотез. ♦ Возможность быстро ознакомить коллекционеров со своими портфолио, карьерой, работами. ♦ Продажа работ как через специальные сообщества, так и посредством личных контактов по всему миру.	♦ Риск формирования онлайн-зависимости, одержимости как представлением себя в сетях, так и отслеживанием информации о других. ♦ Риск кражи творческих идей другими художниками. ♦ Обилие спама, прямой рекламы. ♦ Использование некоторыми коллекционерами социальных сетей не в профессиональных целях, а для развлечения. ♦ Возможная навязчивость общения со стороны художника, инициирующего взаимодействие.
КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ	
♦ Возможность «напрямую» договориться с художником о покупке работ, минуя галерею. ♦ Возможность быстрого консультирования по поводу работ с другими специалистами. ♦ Простота общения в группе единомышленников. ♦ Получение последних новостей из мира искусства и арт-рынка. ♦ Всестороннее и глубокое изучение выбранной темы в искусстве. ♦ Возможность коммуникации с профессиональным сообществом и информированность (для живущих вдали от арт-центров). ♦ Возможность открыть для себя последние тренды, формировать собственный вкус, отслеживая мнение арт-сообщества. ♦ Повод поделиться своими знаниями, стать более заметным, позиционируя себя частью арт-сообщества.	♦ Недоверие к покупке или продаже онлайн. ♦ Невозможность увидеть оригинал произведения, а только цифровой аналог. ♦ Отсутствие живого личного контакта с художником и общения с арт-средой «вживую», включая проведение досуга. ♦ Возможная поверхностность, недостоверность, неактуальность информации и онлайн-данных. ♦ Риск натолкнуться на низкое художественное качество и непрофессиональную экспертную оценку.
ВЛАДЕЛЬЦЫ ГАЛЕРЕЙ И АРТ-ДИЛЕРЫ	
♦ Использование низкобюджетных источников, чтобы попасть на развивающиеся рынки и найти потенциальных покупателей. ♦ Точная статистика и аналитика поведения посетителей сайта или страницы в социальных сетях. ♦ Комментарии заключают в себе анализ общественного мнения. ♦ Эффективность продвижения мероприятий, художников и их произведений, развития бизнеса (особенно в кризисные периоды). ♦ Возможность узнать вкусы и предпочтения коллекционеров более молодых поколений или из других регионов. ♦ Наглядность и прозрачность рынка. ♦ Увеличение аудитории, поддержание ее в курсе событий. ♦ Возможность ускорить общение и распространение информации. ♦ Доступность новых контактов художников (в т. ч. зарубежных). ♦ Возможность знакомиться с частными собраниями в онлайн-доступе. ♦ Демократизация информации, позволяющая действовать в обход журнальной критики и минуя аукционные лобби. ♦ Знание работ зарубежных коллег повышает профессионализм художников галерей. ♦ Мониторинг цен.	♦ Отсутствие человеческого фактора и общения «лицом к лицу». ♦ Коллекционеры могут менее интересоваться реальным походом в галерею, получая все необходимое через социальные сети. ♦ Невозможность продемонстрировать работу «вживую», правдиво преподнести ее достоинства. ♦ Трудность выстраивания долгосрочных отношений. ♦ Поверхностность информации. ♦ Обилие информации способно озадачить людей, не располагающих временем внимательно читать. ♦ Не всегда художники, наиболее заметные в сетях, являются уважаемыми вне этого поля. ♦ Представление в социальных сетях и работа на узнаваемость отнимают больше времени и энергии, чем ожидалось, что не всегда оправдано. ♦ Типичные риски интернет-приложений (взлом, спам, фишинг и другие). ♦ Хаотичность информации в социальных сетях.

Данный обзор позволяет констатировать, что распространение социальных сетей способствует увеличению горизонтальных связей и активизации коммуникации между членами арт-рынка, росту числа художников и ценителей искусства, открытию новых возможностей для арт-бизнеса.

На наш взгляд, информационная активность художника в Сети сегодня является для него уже не просто способом продвижения на арт-рынок, а одним из условий присутствия в культурной жизни вообще. Речь идет не столько том, что в культуре изменилось понимание сути творчества художника (вместо того чтобы писать на холсте, он может выкладывать ролики на YouTube, создавать сайты, публиковать манифесты, проводить медийные акции), сколько о том, что в условиях цифровой культуры все, даже художники-традиционалисты вынуждены уделять значительное внимание своему присутствию в Интернете, онлайн-общению с публикой. Статус художника-затворника может быть по-прежнему актуален в реальной жизни, но не в виртуальной. Так, личность знаменитого британского стрит-арт-художника Бэнкси доподлинно не установлена, что не мешает ему активно вести свою страницу в социальных сетях.

Знаменитое Medium is the message⁴ М. Маклюэна [29], рассматривавшего медиа как внешнее «расширение» человека, привело к тому, что имидж, активность и репутация в социальных сетях начинают напрямую определять успешность художника или художественной институции на арт-рынке. Развитие арт-рынка в рамках цифровой культуры не означает, что теперь люди меньше ходят на выставки в реальной жизни. Как раз наоборот, посещаемость музеев год от года растет [30, с. 15], но происходит это в том числе благодаря обилию доступной и разнообразной информации об искусстве и музеях в социальных сетях, тизерах и видеороликах выставок на YouTube, а также другим способам популяризации искусства через интернет-каналы. В последние несколько лет можно наблюдать, как российские музеи, например

Государственная Третьяковская галерея или Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, наращивают свое присутствие в интернет-пространстве, что отражается и на их посещаемости.

Одним из последствий доминирования цифровой культуры является запрос «на подлинное», на «невиртуальное», чем и является произведение искусства. Но в ситуации тотального медиапотребления культурные паттерны поведения изменяются. Современный человек отдает предпочтение тем художникам и художественным институциям, которые предлагают ему наиболее комфортную, соответствующую его привычкам форму коммуникации, подразумевающую:

- ♦ обилие доступной и разнообразной информации в Интернете о художнике или институции;
- ♦ непрерывный информационный поток и присутствие в социальных медиа;
- ♦ наличие обратной связи, быстрое реагирование на комментарии и вопросы пользователей.

Безусловно, погружение в цифровую культуру происходит неравномерно. Если для молодых художников и их публики эта среда обитания естественна, то художникам старшего поколения приходится перестраиваться под эти новые условия, и не для всех этот процесс происходит безболезненно. Однако, как полагают культурологи, в современном мире ни «цифровой детокс», ни радикальный отказ от пребывания в цифровой среде не являются решением, так как полностью игнорировать ее человек больше не может [31].

Чтобы избежать прессинга цифрового пространства, необходимо находить гармоничные способы пребывания в нем. Стратегия присутствия в цифровом пространстве должна базироваться на:

- ♦ осмысленном разграничении рабочего и вне рабочего присутствия в Сети;
- ♦ цифровой гигиене, основывающейся на разделении приватной информации и той, которая выставляется на всеобщее обозрение;
- ♦ формулировании конкретных задач, достижение которых происходит за счет присутствия в Сети (конструирование имиджа, увеличение узнаваемости, изучение общественного мнения, экспертные советы и т. д.).

⁴ «Средство коммуникации — есть сообщение» — знаменитое изречение М. Маклюэна.

Нередко услуги по ведению социальных сетей берут на себя специалисты по связям с общественностью или smm-менеджеры⁵. Зарплаты таких специалистов в западных музеях могут превышать зарплаты искусствоведов-хранителей. По всей видимости, в будущем поведение в виртуальной реальности будет более естественным и для искусствоведов. Это наглядно демонстрирует современное поколение художников и коллекционеров, посредники, в том числе музеи, также активно перестраиваются. Современная культура выходит за пределы постмодернизма: большинство ученых признали этот термин исчерпавшим себя. На наш взгляд, наиболее подходящим для определения современной эпохи является термин, предложенный профессором Оксфордского университета А. Кирби — «диджимодернизм»⁶, обозначающий, что постмодернистский текст растворяется в виртуальности [32]. Поскольку подвергать сомнению тотальное погружение в онлайн-пространство сегодня уже невозможно, эти процессы актуальны и для всех участников художественных коммуникаций.

Список источников

- Долганова Е.А., Хангельдиева И.Г. Арт-рынок: полифункционализм и полифонизм основных субъектов // Социология власти. 2010. № 5. С. 118–128.
- Долганова Е.А. Культурологический анализ форм продвижения художника на арт-рынок : дис. ... канд. культурологии / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2011. 199 с.
- Гройс Б. Утопия и обмен. Москва : Знак, 1993. 374 с.
- Пиллюк А.В. Арт-рынок и средства массовой информации в России: проблемы взаимодействия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 22 с.
- Бенаму-Юэ Ж. Цена искусства. Москва : Artmedia Group, 2008. 158 с.
- Соколов К.Б., Осокин Ю.В. Художественный рынок и границы искусства // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 165–176.
- Карцева Е.А. Медиакоммуникации в продвижении искусства и художников // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 2. С. 170–177. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-170-177.
- Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 516–531. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-516-531.
- Соколова Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). С. 6–10.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления : его мифы и структуры / [пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской]. Москва : Республика : Культурная революция, 2006. 269 с.
- Digital in 2018: World's internet users pass the 4 billion mark [Электронный ресурс] // We Are Social : портал. URL: <https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018> (дата обращения: 05.02. 2019).
- Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А. Амзин, М. Кастельс [и др.] ; под науч. ред. С. Балмаевой и М. Лукиной. Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2016. 304 с.
- Каждому возрасту — свои сети [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения : офиц. сайт. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (дата обращения: 05.02.2019).
- 30 фактов о современной молодежи [Электронный ресурс] // Сбербанк России : офиц. сайт. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (дата обращения: 05.02.2019).
- Нечаев В.Д., Дурнева Е.Е. «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. 2016. № 1. С. 36–45. URL: <http://sevcb.ru/main/wp-content/uploads/2016/05/Statya-k-zhurnal-Pedagogika-2016----1.pdf> (дата обращения: 05.02.2019).
- Долганова Е.А. Инновационные формы взаимодействия современного художника и публики посредством виртуализации // Историческая динамика российских нравов: консерватизм и модернизация : материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 20 февраля 2012 г.) / отв. ред. Л.Ф. Лихачева,

⁵ Маркетинг в социальных сетях, от англ. Social Media Marketing.

⁶ Англ. Digimodernism, от Digital — цифровой.

- М.В. Капкан. Екатеринбург : Изд-во Урал. фед. ун-та, 2012. С. 190–195.
17. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I–III. Oxford : Blackwell Publishers, 1996–1998.
18. *Castells M.* The Rise of the Network Society : 2-nd edition with a New Preface // The Information Age: Economy, Society and Culture : in 3 vol. Wiley-Blackwell, 2009. Vol. 1. 625 p.
19. *Мизиано В.* Культурные противоречия тусовки // Художественный журнал. 1999. № 25. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/76/article/1658> (дата обращения: 05.02.2019).
20. Exclusive: Gucci Collaborates With Artists on an Instagram Initiative // Vogue. 2015. October 28. URL: <https://www.vogue.com/article/gucci-instagram-instagram-project> (дата обращения: 05.02.2019).
21. Leonardo DiCaprio Buys Fine Art After Seeing it on Instagram [Электронный ресурс] // Breitbart News : сайт. URL: <https://www.breitbart.com/entertainment/2015/03/10/leonardo-dicaprio-buys-fine-art-after-seeing-it-on-instagram/> (дата обращения: 05.02.2019).
22. Christie's to Close Second London Venue and Downsize Auctions in Amsterdam [Электронный ресурс] // Artnet news. URL: <https://news.artnet.com/market/christies-will-close-second-london-venue-downsize-amsterdam-884531> (дата обращения: 10.01.2019).
23. Buying Art Online Is Here to Stay [Электронный ресурс] // The Huffington Post. 09.11.2013. URL: https://www.huffingtonpost.com/stephen-tanenbaum/buying-art-online-is-ere_b_3899972.html (дата обращения: 05.02.2019).
24. Artsy raises \$50M in Series D funding [Электронный ресурс] // Artsy.net : сайт. URL: <http://files.artsy.net/documents/artsy-series-d-announcement.pdf> (дата обращения: 05.02.2019).
25. *Савчук В.В.* Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское филос. о-во, 2008. С. 5–25.
26. *Бобова Л.А.* Мануэль Кастельс: Влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций // Вестник МГИМО. 2013. № 5 (32). С. 213–220. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/manuel-kastels-vliyanie-setevogo-obschestva-na-harakter-sotsialnyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 05.02.2019).
27. *Нозль-Нойман Э.* Стереотип как средство распространения общественного мнения // Общественное мнение : открытие спирали молчания : [пер. с нем.]. Москва : Прогресс : Весь мир, 1996. 351 с. URL: <https://psyfactor.org/lib/stereotype3.htm> (дата обращения: 05.02.2019).
28. *Чумакова В.* В центре циклона: какие этические вызовы ставит информационная перегрузка? [Электронный ресурс] // Новая этика : портал. URL: <https://etika.nplus1.ru/privacy/storm> (дата обращения: 05.02.2019).
29. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека / [пер. с англ. В.Г. Николаева]. Москва : КАНОН-пресс-Ц ; Жуковский : Кучково поле, 2003. 464 с.
30. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2017 году [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.mkrf.ru/activities/reports/report2017/> (дата обращения: 05.02.2019).
31. *Мороз О.* Онлайн-бытие определяет онлайн-сознание: как научиться жить медленно [Электронный ресурс] // Теории и практики : сайт. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/16852-onlayn-bytie-opredelyaet-onlayn-soznanie-kak-nauchitsya-zhit-medlenno> (дата обращения: 05.02.2019).
32. *Kirby A.* Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure our Culture. New York : Continuum Publ. Corp., 2009. 282 p.

Transformation of Art Communications and the Art Market in the Context of Digital Culture

Ekaterina A. Kartseva

Moscow International University, 17, Leningradsky Av., Moscow, 125040, Russia
ORCID 0000-0002-3517-5551; SPIN 7970-8713
E-mail: katyakartseva@gmail.com

Abstract. *Digital culture has moved people to a fundamentally new environment, which has its own characteristics, patterns and practices. Studies show that the digitalization of society occurs exponentially from year to year. Society is increasingly interacting with digital, and its influence affects various aspects of modern culture. New cultural patterns of behavior are being formed, traditional communication practices are being modified. As any complex phenomenon, digital culture not only opens up new opportunities for society, but also poses new challenges. The search for an effective, ethical, comfortable interaction in the information environment has become one of the urgent tasks. The development of the art market has always largely depended on the quality and level of social and cultural communications. Today, when the mass media in the traditional sense have lost their monopoly on the production and distribution of information, giving way to “mass self-communication”, the art communications, relationships between the artist and the public, and construction of artistic careers are also undergoing certain transformations, influenced by social media. In recent years, the development of network structures, the increasing capabilities of digital storage systems, cryptocurrencies and blockchain registries have significantly changed the established system of the art market. This article is devoted to changes in the characteristics of the art market and its main subjects – artists, collectors, galleries – in the context of digital culture. These processes and paradigmatic shifts are considered both from the point of view of their technological features, and from the point of view of their influence on artistic culture and art communication in general. The article analyzes in detail what negative and positive aspects the digital culture brings to the participants of the art market.*

Key words: art communications, art market, digital culture, blockchain technologies, new media, artist promotion.

Citation: Kartseva E.A. Transformation of Art Communications and the Art Market in the Context of Digital Culture, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 16–28. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-16-28.

References

1. Dolganova E.A., Khangeldieva I.G. Art-Market: Polifunktionism and Poliphonism of the Main Subjects, *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2010, no. 5, pp. 118–128 (in Russ.).
2. Dolganova E.A. *Kul'turologicheskii analiz form prodvizheniya khudozhnika na art-rynok* [Cultural Analysis of the Forms of Artist Promotion in the Art Market], cand. cult. diss. Moscow, 2011, 199 p.
3. Groys B. *Utopiya i obmen* [Utopia and Exchange]. Moscow, Znak Publ., 1993, 374 p.
4. Pilyuk A.B. *Art-rynok i sredstva massovoi informatsii v Rossii: problemy vzaimodeistviya* [Art Market and Mass Media in Russia: Problems of Interaction], cand. philol. sci. diss. abstr. Moscow, 2005, 22 p.
5. Benhamou-Huet J. *Tsena iskusstva* [The Worth of Art]. Moscow, Artmedia Group Publ., 2008, 158 p.
6. Sokolov K.B., Osokin Yu.V. Art Market and Borders of Art, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2015, no. 4, pp. 165–176 (in Russ.).
7. Kartseva E.A. Media Communications in the Promotion of Art and Artists, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2018, vol. 15, no. 2, pp. 170–177 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-170-177.
8. Astafyeva O.N., Nikonorova E.V., Shlykova O.V. Culture in the Digital Civilization: A New Stage in Understanding the Future Strategy for Sustainable Development, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2018, vol. 15, no. 5, pp. 516–531 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-516-531.
9. Sokolova N.L. Digital Culture or Culture in the Digital Age? *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2012, no. 3 (8), pp. 6–10 (in Russ.).

10. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow, Respublika Publ., Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 2006, 269 p.
11. Digital in 2018: World's Internet Users Pass the 4 Billion Mark, *We Are Social: portal*. Available at: <https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018> (accessed 05.02.2019).
12. Balmaeva S., Lukina M. (eds). *Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016* [How New Media Have Changed Journalism. 2012–2016]. Yekaterinburg, Gumanitarnyi Universitet Publ., 2016, 304 p.
13. Each Age Gets its Own Networks, *Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya: ofits. sait* [Russian Public Opinion Research Centre: official website]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (accessed 05.02.2019) (in Russ.).
14. 30 Facts about Modern Youth, *Sberbank Rossii: ofitsial'nyi sait* [Sberbank of Russia: official website]. Available at: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (accessed 05.02.2019) (in Russ.).
15. Nechaev E.D., Durneva E.E. "Digital Generation": Psychological and Pedagogical Research of the Problem, *Pedagogika* [Pedagogy], 2016, no. 1, pp. 36–45. Available at: <http://sevcbs.ru/main/wp-content/uploads/2016/05/Statya-k-zhurnal-Pedagogika-2016----1.pdf> (accessed 05.02.2019) (in Russ.).
16. Dolganova E.A. Innovative Forms of Interaction between the Modern Artist and the Public through Virtualization, *Istoricheskaya dinamika rossiiskikh nraov: konservatizm i modernizatsiya: materialy Vseross. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem (Ekaterinburg, 20 fevralya 2012 g.)* [Proc. All-Russ. Sci. Conf. with Int. Participation "Historical Dynamics of the Russian Customs: Conservatism vs Modernization" (Yekaterinburg, February 20, 2012)]. Yekaterinburg, Ural'skogo Federal'nogo Universiteta Publ., 2012, pp. 190–195 (in Russ.).
17. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I–III*. Oxford, Blackwell Publishers, 1996–1998.
18. Castells M. The Rise of the Network Society: 2-nd Edition with a New Preface, *The Information Age: Economy, Society and Culture: in 3 vol.* Wiley-Blackwell Publ., 2009, vol. 1, 625 p.
19. Misiano V. The Cultural Contradictions of the Tusovka, *Khudozhestvennyi zhurnal* [Moscow Art Magazine], 1999, no. 25. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/76/article/1658> (accessed 05.02.2019) (in Russ.).
20. Exclusive: Gucci Collaborates With Artists on an Instagram Initiative, *Vogue*, 2015, October 28. Available at: <https://www.vogue.com/article/gucci-gram-instagram-project> (accessed 05.02.2019).
21. Leonardo DiCaprio Buys Fine Art after Seeing It on Instagram, *Breitbart News: website*. Available at: <https://www.breitbart.com/entertainment/2015/03/10/leonardo-dicaprio-buys-fine-art-after-seeing-it-on-instagram/> (accessed 05.02.2019).
22. Christie's to Close Second London Venue and Downsize Auctions in Amsterdam, *Artnet News*. Available at: <https://news.artnet.com/market/christies-will-close-second-london-venue-downsize-amsterdam-884531> (accessed 10.01.2019).
23. Buying Art Online Is Here to Stay, *The Huffington Post*, 09.11.2013. Available at: https://www.huffingtonpost.com/stephen-tanenbaum/buying-art-online-is-ere_b_3899972.html (accessed 05.02.2019).
24. Artsy Raises \$50M in Series D Funding, *Artsy.net: website*. Available at: <http://files.artsy.net/documents/artsy-series-d-announcement.pdf> (accessed 05.02.2019).
25. Savchuk V.V. Media Philosophy: Formation of the Discipline, *Mediafilosofiya. Osnovnye problemy i ponyatiya* [Media Philosophy. Main Issues and Concepts]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe Filosofskoe Obshchestvo Publ., 2008, pp. 5–25 (in Russ.).
26. Bobova L.A. Manuel Castells: The Impact of the Network Society on the Nature of Social Communications, *Vestnik MGIMO* [Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations], 2013, no. 5 (32), pp. 213–220. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/manuel-kastels-vliyanie-setevogo-obshchestva-na-harakter-sotsialnyh-kommunikatsiy> (accessed 05.02.2019) (in Russ.).
27. Noelle-Neumann E. Stereotype as a Means of Public Opinion Dissemination, *Obshchestvennoe mnenie: otkrytie spirali molchaniya* [Public Opinion: Opening the Spiral of Silence]. Moscow, Progress Publ., Ves' Mir Publ., 1996, 351 p. Available at: <https://>

psyfactor.org/lib/stereotype3.htm (accessed 05.02.2019) (in Russ.).

28. Chumakova V. In the Center of the Cyclone: What Ethical Challenges does the Information Overload Pose? *Novaya etika: portal* [New Ethics: portal]. Available at: <https://etika.nplus1.ru/privacy/storm> (accessed 05.02.2019) (in Russ.).

29. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow, KANON-Press-Ts Publ., Zhukovsky, Kuchkovo Pole Publ., 2003, 464 p. (in Russ.).

30. State Report on the State of Culture in the Russian Federation in 2017, *Ministerstvo kul'tury Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Ministry of Culture of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://www.mkrf.ru/activities/reports/report2017/> (accessed 05.02.2019) (in Russ.).

31. Moroz O. Online-Being Determines Online-Consciousness: How to Learn Slow Living, *Teorii i praktiki: sait* [Theory and Practice: website]. Available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/16852-onlayn-bytie-opredelyaet-onlayn-soznanie-kak-nauchitsya-zhit-medlenno> (accessed 05.02.2019) (in Russ.).

32. Kirby A. *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure our Culture*. New York, Continuum Publ. Corp., 2009, 282 p.

КЛЮЧЕВЫЕ ОБЩЕРОССИЙСКИЕ АКЦИИ

**15 февраля 2019 года Министерство культуры Российской Федерации
объявило даты ключевых общероссийских акций 2019 года в сфере культуры**

27 марта	«ДЕНЬ ТЕАТРА»	https://theatreday.culture.ru/
20 апреля	«БИБЛИОНОЧЬ»	https://biblionight.culture.ru/
18 мая	«НОЧЬ МУЗЕЕВ»	https://museumnight.culture.ru/
24 августа	«НОЧЬ КИНО»	https://cinemanight.culture.ru/
3 ноября	«НОЧЬ ИСКУССТВ»	https://artnight.culture.ru/

Информационным ресурсом федеральных акций является портал «Культура.РФ». Любое учреждение культуры может присоединиться к акциям, добавив мероприятие в систему «Единое информационное пространство в сфере культуры» и указав соответствующий тег.

На страницах акций можно скачать официальную символику, элементы дизайна и стиля оформления сопутствующих материалов. Они также доступны в личном кабинете органа исполнительной власти и учреждений культуры в системе «Единое информационное пространство в сфере культуры».

https://www.mkrf.ru/press/news/obyavleny_daty_ezhegodnykh_tematicheskikh_aksiy_v_2019_godu/

Международная научно-практическая конференция «РУМЯНЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2019»

23—24 апреля 2019 г.

Организаторы: Министерство культуры Российской Федерации, Российская государственная библиотека, Библиотечная Ассамблея Евразии.

Цель Международной научно-практической конференции «Румянцевские чтения» — привлечь внимание к вопросам сохранения и изучения мирового культурного наследия и национальных ценностей, а также к проблемам функционирования библиотек на современном историческом этапе, способствовать поиску путей инновационного развития, расширению сотрудничества между учреждениями культуры, образования, науки и межкультурному взаимодействию.

Тематика конференции:

- ♦ Библиотеки и музеи в контексте истории
- ♦ История Российской государственной библиотеки
- ♦ Раскрытие универсальных и специализированных фондов библиотек: формы и методы
- ♦ Будущее библиотек: оценки, исследования, прогнозы
- ♦ Библиотеки как центры информационно-библиографической деятельности
- ♦ Фонды библиотек и библиотечно-информационное обслуживание в век электронных коммуникаций
- ♦ Профессиональное развитие сотрудников библиотек: требования времени. Библиотека как образовательный центр
- ♦ Международное сотрудничество библиотек. Библиотека как площадка для межкультурного диалога

Конференция будет проходить в форме пленарного заседания, заседаний секций и круглых столов. В рамках «Румянцевских чтений» планируется провести как традиционные секции, посвященные результатам библиотечных и книговедческих исследований, изучению разнообразных материалов, хранящихся в фондах библиотек (печатной и рукописной книги, изоизданий, карт, нот, звукозаписей), вопросам развития ББК, библиографии и каталогизации, эффективному управлению современной библиотекой и др., так и мероприятия, приуроченные к датам и событиям 2019 г. (круглый стол «Н.М. Сикорский: ученый, организатор книговедческой науки и библиотечного дела. К 100-летию со дня рождения»).

К участию приглашаются специалисты библиотек, архивов, музеев, вузов, научно-исследовательских институтов, издательств, представители государственных структур и общественных организаций.

Рабочий язык конференции — русский.

Регистрационный взнос не взимается.

Командировочные расходы — за счет направляющей стороны.

Иностранцам может быть оказана визовая поддержка.

Информационная поддержка: журналы «Библиотековедение», «Обсерватория культуры», «Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии»; издательство «Пашков дом».

Место проведения: Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5 (Российская государственная библиотека).

Дополнительная информация и регистрация участников:
www.rumchteniya2019.rsl.ru

Контакты:

E-mail: ivanovaea@rsl.ru ; rum@rsl.ru

Тел.: +7 (499) 557-04-70, доб. 22-52 ; 20-37

ученый секретарь РГБ Иванова Елена Александровна

УДК 355.48(47+57)"179/181"(093)
ББК 63.3(2)51-35ю
DOI 10.25281/2072-3156-2019-16-1-30-39

Б.Л. ШАПИРО

«ДЛЯ ВЕЧНОГО ХРАНЕНИЯ...»: ПОЛКОВЫЕ РЕЛИКВИИ ЭПОХИ ПАВЛА I

Бэлла Львовна Шапиро,

Российский государственный гуманитарный университет,
факультет истории искусства,
кафедра музеологии,
доцент

Миусская пл., д. 6, Москва, 125993, Россия

кандидат исторических наук

ORCID 0000-0001-5616-8898; SPIN 1207-7478

E-mail: b.shapiro@mail.ru

Реферат. Военная материальная культура (вещественное выражение военной истории) не относится к числу тем, несправедливо забытых исследователями. Однако в современной практике утраченное культурное наследие исследуется не так активно, как сохраненное. Целью настоящего исследования является заполнение некоторых лакун в истории военной материальной культуры, связанных с практикой переплавки предметов из драгоценных металлов. Вопрос рассматривается на примере Лейб-кирасирского Ее Величества полка. Выделяются ключевые моменты истории полка, свя-

занные с высочайшими наградами. Это, прежде всего, недолгая эпоха правления Павла I, когда серебряные литавры, трубы и кирасы получили статус полковых реликвий (1799). При его преемнике Александре I с сокращением расходов на содержание армии часть их, из серебра, была отправлена на переплавку; вырученные деньги составили кассу офицерского вспомогательного капитала. Иные, во всех смыслах драгоценные, полковые реликвии были утрачены в годы Великой Отечественной войны. В итоге в современных музейных собраниях военная материальная культура павловской эпохи, в частности, защитное вооружение, показана более чем скудно. Представленное исследование поможет описать его характер и историю бытования. Основными источниками изучения утраченных реликвий выступили опубликованная полковником М.И. Марковым история полка и его архив. В качестве дополнительных привлекаются изобразительные документы. Очерчен круг современных музейных собраний, содержащих сохраненные предметы, отчасти аналогичные (частично взаимозаменяемые) утраченным. Подведены итоги работы, согласно которым изучение утраченного материального культурного

наследия является перспективным малоисследованным направлением военной истории.

Ключевые слова: культурное наследие, военная материальная культура, военная история России, Павел I, Александр I, русская армия, Лейб-кирасирский Ее Величества полк, полковая история, полковые реликвии, теория и история культуры.

Для цитирования: Шапиро Б.Л. «Для вечного хранения...»: полковые реликвии эпохи Павла I // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 1. С. 30–39. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-30-39.

Познание материальной культуры Русской императорской армии в отечественной практике имеет давнюю традицию. На сегодняшний день уже сложились школы ее изучения, сохранения и использования, которые в совокупности представляют весьма объемный корпус исследовательских работ. В него входят и труды, посвященные войскам цесаревича Павла Петровича и императора Павла I или затрагивающие их частично, таких историков, как: В.М. Глинка [1], С.А. Летин [2; 3], О.В. Леонов [4], К.В. Татарников [5], П.Г. АLEXIN и О.В. Леонов [6], Г.Э. Введенский [7], Е.И. Юркевич [8; 9], В.И. Егоров [10] и др., опубликованные за последние 30 лет. Однако в целом можно утверждать, что павловская тема нечасто привлекает внимание специалистов.

Цель и задачи настоящего исследования были определены малой разработанностью темы. Предмет настоящего исследования находится на пересечении интересов нескольких наук: военной истории России, истории ее материальной культуры и теории ее сохранения. Были выявлены определенные лакуны, связанные с вопросом сбережения полковых вещей и деталей обмундирования, выполненных из драгоценного металла (преимущественно из серебра, полностью или частично).

Высокая цена исходного материала стала причиной того, что практиковались выжигание и переплавка отслуживших свое вещей. Эти процедуры проводились полком официально, со-

провождались строгими формальностями, находясь в ведении высшего командования. Введенного и полученного материала подлежал учету [11, с. 81]. Полковая инструкция гласила: «О покупках, подрядах и приемах в полк вещей <...> выжигу при полку собирать, из чего со временем в полку можно сперва трубы, а потом и литавры серебряные сделать, что к немалой красе полку служить будет» [12, с. 88]. Так выжиги получали вторую жизнь; обыкновенно из них изготавливались полковые реликвии или вклады для полковых храмов. Списание таких предметов украшалась полковая летопись [13, с. 5].

Выжигание и переплавка полковых и мундирных вещей являлись обычной практикой в Русской императорской армии. Эскадрон кавалергардов Павла I к его коронации был обмундирован в серебряные латы, сделанные из бывших столовых сервизов для наместников [14, с. 45]. Случай отнюдь не единичный, и множество прекрасных образцов старинной серебряной работы на сегодня утрачено.

Рассмотрим этот вопрос более подробно на примере одного из полков Русской императорской армии, в истории которого эта практика сказалась особым образом.

ЛЕЙБ-КИРАСИРСКИЙ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛК ДО ЦАРСТВОВАНИЯ ПАВЛА I

Лейб-кирасирский полк был основан летом 1733 г. на базе Невского драгунского полка (бывший драгунский Иоганна Данееля Портеса, образованный в 1704 г.). Полк не входил в состав императорской гвардии, а был армейским, но имел привилегии перед другими кирасирскими полками: по своему положению был первым среди всех армейских кавалерийских полков и единственным среди них имел в своем названии приставку «лейб-». Сверх того полк имел еще одну привилегию — почетное шефство царствующей особы; полковые командиры при этом считались вице-полковниками [15, с. 155]. Первым шефом полка стала сама императрица Анна Иоанновна, и с момента своего основания полк неформально считался полком Ее Величества.

Знаком особого положения полка были монаршие милости, проявленные в разные годы его истории. Так, при реформировании полка в кирасирский 19 октября 1733 г. ему были пожалованы серебряные трубы во все эскадроны, для отличия его как лейб-полка от прочих кирасир, которым даны такие трубы только в первые эскадроны. Первые серебряные литавры полк получил еще раньше, 21 июня 1733 г. [15, с. 55–56]. Эти вещи стали первыми реликвиями (святынями) полка, который пользовался расположением высочайших особ и позднее. При Екатерине II полк получил значение образцовой кавалерийской части [16].

ЛЕЙБ-КИРАСИРСКИЙ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛК ПРИ ПАВЛЕ I

Особенно богатой на события была история полка в правление императора Павла I, равнодушного к тяжелой кавалерии. Император выказывал неизменное расположение к Лейб-кирасирскому полку, выделяя его перед прочими полками Русской императорской армии щедрыми наградами. С первых дней правления Павла I полк получил нового шефа в лице императрицы Марии Федоровны с теперь уже официальным присвоением полку названия Лейб-кирасирского Ее Величества (с 17 ноября 1796 г.) [15, с. 154].

Полк размещался на лучших квартирах в Петергофе и Ораниенбауме. В июне 1797 г. всем обер-офицерам от ротмистра до корнета было выдано по одной лучшей (вероятно, английской или немецкой) лошади «из ремонта безденежно на 6 лет» [15, с. 155–156]. 29 января 1798 г. последовал Высочайший приказ, объявляющий благодарность всем штаб-и обер-офицерам, «приехавшим сюда для уравниения и познания кавалерийской службы, за прилежное их старание к оной» [15, с. 157]. Аналогичный приказ для обер-офицеров вышел 6 февраля 1798 г., 10 июля того же года благодарность «за порядок и устройство одного полка» [15, с. 157] была объявлена шефу полка генерал-майору М.А. Обрезкову (Обрескову). Высочайшим приказом от 8 октября 1798 г.

объявлено монаршее «удовольствие учившемуся сегодня Лейб-кирасирскому Ее Императорского Величества полку» [15, с. 157], в знак чего императором были пожалованы по рублю и чарке вина на человека. Кроме того, офицеры и нижние чины получили на чепраки и чушки конского убора шитые серебром нашивки в виде восьмиконечных звезд, украшенных двуглавыми орлами. В этот же день было объявлено, что «Его Императорское Величество отдает преимущество Лейб-кирасирскому Ее Императорского Величества полку пред полком Лейб-кирасирским Его Императорского Величества» [15, с. 157]. В конце октября флигель-адъютантом к императору был назначен майор полка С.И. Толбухин. Все это свидетельствовало об особой близости полка к императору.

СЕРЕБРЯНЫЕ РЕЛИКВИИ ЛЕЙБ-КИРАСИРСКОГО ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА

Пожалованием полку небывалых отличий завершился 1798 год. В следующем 1799 г. (по другим данным — в феврале 1798 г. [15, с. 162]) они приобрели значение полковых реликвий (полковых святынь): после неоднократных отличных учений и эволюций, во время стоянки лейб-кирасир Ее Величества в Санкт-Петербурге, полку были высочайше пожалованы серебряные трубы и серебряные кирасы (11 офицерских и 219 солдатских, общим числом 230) с высочайшим повелением употреблять эти кирасы в почетный караул, для чего сохранять их навсегда в полку [15, с. 157; 17, с. 46].

Известно, что Павла I влекло к военной моде времен правления его отца [9, с. 180]. Возможно, эти кирасы напоминали ему блиставшую серебром кирасу Петра III, хранившуюся в качестве полковой реликвии в Лейб-кирасирском Ее Величества полку (Петр Федорович был его полковником или числился в нем [15, с. 101]).

Также известно, что Павел I тяготел к рыцарской культуре и желал создать в России рыцарский двор [2, с. 103; 7, с. 60]). Упомянутые кавалергарды, которым было присвоено парад-

ное обмундирование по кирасирскому образцу, в день коронации Павла I поражали очевидцев серебряными кирасами и серебряными шишаками со страусовыми перьями. Вот как описывали это великолепие очевидцы: «За Государем и Императрицей шла... блестящая свита, в которой военные были в большинстве, потом рота телохранителей (лейб-гвардейцев), покрытых с головы до ног вооружением: кирасами, кольчугами, в касках с развевающимися перьями, как у древних рыцарей, — все из массивного серебра, сверкавшего и сиявшего на солнце. Во главе этой роты шел в такой же одежде старый воин... фельдмаршал граф В.П. Мушин-Пушкин» [14, с. 45–46]. Конных телохранителей-«рыцарей» сопровождали герольды в средневековых костюмах [14, с. 44].

Так или иначе, при Павле I, согласно Штамам от 29 ноября 1796 г., кирасирские полки получили почти такое же обмундирование, как и в 1763 г. [2, с. 103; 9, с. 180]. В качестве защитного вооружения употреблялись черные медные нагрудные кирасы, украшенные накладным медальоном (бляхой) с двуглавым орлом и воинской арматурой. Кирасы крепились лосиными ремнями, армированными латунными пластинками с шипами (шипованными гвоздями). Отправной точкой для создания павловских кирас образца 1796 г. послужил прусский образец [2, с. 103].

К этому моменту полк уже имел пожалованные ему ранее серебряные трубы, украшенные рубинами [15, с. 52] и надписью «Аппо 1764» (трубы были пожалованы вместе с литаврами) [18, с. 218]. Ночью 21 июля 1798 г. во время стоянки полка в Петергофе в полковом цейхгаузе случился пожар; успели спасти восемь из 12 серебряных труб, а прочие расплавились в слиток, который после пожара был найден. После извещения императора о случившемся последовало высочайшее повеление изготовить недостающие трубы за его счет (согласно записи № 737 в исходящем полковом журнале за 11 ноября 1798 г.). Согласно новым Штатам от 5 января 1798 г. в полку полагалось не 12, а только 11 трубачей; недостающие до штатного количества три серебряные трубы были изготовлены за счет Его Величества. По своему виду эти трубы почти полностью повторяли прежние образца 1764 г., за разницей в мар-

кировке: новые трубы имели штемпель 1798 г. [15, с. 111, 161].

Владение высочайше пожалованными реликвиями накладывало на полк обязательства по их сбережению. Поначалу на время военных походов кирасы, представлявшие собой значительную материальную ценность, вместе с другими ценностями сдавались на хранение в учреждения гражданского ведомства [17]. Так, в конце 1798 г. полк был назначен в состав корпуса Римского-Корсакова и с 1799 г. вместе с ним находился в Швейцарском походе. В сентябре 1799 г. полк участвовал в бою при Шлатте (Бюзингене), и только в марте 1800 г. лейб-кирасиры Ее Величества вернулись в Россию [15, с. 68, приложения; 16; 19, с. 543]. В начале похода кирасы в числе прочих тяжестей и ценностей, неудобных в походе, были сданы на хранение в Гапсальский городской магистрат (современный город Хаапсалу).

Стоит добавить, что за швейцарский поход и за выучку «как нужно бить неприятеля» [15, с. 173], согласно преданию, полк получил пять новых серебряных труб, конструктивно аналогичных трубам 1764 г., но без драгоценных камней. Украшением этих труб служили покрытие позолотой, монограмма императора Павла I и изображение орла с мальтийским крестом на груди (с 10 августа 1799 г. мальтийская символика включается в государственный герб империи [20, с. 755]) и надпись «1800». Согласно полковому архиву, трубы были изготовлены в правление Павла I, но вручены полку только в 1802 г. [15, с. 52, приложения].

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА ЛЕЙБ-КИРАСИРСКОГО ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА

Некотрые подробности хранения реликвий полка во время швейцарского похода можно почерпнуть из полкового архива.

Первое письмо гласит: «Копия. Получено 9 мая 1800 года. Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Государственной Военной Коллегии, Лейб-Кирасирскому Ее Императорского Величест-

ва Полку. По указу Его Императорского Величества Государственная Военная Коллегия по письму предложенному оной от господина генерала от инфантерии, генерала прокурора и кавалера Беклешова, коим сообщает, что господин Эстляндский гражданский губернатор Лангель представил ему господину генералу от инфантерии, что оный полк, при выступлении своем из Гапсаля, оставил в двух больших запечатанных кипах серебряные кирасы, числом 230, которые ныне хотя и хранятся в тамошней ратуше в безопасном месте, но ежели долго там пробудут, то магистрат опасается, чтобы оные не повредились, а особливо бархат; будучи же неизвестным, где сей полк, не имеет возможности с ним о тех кирасах списаться, просил его господина генерала от инфантерии, что с ними учинить, снабдить повелением. Приказали: Коммисариатской сея коллегии экспедиции предписать (и предписано), чтобы она к сохранению помянутых оставленных Лейб-Кирасирским Ея Императорского Величества полком кирас с прибором, приняла с своей стороны надлежащие меры, а Лейб-Кирасирскому Ея Императорского Величества полку дать знать сим, чтоб он о том, откуда те кирасы в оный поступили, Военную Коллегию, не замедля, уведомить. № 27770. Декабря 8 дня 1799 года. Генерал-майор Яковлев. Секретарь Никифор Тарутен. Коллежский регистратор Батманов» [15, с. 158–159].

Последовал следующий ответ из полка: «Копия с журнала исходящих бумаг за 1800 год 9 мая № 303. Рапорт в Государственную Военную Коллегию. Вследствие указов оной Коллегии, 1-го от 8 декабря прошлого 1799 года № 27000, и 2-го от 13 апреля сего 1800 года № 9630, в один раз сего числа полученным, касательных о 230 серебряных кирасах, оставленных, за выступлением полка в поход, под присмотром Гапсальской городской ратуши, кои ныне, как из Указа за № 9630 видно, находятся в городе Ревеле, откуда оные в полк поступили и то ли самое количество, какое Эстляндским гражданским губернатором показано, или не было ли больше оных в Гапсале оставлено, Лейб-Кирасирский Ея Императорского Величества полк сим донести честь имеет, что выше писанных кирасов оставлено в городе Гапсале точно 230, в том

числе 11 офицерских, а прочие кирасирские, о чем полк объяснил из отправленной от 10-го числа декабря прошлого 1799 года в Государственную Военную Коллегию по коммисариатской экспедиции табели. Поступили они в полк, Всемилоштивейше Его Императорским Величеством пожалованные, во время квартирования полка в Петергофе в [1]798 году, которых о взятии из Гапсаля с прибытием из-за границы в нынешние квартиры, хотя и полагал полк отправить кого из чинов, для такового употребления в полку состоящих, но по случаю маловременного еще нахождения в непрременных квартирах и что полковой квартирмейстер и аудитор находятся по разным частым откомандировкам более в отлучках, то и не имел к тому времени. При сем Государственную Военную Коллегию Лейб-Кирасирский Ея Императорского Величества полк покорно просит сделать, кому следует, свое повеление, дабы в случае отправления кого полком в Ревель за упомянутыми кирасами, не имели бы сомнения полковому отношению их отдать» [15, с. 159–160].

При жизни Павла I кирасы полку возвращены не были (согласно полковому архиву, ордер от 27 ноября 1801 г. за № 653. Входящий журнал, получено декабря 20 дня 1801 г.) [15, с. 160].

ПАВЛОВСКИЕ РЕЛИКВИИ ЛЕЙБ-КИРАСИРСКОГО ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I

Вскоре по восшествии на престол Александра I была создана Воинская комиссия, чьей задачей, среди прочего, было сокращение расходов на армию. Комиссия признала кирасирский тип конницы не соответствующим требованиям современного боя и упразднила часть кирасирских полков, оставшихся от Павла I, переформировав их в драгунские. Это решение полностью соответствовало общеевропейской тенденции (против ношения тяжеловесных кирас высказывался еще Г.А. Потемкин после 1-й Русско-турецкой

войны [21, с. 66–67]). 9 августа 1801 г. было отменено ношение кирас немногочисленными оставшимися кирасирскими полками, «стремительность и решительность лихих атак, сокрушающий удар закованной в железо конной массы» [22, с. 287] канул в прошлое.

Но для лейб-кирасир было сделано исключение — им было разрешено по-прежнему надевать свои высочайше пожалованные серебряные кирасы в почетные дворцовые караулы. «Серебряные 230 кирас, числящиеся в Лейб-кирасирском Ее Императорского Величества полку, как пожалованы Его Императорским Величеством, так и должны оставаться навсегда при оном же полку, которые и употреблять в почетные караулы. Подлинный подписал генерал-лейтенант Боур за № 651 17 дня (месяц в копии не указан. — Б. III.) 1801 года», — говорится в приказе великого князя Константина Павловича от 24 ноября 1801 г. за № 3182. Полковой архив. Входящий журнал 1801 года. Ордер № 525, получено 1 сентября [17].

До восстановления кирасирских полков в 1812 г. лейб-кирасиры Ее Величества были единственным полком, имевшим кирасы.

Дальнейшая судьба серебряных кирас-реликвий следующая. В августе 1805 г. лейб-кирасиры Ее Величества, находясь в армии М.И. Кутузова, выступили в поход; кирасы были вместе с полком. В октябре этого же года полк в отряде П.И. Багратиона выслан на дорогу от Кремса в Цветель для открытия сообщения армии М.И. Кутузова с эрцгерцогом Фердинандом. С 8 по 10 ноября 1805 г. полк участвовал в бою при Раузнице; 16 ноября — в бою при Вишау. В сражении под Аустерлицем (20 ноября 1805 г.) полк находился на правом фланге и прикрывал отступление отряда П.И. Багратиона. На следующий день он участвовал в бою у деревни Уржица. С 1806 г. полк в составе Молдавской армии участвовал в занятии Килии в декабре 1806 г., в блокаде Измаила в апреле 1807 г., отбил вылазку неприятеля в июле того же 1807 г. [19, с. 542–543; 23, с. 266]. Только в августе 1809 г., как гласит «Боевой формуляр» полка [15, с. 68, приложения], лейб-кирасиры Ее Величества смогли вернуться в Россию. Все это время серебряные кирасы, тщательно оберегаемые, были при них [17, с. 46]. «Счастлив был

полк, что после катастрофы под Аустерлицем успел сохранить эти кирасы, иначе бы небывалой полковой регалией и драгоценностью мог украситься один из французских кирасирских полков», — говорится в летописи полка [15, с. 202–203].

Действительно, было чего опасаться. Так, в полковой церкви Лейб-гвардии Конного полка долгое время хранился драгоценный трофей, напоминающий о подвиге при Аустерлице рядовых конногвардейцев Гаврилова, Омельченко, Ушакова и Лазунова. Трофей представлял собой знамя (орла), ранее принадлежавшее 4-му линейному полку французской пехоты; конная гвардия атаковала одну из бригад пехоты, отбила и сумела вынести с поля боя ее батальонное знамя [13, с. 19; 24, с. 79].

В преддверии Отечественной войны 1812 г., возможно, опасаясь уступить неприятелю полковые святыни, император Александр I по докладу цесаревича Константина Павловича распорядился «обратить эти кирасы в деньги на пользу полка» [15, с. 203]. Подробности видны из приказа по полку от 24 февраля 1811 г., п. 6: «Государь Император, через Генерал-Инспектора всей кавалерии, Его Императорского Высочества Государя Цесаревича, повелеть соизволил: состоящие в сем полку кирасы, в серебре обделанные, обратить в пользу полка, и из состоящего на оных серебра составить офицерскую сумму, а самые кирасы сдать в комиссариатское ведомство, о каковой Монаршей милости полку даю знать. Во исполнение этой Высочайшей воли кирасы сданы в Смоленскую комиссариатскую комиссию, а серебро, которого снято с кирас 10 пудов, 1 фунт и 15 золотников, да с гвоздей и чешуй — 27 фунтов и 61 золотник, продано за 23592 р. 86 1/4 коп. ассигнациями. Деньги эти, согласно повелению Цесаревича от 9 мая за № 2664, причислены в офицерский капитал» [15, с. 203]. С процентов от этого капитала ежегодно выплачивалась премия лучшему солдату полка [16]. «Увы, судьба неумолима, и серебряные кирасы, пожалованные императором Павлом “навсегда”, превратились в “презренный металл”», — заключил полковник лейб-кирасир И.Ф. Рубец, изложивший краткую историю павловских серебряных кирас в журнале «Военная быль» [17].

Стоит добавить, что в тот же 1811 г., спустя всего лишь две недели, из ведомости Лейб-кирасирского Ее Величества полка были исключены личные вещи императора Петра III, в том числе и его серебряная кираса. «Мундир и доспехи этого Государя хранились в нашем полку, а не в Наследниковом Кирасирском — говорилось в “летописи” полка. — Мундир этот находился в полку до 1811 г., когда вследствие приказа Цесаревича Константина Павловича он из полка был взят. В приказе по кавалерии от 12 марта 1811 г. за № 1555 сказано следующее: “Хранившиеся в сем полку вещи покойного Императора Петра III: кирас серебряный с вызолоченными цепями, колет, камзол и шляпу, доставленные ко мне, из полковой ведомости исключить. Константин”» [15, с. 101].

ПАВЛОВСКИЕ КИРАСЫ В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ: УТРАЧЕННЫЕ И СПАСЕННЫЕ

Часть медных кирас Лейб-кирасирского полка (6 шт.) в 1823 г. послужила для оформления Арсенала, устроенного вдовствующей императрицей Марией Федоровной в Оружейной (Арсенальной) галерее Церковного полуциркуля Гатчинского дворца. Эти медные черненные кирасы, истребованные из полка «на время» [25, с. 292], мы можем видеть на акварели Э.П. Гау «Оружейная галерея» (1880) — они изображены в одном из двух вертикальных рядов, разделяющих шкафы с оружием и оружейные арматуры (остальные кирасы в количестве 41 шт. были доставлены в Гатчину из Санкт-Петербургского Арсенала [25, с. 292]). Есть среди них и одна серебряная.

Следующее столетие, вплоть до начала Великой Отечественной войны, кирасы Лейб-кирасирского полка не покидали Гатчину. В 1941 г. коллекция была эвакуирована; оружие по большей части сохранилось, но витрины, шкафы и кирасы были утрачены [26, с. 258].

В настоящее время военное материальное наследие павловской эпохи представлено немногими раритетами, украшающими луч-

шие музейные собрания. Сохранились уставные кирасы образца конца 1796 г. — медные черненные, положенные кирасирским полкам (непосредственно кирасирам, а также Кавалергардии и Конной гвардии, которым были пожалованы мундиры кирасирского типа). Сегодня они представлены в нескольких собраниях Государственного исторического музея, Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации, Музея военной формы одежды Российского военно-исторического общества. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится кираса образца 1796 г. и церемониальные, изготовленные для коронации Павла I в 1797 г. латы нижнего чина Кавалергардского полка 1797 г.: кираса, наручи, наколенники и каска [27, с. 22–23].

Серебряные наградные павловские кирасы в отечественных музеях не представлены. «Императору Павлу благоугодно было пожаловать полку нашему серебряные кирасы в числе 230 *для вечного хранения*» (выделено М.И. Марковым. — Б. III.), — отмечал летописец лейб-кирасир Ее Величества полковник М.И. Марков [15, с. 202]. «Вечное хранение», как мы видим, при смене правления, в условиях почти непрерывных войн продлилось немногим более 13 лет.

Завершая анализ, можно заключить, что практика переплавки послужила тому, что важный — не столько в количественном, сколько в смысловом понимании — пласт материальной культуры, характеризующий эпоху правления Павла I, утрачен. Тем более ценно сохранившееся наследие: в силу своей уникальности в сложившихся условиях оно имеет особое историко-культурное значение.

Список источников

1. Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. Ленинград : Художник РСФСР, 1988. 237 с.
2. Летин С.А. Русский военный мундир XVIII века. Москва : Панас-Аэро, 1996. 114 с.
3. Летин С.А. Семь мундиров за семь лет. Обмундирование офицеров-гвардейцев в царствование Павла I // Родина. 2000. № 11. С. 72–76.
4. Леонов О.В. «Потешные» идут на войну... Гатчинские войска цесаревича Павла в русско-

- шведскую кампанию 1788–1790 // Военная иллюстрация : Российский военно-исторический альманах. 1998. № 1. С. 18–23.
5. Татарников К.В. Павловская команда: История, униформа и снаряжения Гатчинских войск : 1780-е–1796 гг. [Рукопись]. Москва, 2004. 67 с.
6. Алехин П.Г., Леонов О.В. Корпус принца де Конде в России, 1797–1800 гг. // Сержант. 2005. № 3 (32). С. 3–12.
7. Введенский Г.Э. Пять веков русского военного мундира. Санкт-Петербург : Атлант, 2005. 333 с.
8. Юркевич Е.И. Военный Петербург эпохи Павла I. Москва : Центрполиграф, 2007. 276 с.
9. Юркевич Е.И. Обмундирование русской армии в царствование императора Павла I (1796–1801 гг.) : анализ и оценки // История военного костюма: от древнего мира до наших дней : материалы междунар. воен.-ист. конф. Санкт-Петербург, 19 ноября 2015 г.: сб. ст. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2016. С. 179–189.
10. Наш восемнадцатый век : военный сборник / сост. В.И. Егоров. Москва : Арт-Волхонка, 2014. 536 с.
11. Шапиро Б.Л. Всадники в кружевах: золото-серебряная отделка в мундирных и амуниционных вещах XVIII в. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 2 (75). С. 79–82.
12. Материалы по истории русского военного мундира, 1730–1801 : сборник документов : [в 2 т.]. / сост. К.В. Татарников. Москва : Русская панорама, 2009. Т. 2. 591 с.
13. Штакельберг К.К. Полтора века конной гвардии. 1730–1880. Санкт-Петербург : Тип. В.Ф. Демакова, 1881. 230 с.
14. Панчулидзе С.А. История кавалергардов. 1724–1799–1899 : По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка : [в 4 т.]. Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1899. Т. 1. 402 с.
15. Марков М.И. История лейб-гвардии Кирасирского ее величества полка / сост. полк. Марков Т. [1]–2. Санкт-Петербург : Гос. тип., 1884–1904. Т. 1. 1884. 662 с. разд. паг.
16. Юркевич Е.И. Лейб-Гвардии Кирасирский полк Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны [Электронный ресурс]. URL: http://www.gorod.gatchina.biz/dll_9104701 (дата обращения: 26. 11. 2018).
17. Рубец И.Ф. Серебряные кирасы // Военная быль. 1963. № 58. С. 46.
18. Никитин А.Л. Жалованные литавры в русской наградной системе // Исследования и очерки к биографии А.В. Суворова. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2008. С. 204–241.
19. Кирасирский, лейб-гвардии Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, полк // Военная энциклопедия. Т. 12: Кальяри — Коалиционные войны / под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого. Москва : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1913. С. 542–543.
20. Полное собрание законов Российской империи. Т. 25. 1798–1799 гг. / сост. М.М. Сперанский. Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 932 с.
21. Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. Царствование Екатерины Великой. Вып. 2. Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова, 1894. 507 с.
22. Кутищев А.В. Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность. Москва : Компания Спутник+, 2006. 407 с.
23. Штейнгейль В.В. Императорская российская гвардия, 1700–1878. Хронологические таблицы. Санкт-Петербург : Тип. Канцелярии С.-П.-Б. Градоначальника, 1878. 317 с.
24. Комаровская Е.П. Французские знаменные трофеи Российской императорской армии в военных кампаниях против Наполеона в конце XVIII — начале XIX в. // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2004. № 1. С. 78–80.
25. Родионов Е.А. История коллекции оружия гатчинского дворца с 1770-х до 1941 г. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 16. С. 285–307.
26. Елкина А.С. Гатчина. Мой дворец : Черновые заметки главного хранителя. Москва : Тончу, 2014. 304 с.
27. Ключков Д.А. Конные эскортные части и подразделения России. Москва : Фонд «Русские витязи», 2014. 504 с.

"For Eternal Storage...": Regimental Relics of the Era of Paul I

Bella L. Shapiro

Russian State University for the Humanities, 6,
Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia
ORCID 0000-0001-5616-8898; SPIN 1207-7478
E-mail: b.shapiro@mail.ru

Abstract. *Military material culture (tangible expression of military history) does not belong to topics unfairly forgotten by researchers. However, in modern practice, the lost cultural heritage is not researched as actively as the preserved one. This study aims to fill in some lacunae in the history of military material culture related to the practice of re-melting precious metal objects. The issue is considered on the example of Life-Cuirassier Her Majesty's Regiment. The article highlights the key moments of the regiment's history related to royal awards. It was, primarily, the short epoch of the reign of Paul I when silver timpani, trumpets and cuirasses received the status of regimental relics (1799). During the reign of his successor Alexander I, with a reduction in the cost of maintaining the army, the silver part of this regimental relics was re-melted. The money received made up the fund of the officer's insurance capital. Some more of the regimental relics, precious in every sense, were lost in the years of the Great Patriotic War. As a result, the military material culture of the era of Paul I, in particular the protective armament, is presented very poorly in modern museum collections. This research helps to describe its character and history of existence. The main sources of studying the lost relics is the history of the regiment and its regimental archive published by Colonel M.I. Markov. Graphic documents are used as additional sources. The article outlines the list of modern museum collections that store preserved items, partly similar (partially interchangeable) to the lost ones. Summing up the results of the work, the study of the lost material cultural heritage is a promising scantily-explored direction of military history.*

Key words: cultural heritage, military material culture, military history of Russia, Paul I, Alexander I, Russian army, Life-Cuirassier Her Majesty's

Regiment, regiment history, regimental relics, Theory and History of Culture.

Citation: Shapiro B.L. "For Eternal Storage...": Regimental Relics of the Era of Paul I, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 30–39. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-30-39.

References

1. Glinka V.M. *Russkii voennyy kostyum XVIII – nachala XX veka* [Russian Military Clothing of the 18th – Early 20th Century]. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1988, 237 p.
2. Letin S.A. *Russkii voennyy mundir XVIII veka* [Russian Military Uniform of the 18th Century]. Moscow, Panas-Aero Publ., 1996, 114 p.
3. Letin S.A. Seven Uniforms in Seven Years. Uniforms of Guard Officers in the Reign of Paul I, *Rodina* [Motherland], 2000, no. 11, pp. 72–76 (in Russ.).
4. Leonov O.V. "Toys" Go to War... The Gatchina Troops of Crown Prince Paul in the Russian-Swedish Campaign of 1788–1790, *Voennaya illyustratsiya: Rossiiskii voenno-istoricheskii al'manakh* [Military Illustration: Russian Military-Historical Almanac], 1998, no. 1, pp. 18–23 (in Russ.).
5. Tatarnikov K.V. *Pavlovskaya komanda: Istoriya, uniforma i snaryazheniya Gatchinskikh voisk: 1780–e–1796 gg.* [Paul's Team: History, Uniforms and Equipment of the Gatchina Troops: 1780–1796]. Moscow, 2004, 67 p., manuscript.
6. Alekhin P.G., Leonov O.V. Prince de Condé's Corps in Russia, 1797–1800, *Serzhant* [Sergeant], 2005, no. 3 (32), pp. 3–12 (in Russ.).
7. Vvedensky G.E. *Pyat' vekov russkogo voennogo mundira* [Five Centuries of Russian Military Uniform]. St. Petersburg, Atlant Publ., 2005, 333 p.
8. Yurkevich E.I. *Voennyy Peterburg epokhi Pavla I* [Military Petersburg of the Era of Paul I]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007, 276 p.
9. Yurkevich E.I. Russian Army Uniforms during the Reign of Emperor Paul I (1796–1801): Analysis and Evaluation, *Istoriya voennogo kostyuma: ot drevnego mira do nashikh dnei: materialy mezhdunarodnoi voenno-istoricheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 19 noyabrya 2015 g.: sbornik statei* [Proceedings of the International Military-Historical Conference "History of Military Clothing: From the Ancient World to the Present Day" (St. Petersburg, November 19, 2015): collected articles].

- St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii Gosudarstvennyi Universitet Promyshlennykh Tekhnologii i Dizaina Publ., 2016, pp. 179–189 (in Russ.).
10. Egorov V.I. (ed.) *Nash vosemnadsatyi vek: voennyi sbornik* [Our Eighteenth Century: Military Collection]. Moscow, Art-Volkhonka Publ., 2014, 536 p.
11. Shapiro B.L. Riders in Lacy Clothes: Gold-Silver Trim in Uniform and Ammunition of the 18th Century, *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Orel State University], 2017, no. 2 (75), pp. 79–82 (in Russ.).
12. Tatarnikov K.V. (ed.) *Materialy po istorii russkogo voennogo mundira, 1730–1801: sbornik dokumentov* [Materials on the History of Russian Military Uniform, 1730–1801: collected documents]. Moscow, Russkaya Panorama Publ., 2009, vol. 2, 591 p.
13. Shtakelberg K.K. *Poltora veka konnoi gvardii. 1730–1880* [A Century and a Half of Horse Guards. 1730–1880]. St. Petersburg, V.F. Demakova Publ., 1881, 230 p.
14. Panchulidzev S.A. *Istoriya kavaleriatskikh polkov. 1724–1799–1899: Po sluchayu stoletnego yubileya Kavaleriatskogo ee velichestva gosudaryni imperatritsy Marii Fedorovny polka* [The History of Cavalry Guards. 1724–1799–1899: On the Occasion of Centenary of Her Majesty Empress Maria Feodorovna's Cavalry Regiment]. St. Petersburg, Ekspeditsiya Zagotovleniya Gosudarstvennykh Buzmag Publ., 1899, vol. 1, 402 p.
15. Markov M.I. *Istoriya leib-gvardii Kirasirskogo ee velichestva polka* [The History of Life Guard Cuirassier Her Majesty's Regiment]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya Publ., 1884–1904, vol. 1, 1884, 662 p.
16. Yurkevich E.I. *Leib-Gvardii Kirasirskii polk Eya Velichestva Gosudaryni Imperatritsy Marii Feodorovny* [Life Guard Cuirassier Regiment of Her Majesty Empress Maria Feodorovna]. Available at: http://www.gorod.gatchina.biz/dll_9104701 (accessed 26.11.2018).
17. Rubets I.F. Silver Cuirasses, *Voennaya byl'* [Military True Story], 1963, no. 58, p. 46 (in Russ.).
18. Nikitin A.L. Granted Timpani in the Russian Award System, *Nikitin A.L. Issledovaniya i ocherki k biografii A.V. Suvorova* [Nikitin A.L. Studies and Essays on the Biography of A.V. Suvorov]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2008, pp. 204–241 (in Russ.).
19. Velichko K.I., Novitsky V.F. (eds). Cuirassier Life Guard Her Majesty Empress Maria Feodorovna's Regiment, *Voennaya entsiklopediya. T. 12: Kal'yari – Koalitsionnye voyny* [Military Encyclopedia. Volume 12: Cagliari – Coalition Wars]. Moscow, Tovarishestva I.D. Sytina Publ., 1913, pp. 542–543 (in Russ.).
20. Speransky M.M. (ed.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. 25. 1798–1799 gg.* [Full Collection of Laws of the Russian Empire. Volume 25. 1798–1799]. St. Petersburg, II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ., 1830, 932 p.
21. Maslovsky D.F. *Zapiski po istorii voennogo iskusstva v Rossii. Tsarstvovanie Ekateriny Velikoi. Vyp. 2* [Notes on the History of Military Art in Russia. The Reign of Catherine the Great. Issue 2]. St. Petersburg, V. Bezobrazova Publ., 1894, 507 p.
22. Kutishchev A.V. *Armia Petra Velikogo: evropeiskii analog ili otechestvennaya samobytnost'* [The Army of Peter the Great: European Equivalent or Russian Originality]. Moscow, Kompaniya Sputnik+ Publ., 2006, 407 p.
23. Shteingeil V.V. *Imperatorskaya rossiiskaya gvardiya, 1700–1878. Khronologicheskie tablitsy* [Russian Imperial Guards, 1700–1878. Chronological Table]. St. Petersburg, Kantselyarii S.-P.-B. Gradonachal'nika Publ., 1878, 317 p.
24. Komarovskaya E.P. French Banner Trophies of the Russian Imperial Army in Military Campaigns against Napoleon in the Late 18th – Early 19th Centuries, *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Scientific Notes of the Russian State Social University], 2004, no. 1, pp. 78–80 (in Russ.).
25. Rodionov E.A. The History of the Arms Collection in Gatchina Palace from the 1770s to 1914, *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the Historical Faculty of the St. Petersburg University], 2013, no. 16, pp. 285–307 (in Russ.).
26. Elkina A.S. *Gatchina. Moi dvorets. Chernovye zametki glavnogo khranitel'ya* [Gatchina. My Palace. Draft Notes of the Chief Custodian]. Moscow, Tonchu Publ., 2014, 304 p.
27. Klochkov D.A. *Konnye eskortnye chasti i podrazdeleniya Rossii* [Horse Escort Units and Divisions of Russia]. Moscow, Fond "Russkie Vityazi" Publ., 2014, 504 p.

О.В. РАДЗЕЦКАЯ

РУССКОЕ НОТОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО: КОММЕРЦИЯ И МЕЦЕНАТСТВО

Ольга Владимировна Радзецкая,

Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
Академия им. Маймонида,
кафедра фортепианного исполнительства,
концертмейстерского мастерства и камерной музыки,
профессор
Садовническая ул., д. 52/45, Москва, 117997, Россия

доктор искусствоведения, профессор
ORCID 0000-0003-1595-1047; SPIN 7428-7007
E-mail: olgabreman@yandex.ru

Реферат. В истории русского нотоиздательского дела есть темы, которые требуют дополнительного изучения обширного фактического материала с точки зрения преемственности времен и поколений, традиций и опыта, индивидуального и общего. Результатом процесса становления отечественного нотоиздательства стало уникальное мыслетворческое пространство. Оно связало в единое целое духовное и материальное, коммерцию и меценатство, где экономическая сторона вопроса создает представление о механизмах предпринимательской деятельности на рынке производства и сбыта нотопечатной продукции, подчеркивает проблематику новаторского подхода в развитии производственных мощностей и, как следствие, появление целой плеяды коммерсантов—меценатов—просветителей. «Человек музицирующий» и «человек финансирующий» — яркие представители русского

нотопечатного дела, открывающие перспективу исследования персональных профилей в истории меценатства и благотворительности, создающие предпосылки для понимания единства финансово-экономических и художественных сфер. Цель исследования — изучение совокупности профессиональных признаков, позволяющих определить генезис коммерческого и творческого в наиболее успешных нотоиздательских проектах, реализованных во второй половине XIX века. Особого интереса заслуживают известные имена, в частности М.П. Беляев, ставший символом высокого служения музыкальному искусству. Пропагандируя сочинения молодых отечественных композиторов, оказывая им всестороннюю помощь и поддержку, М.П. Беляев стал первым «музыкальным миссионером» и просветителем. Его коммерческая деятельность была глубоко патриотичной, связанной с высокими духовными идеалами служения обществу.

Данные основания могут стать ориентиром для дальнейшего изучения русского нотоиздательского дела, меценатства и благотворительности в их неразделимой взаимосвязи.

Ключевые слова: русское нотоиздательское дело, нотопечатное дело, музыкальное искусство, экономика, финансы, меценатство, «человек музицирующий», «человек финансирующий».

Для цитирования: Радзецкая О.В. Русское нотоиздательское дело: коммерция и меценатство

во // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 1. С. 40–49. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-40-49.

История русского нотоиздательского дела привлекает внимание исследователей своим богатым культурным потенциалом. Интересным и самобытным является процесс эволюции нотоиздательского дела в России от второй половины XVII в. до рубежа XIX–XX вв., затрагивающий тонкие и специфические взаимоотношения музыкального и коммерческого. Получение материальной прибыли, связанное с организацией нового, ранее не имеющего аналогов производства, отражало в первую очередь систему насущных потребностей динамично развивающегося государства и стоящих перед ним задач.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ РУССКОГО НОТОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА: ЕВРОПЕЙСКИЕ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

Опыт европейских мануфактур, внедрение передовых технологий, безусловно, повлияли на постепенный переход от рукописных нотных источников к технически более совершенной печатной продукции. Появление первых типографских образцов¹ стало для отечественной культуры судьбоносным, и такое начало, безусловно, могло быть названо революционным, если бы, «как и во многом другом, мы и в музыке, по справедливому замечанию Чайковского, оказались привязанными к хвосту более культурной Европы» [1, с. 22].

¹ Первые образцы нотной печатной продукции, выпущенной в Западной Европе, датируются второй половиной XV века.

Б.Л. Вольман склонен считать первым русским нотным изданием, выполненным на Московском печатном дворе в 1679 г., сравнительную таблицу старинных крюковых и современных линейных нотных знаков, которую гравировал талантливый изобретатель Симон Гутовский, создавший свою оригинальную конструкцию нотопечатного станка [Цит. по: 2, с. 24–25; 3]². Отметим, что «Московский печатный двор в XVII в. представлял собой классическое мануфактурное предприятие с развитым разделением труда; по форме собственности он являлся государственным предприятием. Типографский и издательский циклы были сосредоточены в одном месте, как и цикл изготовления шрифта» [4, с. 192].

Фактически первое музыкальное сочинение (торжественный кант — род бытовой многоголосной песни, распространенный в России, Белоруссии, на Украине в XVII–XVIII вв.) ко дню коронации императрицы Анны Иоанновны было выпущено в Санкт-Петербурге типографией Академии наук в 1730 году. Постепенно нотоиздательская деятельность активизируется, и с государственными монополистами (Академией наук в Санкт-Петербурге, Синодальной типографией в Москве и другими ведомственными организациями) конкурируют представители частного капитала.

С момента появления иностранных инвестиций темпы роста отечественных производственных мощностей отражают положительную динамику рынка. Выпуск разнообразных нотных изданий связывается с возросшим культурным потенциалом российского потребителя, с расширением его творческого кругозора. Не явилась препятствием и высокая стоимость печатной продукции. Б.Л. Вольман пишет, что в 1780-х гг. «пачка печатных нот стоила в Петербурге приблизительно столько же, сколько продававшаяся там же, вместе с лошадьми, каретой или мебелью, крепостная дворовая девка» [Цит. по: 2, с. 29].

Объективно лидирующие позиции в нотоиздательском производстве занимают западноевропейские предприниматели: Христиан

² В 1677 г. (по другим источникам, в 1678 г.) С. Гутовским был изготовлен первый отечественный станок глубокой печати для гравюр на меди.

Людвиг Вевер, выпустивший в 1773 г. в типографии Московского университета «Куриозную музыкальную штучку, состоящую из одного Менуэта, который на клавишине, скрипке и басу играть можно разным образом, сочинения господина Шоберта» [2, с. 28]. По наблюдениям Б.П. Юргенсона, в типографии Академии наук еще «с 1729 года выписывали из заграницы книги и ноты и торговали ими, а в академической типографии печатались... нотные издания и либретто опер (Арайя «Сила любви и ненависти», 1736). В 1767 г. было сделано объявление о продаже печатных музыкальных нот...» [5, с. 169].

Постепенно, одно за другим возникают издательства и типографии, принадлежащие «вольным негоциантам»³. Особенно стали заметны эти тенденции после выхода в 1783 г. указа «О вольных типографиях». Согласно статистическим данным, «именно на 80-е гг. XVIII в. в России приходится взрывообразный рост количества изданий: если в 1762 г. было выпущено 159 изданий, то в 1785 г. — 269, в 1786 г. — 326, в 1787 г. — 435» [4, с. 199]. В музыкальном Санкт-Петербурге начинают свою деятельность И.Я. Вейтбрехт, И.Д. Герстенберг, Ф. Мейер, И.К. Шнор, Б.Т. Брейткопф, в Москве — Х. Ридигер, Х.Л. Вевер и др.

Европейские традиции нотоиздательского дела в экономическом и культурном пространстве России начинают доминировать в организации и планировании производственных отношений, развивающихся в русле классических финансовых канонов. Предприятия функционируют по принципу целесообразности финансово-промышленных проектов с последующим получением максимальной прибыли. Процесс товарообмена осуществляется на базе товарно-денежных отношений, исключая на начальных этапах любые этические формальности. «Энергичные и предприимчивые немцы, обнаружив отсутствие конкурентов на рынке продажи и печатания музыкальных произведений, заполнили “нишу” и тем самым стали диктовать свои законы в этой экономической отрасли», — пишет Ф.Э. Пуртов [6, с. 13].

³ Частное предпринимательство было разрешено на основе аренды типографий иностранцами.

Аналогичным оказался и отечественный подход, опирающийся на европейские производственно-технологические схемы, уверенно заявившие о себе на рынке сбыта нотопечатной продукции. Параллельно с немецкими, голландскими и французскими коммерсантами в Москве и Санкт-Петербурге начинают свою работу Т.А. Полежаев, С.И. Селивановский и др.⁴ Последовавшие в 1796 г. после событий Великой французской революции запрет на вольные типографии и введение жесткой государственной цензуры, безусловно, отразились на развитии нотной полиграфии. В целом в России за весь 1797 г. было выпущено всего 262 наименования книг, альманахов, журналов и т. д. [4, с. 205].

Несмотря на явные сложности, нотоиздательское и нотопечатное дело в России динамично развивалось, что связано с процессами экономического роста государства, совершенствованием технической базы, наличием свободной конкуренции и действующими законами рынка. Б.Л. Вольман называет более 200 различного рода нотных изданий российского производства, вышедших в течение всего XVIII в. [Цит. по: 7]. При этом отметим отсутствие серьезной законодательной базы, регулирующей систему авторского права и ввоз в страну иностранной литературы.

Главным препятствием на пути к установлению деловой стабильности по-прежнему оставались малоэффективные технологии, не дающие возможности типографиям существенно снизить себестоимость печати нотного материала. Еще долгое время, вплоть до середины XIX в., востребованной считалась работа переписчика. Такая ситуация наблюдалась повсеместно как в России, так и в Западной Европе. Великий балетмейстер Мариус Петипа вспоминал на страницах своих мемуаров: «Помогали отцу и мы с братом Люсьеном, занявшись перепиской нот у князя Трезиньи, страстного любителя вальсов и кадрили, которые он сам сочинял в неимоверном количестве» [8, с. 30].

⁴ В Российской империи, помимо столичных типографий, специализирующихся на выпуске нотной продукции, полиграфическое производство существовало в 17 губерниях [4, с. 204].

Безусловным прорывом как в культурных, так и в экономических сферах явилось изобретение Алоизом Зенефельдером в конце XVIII в. литографского способа печати, применение которого привело к удешевлению нотной продукции. В России это новшество впервые начало использоваться только в 1816 г. в столичных городах. Провинциальные мастерские не имели возможности усовершенствовать свои производственные мощности. В 1863 г. лейпцигский нотопечататель К.Г. Редер заменил литографский станок скоропечатной литографской машиной, в 1865 г. появившейся и в русских типографиях. На десять лет раньше, в 1855 г., эффективно заявил о себе дошедший до сегодняшних дней метод изготовления простой печатной формы, с помощью которого «дорогостоящая гравировальная пластина оставалась в неприкосновенности, и с нее можно было делать новые оттиски для переиздания имевших успех сочинений» [2, с. 36].

На практике финансовые выгоды от реализации достижений науки и техники зависели от внутренней государственной политики. Так, во время правления императора Александра I указом от 31 марта 1801 г. отменялся запрет на ввоз из-за границы книг и *нот* (курсив мой. — О. Р.), введенный в царствование Екатерины II. Открывались и частные типографии, закрытые по ее же распоряжению. Высочайшим указом от 9 февраля 1802 г. «вновь разрешалось учреждение вольных типографий и вместе с тем уничтожались цензуры, учрежденные в городах и портах одновременно с ограничением свободного книгопечатания» [9]. Снятие запрета ознаменовало усиление деловой активности в экономике страны, что самым благоприятным образом сказалось на дальнейшем развитии меценатства и благотворительности в среде крупных нотных издателей.

И все же вплоть до середины XIX в. технологический прогресс в Европе не получал соразмерного отклика в производстве и на рынке сбыта отечественной продукции. Причиной этому был неконтролируемый импорт нотных изданий, поставляемых западноевропейскими фирмами. Деловой потенциал российского предпринимателя не проявлялся в полной мере. Серьезными финансовыми потерями оборачивался выпуск зарубежными издательствами произведений русских композиторов,

переправляемых для продажи обратно в Россию, отсутствовала система выплаты авторских гонораров. Многие делались исключительно ради быстрой наживы, вне общественных культурно-стратегических задач. Ф.Э. Пуртов находит, что «первая “конфликтная” группа связана с отношениями издателей и композиторов, практикой свободной перепечатки без ведома авторов и уплаты им (или их наследникам) гонораров... Вторая группа разногласий проявляется во взаимоотношениях издателей и торговцев, когда совершались так называемые “контрабандные” перепечатки» [10, с. 9].

Наряду с явными трудностями в нотопечатательском и нотопечатном деле в России следует отметить большую подготовительную работу, проделанную отраслью на пути к вершинам музыкального искусства и полиграфического мастерства. Первые, да и все последующие шаги целиком и полностью оказались зависимыми от спроса-предложения, товарно-денежного оборота, социально-политической ситуации в стране, государственного регулирования, цензуры и т. д. Но неоспоримым достижением этой отрасли стало появление мощного финансово-экономического фундамента, в котором материальное и творческое взаимно дополняли друг друга, постепенно формируя индивидуальные качества производителя: коммерсанта — мецената — просветителя.

МЕЦЕНАТСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РУССКОМ НОТОИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ: «ЧЕЛОВЕК МУЗИЦИРУЮЩИЙ» И «ЧЕЛОВЕК ФИНАНСИРУЮЩИЙ»

Материальная и духовная трансформация русской нотопечатательской деятельности привела к развитию уникального полифункционального комплекса, объединяющего в единое целое «человека музицирующего» и «человека финансирующе-

го». Известно высказывание Ф.И. Шаляпина о том, что «еще российский мужичок, вырвавшись из деревни смолоду, начинает сколачивать свое благополучие будущего купца или промышленника в Москве... А потом, поди, он уже 1-й гильдии купец. Подождите — его старший сынок покупает Гогенов, первый покупает Пикассо, первый везет в Москву Матисса» [11, с. 147–148].

Действительно, яркость процессов культурной эволюции в отечественном социуме не имеет подобных аналогов в мировой практике. Но применимо ли подобное высказывание к известным нотоиздателям, которые в большинстве своем были представителями других национальностей, выходцами из Западной Европы? Сопоставима ли их деятельность с культурным масштабом страны и какую оценку должна получить финансово-экономическая составляющая? Обнаруживаются ли в ней какие-либо характерные особенности?

Подчеркнем еще раз, материальная доминанта для иностранного нотоиздателя, безусловно, являлась главным ориентиром в его деле. В 1790-х гг. И.Д. Герстенберг откровенно писал: «Цель всякого, кто едет в Россию, прежде всего — накопить достаточно средств на достойную жизнь в своем отечестве... Подсчитав, что за пределами России все это нельзя иметь за те же деньги, он отодвигает первоначальную цель своих желаний — возвратиться с заработанным капиталом домой...» [Цит. по: 12, с. 92]. Важным можно считать и высказывание о том, что на новой родине он «*вкушает гражданскую свободу, которой нигде больше не найти*» (курсив мой. — О. Р.) [Цит. по: 12, с. 92].

По существу, предпринимательство в России ко второй половине XIX в. продемонстрировало мощный культуротворческий потенциал и оказалось сопоставимым с ролью социального генератора, производящего интеллектуальные, творческие и материальные ценности. Традиции русского меценатства и благотворительности, идущие из глубины веков, имеющие нерушимую религиозную и духовно-нравственную основу, прошедшие дворянско-усадебный период своего становления, в условиях капиталистического производства приобрели дополнительные смыслы.

Они связываются с генезисом западноевропейской и русской культур, где музыка «содержит в себе слитно и нераздельно все основные виды деятельности, лишь выдвигая на первый план то один из них, то другой — познавательную, ценностно-ориентационную, преобразовательную, коммуникативную, выступая как разные стороны одного целого — художественного воссоздания человеческого бытия в образной форме» [13, с. 14]. Иначе говоря, иностранные коммерсанты в своем духовном развитии чутко воспринимали ценностные ориентиры российского социума. Так возникал новый образ «человека финансирующего», не определяемого по национальному признаку, но фиксируемого как личность в конкретном музыкальном пространстве и времени. Уже в конце XVIII в. в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 2 ноября 1798 г. было размещено объявление: «Купцы братья Шпревиц, имеющие музыкальную лавку наsupротив Исакиевской церкви в доме Шишмарева под № 107, любителям музыки сим объявляют, что они открыли заемную библиотеку новейших музыкальных пиес, на которую план и каталоги раздаются у них *безденежно*» (курсив мой. — О. Р.) [Цит. по: 14, с. 119].

Деятельность «человека финансирующего» в нотоиздательском деле может быть представлена с точки зрения классической теории прибыли, однако ее объяснение с позиций феномена меценатства оказывается делом весьма затруднительным, поскольку природа предпринимательства основана на получении максимального дохода, а средства, перечисляемые на высокие цели, носят благотворительный характер. Конечно, подобная практика «человеку финансирующему» в российском социуме не могла принести особых материальных благ и в рыночные отношения совершенно не вписывалась. Поэтому рассматривать процесс «товарообмена» и возникновения на этой основе товарно-денежных отношений в любых формах музыкального меценатства не представляется возможным. Причина состоит в том, что, фактически отсутствует одна из стадий процесса — обмен, который в итоге приводит к появлению денег. Обмен расценивается в рыночной теории как эквивалентный только в том случае, если за определенное ко-

личество товара поступает определенное количество денежных средств. На этом постулате строятся концепции цены и в целом всей финансовой структуры. Такая система применима к русскому нотопечатательскому и нотопечатному делу в условиях буржуазно-капиталистических отношений.

Нет необходимости доказывать, что производственно-хозяйственные функции экономических субъектов — работника, трудового коллектива, предприятия строятся прежде всего на целесообразности совершаемых действий для получения прибыли и последующих капитальных вложений. Однако в своих поступках люди руководствуются не только материальными и денежными интересами, но и духовными ориентирами. И если последние приобретают постоянный, активный характер, то хозяйственная деятельность этих индивидов уже не может описываться исключительно с позиций эквивалентного обмена и рыночной экономической теории. Необходимо применить другой подход.

Как справедливо отметил А.А. Глаголев [15], только этическая экономическая теория, оперирующая как рыночными, так и внерыночными постулатами, стимулируя хозяйствующих субъектов, способна дать теоретическое обоснование феномену благотворительности и меценатства. В этой связи «человек финансирующий» совмещает в себе несколько характеристик. С одной стороны, это — представитель капитала, а с другой — творческая личность («человек музицирующий»), способная чутко воспринимать прекрасное, понимать его высокое культурное значение. Фактически в русском нотопечатательском деле такое положение вещей не было редкостью, подобные сопоставления лишь подчеркивали исключительные по своей художественной важности события в отечественном искусстве XIX века.

Среди издателей, не получивших профессионального музыкального образования, назовем имена И.Д. Герстенберга, А.Б. и К.А. Гутхейлей, Ф.А. Дитмара, Ф.Т. Стелловского, П.И. Юргенсона и др. Одним из первых, кто сложил воедино возвышенное и земное, был Б.Т. Брейткопф, «Нотные песни на мелодии Бернгарда-Теодора

Брейткопфа» сопровождали первый сборник стихов И.В. Гёте в 1769 г. (выходные данные датированы 1770 г.) и «Арии и романсы для голоса с аккомпанементом клавесина» (1796), посвященные императрице Марии Федоровне, супруге Павла I. После ужесточения цензуры, начиная с 1796 г., Б.Т. Брейткопф преподавал немецкий язык и математику, а с 1802 г. заведовал отделом иностранных книг в Императорской публичной библиотеке, навсегда оставив коммерцию. В отличие от Б.Т. Брейткопфа, Д.Ф. Шпревиц после закрытия своего магазина в 1799 г. переехал из Санкт-Петербурга в Москву и последние тридцать лет жизни являлся педагогом по классу фортепьяно в Благородном пансионе Московского университета [12].

Профессиональным певцом-тенором, исполнявшим партии «благородных отцов», был Оноре Жозеф Дальмас, владевший издательством «Северный трубадур». Музыкальное образование имели М.И. Бернгард, композитор и педагог, учредивший в 1829 г. нотопечатательскую фирму, и В.В. Бессель, занимавшийся в юности игрой на скрипке у Г.И. Венявского и закончивший в 1865 г. полный курс Петербургской консерватории по классу альты у И.А. Вейкмана. Недолгая исполнительская и преподавательская деятельность В.В. Бесселя сопровождалась публикацией (1866) переведенной в студенческие годы на русский язык «Всеобщей истории музыки в доступном изложении» Й. Шлютера. Итогом поиска жизненного пути явилась совместная с младшим братом Иваном организация в 1869 г. собственного нотного издательства, а в 1871 г. — нотопечатного производства. Также в этом ряду — известный дирижер и контрабасист С.А. Кусевицкий, купивший в 1914 г. у К.А. Гутхейля его фирму, впоследствии названную «Российским музыкальным издательством», с целью «публиковать наиболее интересные сочинения молодых русских композиторов» [16, с. 183].

И, пожалуй, настоящими издателями-меценатами («человек финансирующий» — «человек музицирующий») стали К.А. Гутхейль, П.И. Юргенсон и М.П. Беляев. Имя последнего неразрывно связано с его исконно русскими корнями и заслуживает особого внимания в

связи с уникальным масштабом нотоиздательской и меценатской деятельности.

Родившись в богатой семье лесопромышленника, Митрофан Петрович Беляев с раннего детства и во время учебы в реформатском училище, где большое внимание уделялось музыкальному образованию, с увлечением играл в квартетных ансамблях (альт, 2-я скрипка), участвовал в певческом кружке, очень хорошо владел фортепьяно, часто исполняя произведения в четыре руки. Эти занятия встречали одобрение и понимание его отца, который предлагал сыну целиком посвятить себя музыке.

Нотоиздательская фирма «М.П. Беляев, Лейпциг» («М.Р. Belaieff, Leipzig») была занесена в реестр торговых предприятий 2 июля 1885 года. Очень скоро Беляевский каталог — список сочинений, включенных в план издательства, приобрел нарицательный смысл — признак высокой творческой состоятельности. Помимо сочинений А.К. Глазунова, А.К. Лядова, Н.А. Римского-Корсакова, в Беляевский каталог были включены произведения молодых музыкантов — членов Беляевского кружка, основанного издателем. Как пишет В.Я. Трайнин, «Беляевский каталог дает наглядное представление о творческой эволюции композиторов трех поколений Новой русской музыкальной школы (Танеев, Скрябин, в меньшей степени Чайковский, Аренский, Метнер и др.)» [17, с. 74].

Следующим этапом в музыкально-просветительской деятельности М.П. Беляева явилась организация Русских симфонических концертов, начавшихся в сезон 1885/86 гг. (23 ноября 1885 г.) и продолжавшихся вплоть до 1918 года. В программах этих концертов активно исполнялись произведения М.А. Балакирева, А.П. Бородина, А.К. Глазунова, А.К. Лядова, А.Г. Рубинштейна, С.И. Танеева, П.И. Чайковского. С 1891 г. к ним присоединились Русские квартетные вечера. С 1892 г. в рамках Общества камерной музыки, председателем которого М.П. Беляев стал в 1898 г., начали проводиться ежегодные конкурсы (с присуждением премий из личных средств издателя в размере 500 руб.) на сочинение лучшего струнного квартета. В 1884 г. М.П. Беляев (в письме к В.В. Стасову) предло-

жил учредить премию им. М.И. Глинки. Премияльный фонд составлял 3 тыс. руб. и был разделен на четыре части с выплатами от 100 до 1000 руб. ежегодно. М.П. Беляевым была организована также «уникальная система патронажа: фиксированное ежемесячное денежное вспомоществование зачитывалось как аванс в счет создаваемых композиторами музыкальных произведений, которые в дальнейшем печатались в беляевском издательстве» [18, с. 81].

М.П. Беляев оставил после себя капитал в размере около 1 млн руб. и доходный дом в Санкт-Петербурге стоимостью 700 тыс. рублей. Надзор за этими средствами осуществлял Попечительский совет. На издательство меценат завещал 275 тыс. руб., остальное — на симфонические концерты и квартетные вечера, Глинкинские премии и др. Предоставлялись льготы на покупку дорогостоящих нотных изданий или музыкальных инструментов, выдавались денежные пособия учащимся и больным.

Таким образом, историко-экономические контексты деятельности русских нотных издателей строятся на взаимном переплетении европейских традиций и отечественного опыта, бесценных свидетельств эпохи великого культурного строительства. Природу используемых в профильных предприятиях капиталов можно объяснить с позиций классической экономической теории, раскрывающей механизм формирования крупных производств, равно как и с позиций цельной личности, способной к преобразованию окружающего мира: «человека финансирующего» — «человека музицирующего», мецената и просветителя.

На исходе XIX в. хорошо об этом высказался В.В. Стасов: «В деле помощи искусству выступали у нас, на нашем веку, на наших глазах интеллигентные русские купцы. И этому дивиться нечего. Купеческое сословие, когда оно в силу исторических обстоятельств, поднимается до степени значительного интеллектуального развития, всегда тотчас же становится могучим деятелем просвещения и просветления...» [19, с. 252–253].

Во многом представленная тема, столь щедрая на возможность найти, открыть, вывести из тени, сделать всеобщим достоянием духов-

ное и созидательное начало человека, раскрывает материальную составляющую его жизни в искусстве, что ведет за собой поиск новых интерпретаций в анализе деятельности российских нотных издательств. Интерес к единству финансовых и творческих сфер вызван непрерывным обновлением фактического материала, который создает масштабное полотно отечественной культуры и является ее чутким камертоном.

Список источников

1. *Финдейзен Н.Ф.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века : в 2 т. Т. 2. Вып. VI. Москва ; Ленинград : Государственное изд-во. Музыкальный сектор, 1929. 359 с.
2. *Кунин М.Е.* Из истории нотопечатания : Краткие очерки. Москва : Советский композитор, 1963. 78 с.
3. *Вольман Б.Л.* Русские печатные ноты XVIII века. Ленинград : Государственное музыкальное изд-во, 1957. 293 с.
4. *Есипова В.А.* История книги : учебник по курсу «История книжного дела». Томск : Изд-во Томского университета, 2011. 628 с.
5. *Юргенсон Б.П.* Очерк истории нотопечатания. Москва : Государственное изд-во. Музыкальный сектор, 1928. 192 с.
6. *Пуртов Ф.Э.* Немецкие нотоиздатели Санкт-Петербурга конца XVIII — первой четверти XIX века : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2000. 26 с.
7. *Гуревич М.М., Берков П.Н.* Полезная книга по истории русского нотопечатания XVIII века // XVIII век. 1958. Т. 3. С. 559—561.
8. *Петипа М.* «Мемуары» и документы. Москва : Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина [и др], 2018. 222 с.
9. *Лисовский Н.М.* Краткий очерк столетней деятельности типографии Глазуновых в связи с развитием их книгоиздательства. 1803—1903 : с приложением портретов и снимков, а также списка изданий, вышедших из типографии за сто лет ее существования. Санкт-Петербург : тип. Глазунова, 1903. 210 с. URL: <http://oldcancer.narod.ru/books/Lisovsky.htm> (дата обращения 13.02.2019).
10. *Пуртов Ф.Э.* К вопросу становления авторского права в нотоиздательстве России // Нотные издания в музыкальной жизни России : сборник источниковедческих трудов. Вып. 2 : Российские нотные издания XVIII — начала XX в. Санкт-Петербург : Изд-во Рос. нац. б-ки, 2003. С. 8—13.
11. *Шалапин Ф.И.* Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. Москва : Московский рабочий, 1989. 382 с.
12. *Ломтев Д.Г.* Первые немецкие музыкальные издатели в России // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2009. № 5. С. 092—099.
13. *Кузякина Т.И.* Музыка как фактор становления духовного мира человека : (на материале европейской музыкальной культуры) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2012. 24 с.
14. *Столпянский П.Н.* Музыка и музицирование в старом Петербурге. Ленинград : Музыка : Ленингр. отд-ние, 1989. 223 с.
15. *Глаголев А.А.* Экономическая философия великих русских меценатов конца XIX — начала веков // Вопросы экономики. 1994. № 7. С. 109—121.
16. *Понятовский С.П.* Оркестр Сергея Кусевицкого. Москва : Музыка, 2008. 253 с.
17. *Трайнин В.Я.* М.П. Беляев и его кружок. Ленинград : Музыка. Ленингр. отд-ние, 1975. 128 с.
18. *Луконин Д.Е.* Митрофан Беляев и его кружок: капризы мецената или направление в искусстве? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2007. Т. 7, № 2. С. 80—85.
19. *Стасов В.В.* Избранные сочинения : в 3 т. Москва : Искусство, 1952. Т. 3. 888 с.

Russian Music Publishing Business: From Commerce to Philanthropy

Olga V. Radzetskaya

Russian state University named after A.N. Kosygin (Technology. Design. Art), 52/45, Sadovnicheskaya Str., Moscow, 117997, Russia
ORCID 0000-0003-1595-1047; SPIN 7428-7007
E-mail: olgabreman@yandex.ru

Abstract. *In the history of Russian music publishing business, there are some areas that require a further study of extensive factual material in terms of succession of times and generations, traditions and experience, individual and common. The process of Russian music publishing formation resulted in a unique thought-creating space, which united in a single whole the spiritual and the material, commerce and philanthropy. The economic side of the issue in this case is the most indicative, demonstrating the various analytical perspectives, which create an idea of the mechanisms of entrepreneurial activity in the market of production and marketing of non-printed products, the problems of innovative approach in the field of improving production capacity, the emergence of a whole galaxy of merchants-patrons-educators.*

Hence, “homo musicus” and “homo finanicus” are outstanding representatives of the Russian music publishing business, which opens the prospect of studying personal profiles in the history of philanthropy and charity and creates prerequisites for understanding the unity of financial, economic and artistic spheres. The article aims to study the professional features that allow to determine the genesis of commercial and creative in the most successful music publishing business projects implemented in the second half of the 19th century. Of particular interest are the famous names, specifically, M.P. Belyaev, who was a symbol of high service to the musical art. Promoting the works of young Russian composers, providing them with all-round assistance and support, M.P. Belyaev became the first “musical missionary” and educator. His financial activity was deeply patriotic and connected with high spiritual ideals of service to society.

These grounds can be used for further study of Russian music publishing business, philanthropy and charity in their inseparable interconnection.

Key words: Russian music publishing business, music printing, music art, economics, finance, patronage, “homo musicus”, “homo finanicus”.

Citation: Radzetskaya O.V. Russian Music Publishing Business: From Commerce to Philanthropy, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 40–49. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-40-49.

References

1. Findeizen N.F. *Ocherki po istorii muzyki v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka* [Essays on the History of Music in Russia from Ancient Times to the End of the 18th Century], in 2 vol., vol. 2, issue VI. Moscow, Leningrad, Muzykal'nyi Sektor Publ., 1929, 359 p.
2. Kunin M.E. *Iz istorii notopechataniya: Kratkie ocherki* [From the History of Music Printing: Short Essays]. Moscow, Sovetskii Kompozitor Publ., 1963, 78 p.
3. Volman B.L. *Russkie pechatnye noty XVIII veka* [Russian Printed Music of the 18th Century]. Leningrad, Gosudarstvennoe Muzykal'noe Publ., 1957, 293 p.
4. Esipova V.A. *Istoriya knigi: uchebnik po kursu “Istoriya knizhnogo dela”* [The History of Book: Textbook on the “History of Book Publishing” Course]. Tomsk, Tomskogo Universiteta Publ., 2011, 628 p.
5. Yurgenson B.P. *Ocherk istorii notopechataniya* [An Essay on the History of Music Printing]. Moscow, Muzykal'nyi Sektor Publ., 1928, 192 p.
6. Purtov F.E. *Nemetskie notoizdateli Sankt-Peterburga kontsa XVIII — pervoi chetverti XIX veka* [German Music Publishers of Saint Petersburg of the Late 18th — First Quarter of the 19th Century], cand. art stud. diss. abstr. St. Petersburg, 2000, 26 p.
7. Gurevich M.M., Berkov P.N. A Useful Book on the History of Russian Music Printing of the 18th Century, *XVIII vek* [18th Century], 1958, vol. 3, pp. 559–561 (in Russ.).
8. Petipa M. *“Memuary” i dokumenty* [“Memoirs” and Documents]. Moscow, Gosudarstvennyi Tsentral'nyi Teatral'nyi Muzei im. A.A. Bakhrushina Publ., 2018, 222 p.

9. Lisovsky N.M. *Kratkii ocherk stoletnei deyatel'nosti tipografii Glazunovykh v svyazi s razvitiem ikh knigoizdatel'stva. 1803–1903: s prilozheniem portretov i snimkov, a takzhe spiska izdaniy, vyshedshikh iz tipografii za sto let ee sushchestvovaniya* [A Brief Essay of the Hundred-Year Activity of the Glazunovs Printing House in Connection with the Development of their Book Publishing. 1803–1903: With Attached Portraits and Photographs, as well as a List of Publications Issued by the Printing House for a Hundred Years of its Existence]. St-Petersburg, Glazunov Printing House, 1903, 210 p. Available at: <http://oldcancer.narod.ru/books/Lisovsky.htm> (accessed 13.02.2019).
10. Purtov F.E. On the Issue of Copyright Establishment in the Music Publishing of Russia, *Notnye izdaniya v muzykal'noi zhizni Rossii: sbornik istochnikovedcheskikh trudov. Vyp. 2: Rossiiskie notnye izdaniya XVIII – nachala XX v.* [Music Publications in the Musical Life of Russia: collected papers on source studies. Issue 2: the Russian Musical Publications of the 18th – Beginning of the 20th Century]. St. Petersburg, Rossiiskoi Natsional'noi Biblioteki Publ., 2003, pp. 8–13 (in Russ.).
11. Shalyapin F.I. *Maska i dusha. Moi sorok let na teatrakh* [Mask and Soul. My Forty Years on the Theaters]. Moscow, Moskovskii Rabochii Publ., 1989, 382 p.
12. Lomtev D.G. First German Music Publishers in Russia, *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Problems of Printing and Publishing]. Moscow, Moskovskii Gosudarstvennyi Universitet Pechati im. Ivana Fedorova Publ., 2009, no. 5, pp. 092–099 (in Russ.).
13. Kuzyakina T.I. *Muzyka kak faktor stanovleniya dukhovnogo mira cheloveka: (na materiale evropeiskoi muzykal'noi kul'tury)* [Music as a Factor of a Person's Spiritual World Formation: (On the Material of European Musical Culture)], cand. culturology diss. abstr. Kemerovo, 2012, 24 p.
14. Stolpyansky P.N. *Muzyka i muzitsirovanie v starom Peterburge* [Music and Music Making in Old Petersburg]. Leningrad, Muzyka Publ., 1989, 223 p.
15. Glagolev A.A. Economic Philosophy of the Great Russian Patrons of the Late 19th – Early 20th Centuries, *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 1994, no. 7, pp. 109–121 (in Russ.).
16. Ponyatovsky S.P. *Orkestr Sergeya Kusevitskogo* [Serge Koussevitzky's Orchestra]. Moscow, Muzyka Publ., 2008, 253 p.
17. Trainin V.Ya. *M.P. Belyaev i ego krugok* [M.P. Belyaev and his Circle]. Leningrad, Muzyka Publ., 1975, 128 p.
18. Lukonin D.E. Mitrofan Belyaev and his Circle: A Patron's Whim or an Art Direction? *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Proceedings of the Saratov University. New Series. Series: History. International Relations], 2007, vol. 7, no. 2, pp. 80–85 (in Russ.).
19. Stasov V.V. *Izbrannye sochineniya: v 3 t.* [Selected Works: in 3 volumes]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1952, vol. 3, 888 p.

М.В. ГАЛКИНА

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ 1920-Х: ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ КОНСТРУКТИВИЗМА

Марина Владимировна Галкина,
Московский государственный областной
университет,
кафедра народных и художественных ремесел,
заведующая
Веры Волошиной ул., д. 24, Мытищи,
Московская область, 141021, Россия

доктор педагогических наук, профессор,
почетный член Российской академии художеств
ORCID 0000-0001-6073-1399; SPIN 3712-4512;
E-mail: galkina.marina@gmail.com

Реферат. Статья посвящена одной из интереснейших тем — идейному наследию конструктивизма и оценке его значения. Новизну исследования определяет выбор его предмета: нереализованные проекты советских архитекторов 1920-х гг. (И.И. Леонидова, К.С. Мельникова, В.А. Веснина, А.А. Веснина, Л.А. Веснина и Н.А. Ладовского) как источник перспективных для архитектуры и дизайнерской мысли конца XX — начала XXI в. идей. Цель работы — оценить творческое и художественное значение нереализованных проектов советских конструктивистов для современного архитектурного дизайна. Основным результатом является попытка представить историко-концептуальный обзор возникновения и особенностей конструктивизма и рационализма как течений в градостроительстве. Период 1920-х гг., когда формировались принципы и направления в кон-

структивистской архитектуре, стал временем разработки новой производственно-архитектурной модели. Сочетание рационалистического подхода с утопическим функционалом большинства этих проектов послужило причиной отказа от подлинно конструктивистского направления в советской архитектуре в пользу «сталинского ампира», а позднее — деконструктивизма. Проблематика конструктивистских решений 1920-х гг. в сфере градостроительства и природообустройства во многом определила методологию организации архитектурного пространства городов СССР в 1930-х гг., когда приоритетом стал эталон «промышленно ориентированного» социалистического общества. Автор рассматривает теоретические исследования, научные публикации о творчестве советских архитекторов-конструктивистов, приводит примеры явной трансляции принципов конструктивизма в архитектуре XXI в. и делает предположение о взаимосвязи между идейным наследием советских конструктивистов и художественно-творческим процессом современных архитекторов и дизайнеров (основателей стиля хай-тек Р. Пиано, Н. Фостера; деконструктивистов Ф. Гери, З. Хадид, Д. Либескинда). Делается вывод о том, что конструктивистские образы и стилистика анализируемого периода, хотя и не транслируются современными дизайнерами и архитекторами «напрямую», но становятся основой для воплощения новых концептуальных решений.

Ключевые слова: архитектурные проекты, советские конструктивисты, течения, авангард, конструктивизм, деконструктивизм, рационализм, модернизм, архитектура, дизайн, проектирование, реконструкция.

Для цитирования: Галкина М.В. Нереализованные архитектурные проекты 1920-х: значение идей конструктивизма // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 1. С. 50–61. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-50-61.

Одновременное и перманентное складывание как теории, так и практики архитектуры стало своеобразием периода 1920–1930-х годов. В условиях формирования нового (социалистического, коммунистического) общества в СССР в это время произошел мгновенный по историческим меркам переход к «новому искусству». Цель данного исследования — оценить творческое и художественное значение нереализованных проектов советских конструктивистов для современного архитектурного дизайна. Как отмечает В. Немцова, «в советской архитектуре и искусстве соперничают и взаимодействуют друг с другом два основных течения: авангард и конструктивизм. Качественное изменение советской архитектуры и искусства в этот период отмечается ростом профессионального интереса со стороны зарубежных архитекторов» [1]. Многие из проектов И.И. Леонидова, К. Мельникова, братьев Весниных, Н.А. Ладовского остались нереализованными. Тем не менее, оценивая их наследие в рамках мировой архитектурной практики, можно говорить о росте проектного искусства на базе отсутствия канонического стилевого предпочтения.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ В НОВОМ ИСКУССТВЕ

Фактически конструктивисты получили карт-бланш на создание нового стиля, не только архитектурного, но и художественного. Его отличало практически полное отрицание стилистики уходящих

эпох, формирование гибких интегрированных процессов градостроительства на базе исторических и неоклассических интервенций, масштабность и противодействие разделению на столичное и провинциальное градостроительство». Идеалом проекта виделся образ механикума (соединение машинерии, чистой эстетики производственного процесса и масштабированного конструктивного плана вида с борта самолета, освобожденного от орнаментации). Так, Леонидов придавал особое значение виду с высоты птичьего полета, например с самолетов. Воздушные суда и дирижабли часто появляются в его рисунках. Конструктивистские архитекторы считали эти самолеты идеальными моделями для новой, функциональной архитектуры [2, р. 81].

Параллельно с формированием в СССР генерального планирования в промышленности, градостроении, гражданской архитектуре шло складывание архитектурных «школ» — центров концептуальных предпочтений, обозначавших актуальные тенденции. Промышленное конструирование расширило свои требования к деятельности представителей искусства: их творчество не могло оставаться незатронутым интеграционными, общественными и политическими процессами. Вероятно поэтому одним из важнейших направлений творчества архитекторов того периода являлось проектирование социально значимых объектов — клубов, рабочих театров и мест массового отдыха, Дворцов Советов и иных административных зданий и учреждений. Эта общая рефлексия профессиональной адаптации подтолкнула некоторых великих конструктивистов заняться проектированием садов и парков [3, р. 22].

Главным аспектом социализации архитектуры и искусства, на наш взгляд, является та позиция, которая определяла изменение социально-этического критерия искусства: не развитие архитектуры под влиянием социального запроса, но наоборот, утверждение нового социалистического искусства как единственно верного и приемлемого. Определенное противостояние новаторских течений рационализма и конструктивизма в конечном счете воплотилось в динамической композиции и принципе соответствия функции и формы в новой парадигме архитектурного мышления.

Рационалисты и конструктивисты по-разному трактовали «композицию» и «конструкцию». Так, авангардисты, которые в конечном итоге возглавили ВХУТЕМАС, такие как Родченко, были гораздо более сосредоточены на строительстве и создании идеологической основы. С другой стороны, подход Кандинского, например, был действительно композиционным — его картины были абстрактными, но являлись скорее красивой композицией формы и цвета, чем отражением идеологической концепции [4, р. 46].

Рационалисты Ассоциации новых архитекторов (АСНОВА)¹ стремились к проектированию, исходя из социальной (общественный характер архитектуры, его связь с коммунистической идеологией) и психофизической (корреляция запросов населения и логистических процессов, связанных с расширением городского пространства) функций архитектуры. При этом их проекты подчинены идее творческого созидания и достижения изобразительной красоты. Конструктивисты Объединения современных архитекторов (ОСА)², напротив, ставили целью преобразование окружающей среды путем разработки новых рациональных типов зданий, продвижения типизации и стандартизации в массовом строительстве. За основу формообразования в их архитектурных проектах принята усредненная модульно-планировочная система. Подчинение внешнего облика внутренней системе опирается на эстетику функционализма, строгость и геоме-

тричность формы, четкость конструктивного решения. Функциональный метод представляет собой развернутую творческую программу конструктивизма. В основу его положен учет требований функционального процесса (взаиморасположение отдельных помещений, график движения и т. д.). «Архитекторы должны выработать новые типы зданий, бороться с эклектикой, внедрять в архитектуру новейшие научно-технические достижения, выявлять эстетические возможности новой архитектуры, бороться за индустриализацию строительства, типизацию, заводское изготовление элементов, за превращение строительства в монтаж стандартных деталей и т. д. В функциональном подходе к проблемам формообразования конструктивисты делали упор не на утилитарной, а на социальной функции сооружения. В то же время сама по себе простота новых архитектурных форм связывалась с их функционально-конструктивной оправданностью, что нередко приводило к упрощению сложной взаимосвязи функционального назначения здания и его объемно-пространственной композиции. С утилитарного как бы снималась эстетическая нагрузка, образная же идея выводилась из социального содержания сооружения» [5, с. 47–48]. Но образ здания, его идея перестали быть частью функции: в проектах больше нельзя было найти прямолинейные виды трактора (здание бани на ул. Ленина в Подлипках Московской области имитирует гусеничный трактор Челябинского тракторного завода) или корабля («Дом-корабль» жилищно-строительного кооперативного товарищества Второго рабочего поселка на проспекте Ленина в Иваново, архитектор Д.Ф. Фридман).

ОПЫТ И ТЕОРИЯ

Многие западные архитекторы воспринимали СССР как «страну архитектурного будущего» [6]. Более того, культурные связи с Советским Союзом были довольно интенсивны, и ряд известных немецких архитекторов, например, Б. Таут, П. Беренс, Х. Пельциг, Э. Май вошли в созданное в 1923 г. в Берлине просоветское общество

¹ Ассоциация новых архитекторов (АСНОВА) — первая творческая организация в советской архитектуре, ставшая оплотом архитекторов-рационалистов. Устав был зарегистрирован в 1923 г., хотя ядро АСНОВА сложилось ранее: в 1921 г. была сформирована рабочая группа, в состав которой вошли архитекторы Н.А. Ладовский, Н.В. Докучаев, В.Ф. Кринский и др., а также художники А.М. Родченко, А.Л. Королев. Первый и единственный номер «Известий АСНОВА» вышел в 1926 году.

² Объединение современных архитекторов (ОСА) — общественная организация конструктивистов, сплотившихся в 1925 г. вокруг А.А. Веснина и отстаивавших функциональный метод как основной творческий принцип. Ее участники: М.Я. Гинзбург, В.А. Веснин, А.Я. Корнфельд, В.М. Владимиров и другие архитекторы. ОСА официально оформлена в 1926 г., действовала в Москве, прекратила существование в 1932 г. в связи с организацией Союза советских архитекторов. Печатным органом ОСА являлся журнал «Современная архитектура» (1926–1930).

«Друзья новой России». Б. Таут несколько раз, начиная с 1926 г., приезжал в СССР и опубликовал много статей о советской архитектуре в журнале общества, в котором печатались наряду со статьями А. Луначарского работы М. Гинзбурга, Э. Мая, В. Гропиуса и других архитекторов. Фактически конструктивизм вышел на передовые позиции в социалистической архитектуре именно благодаря ясности позиции и внедрению научно-технических достижений, передовых индустриальных методов, а также благодаря типизации и стандартизации строительства.

В условиях начала индустриализации и разработки генерального планирования государственное внимание в сфере массового строительства акцентировалось на практичности и реалистичности прогностических факторов, не зависящих от поиска индивидуальности в проектировании. Первый Всесоюзный съезд советских архитекторов, проходивший 16–26 июня 1937 г., зафиксировал эти черты в текстах выступлений участников. «Годы выполнения двух сталинских пятилеток³ войдут в историю мировой архитектуры как эпоха величайшей стройки. За этот период на необъятных просторах нашей прекрасной Родины выросли новые города — Сталинск, Кировск, Комсомольск, Магнитогорск, Запорожье и другие, новые гигантские промышленные предприятия, прекрасные водные каналы, построено огромное количество жилых домов, в грандиозном масштабе развернуто строительство новых общественных зданий — школ, рабочих клубов, дворцов культуры, театров, кино, больниц, домов отдыха, санаториев, детских садов и яслей, стадионов и т. д.» [7, с. 1]. Оценивая потенциал архитектурного проектирования периода 1920-х гг., сложно не заметить и игнорировать значение государственных институтов в формировании тенденций архитектуры социалистического общества, в котором градостроительство стало одним из показателей успешности всего политического и общественного строя.

Одним из «инструментов» работы архитекторов стало участие в конкурсах на проектиро-

вание как отдельных зданий и учреждений, так и масштабных агломераций [8, с. 4]. Так, план застройки участка Симонова монастыря под строительство Дворца культуры Пролетарского района Москвы стал основой конкурса, в котором приняли участие все значимые архитектурные сообщества, коллективы и отдельные авторские проекты. Конкурентные проекты И. Леонидова и Второй бригады ВХУТЕИНА под руководством Н. Докучаева демонстрировали подлинное соревнование в созидании праздничного пространства и преодолении монотонности обыденной жизни. В то же время для многих архитекторов, например для И. Фомина, участие в конструктивистских конкурсах определялось, скорее, «переходным» положением в советской архитектуре — от авангарда к советскому монументальному классицизму. Это ярко проявилось в его работах — от проекта Дома Советов в Брянске (1924) до проекта театра в Ашхабаде (1934). Такое положение дел вызывало раздражение у многих «настоящих конструктивистов». А. Никольский призывал рационально относиться к возможностям социалистического строя в мерах и принципах новой архитектуры, но его проект Дворца Советов уже проигрывал другим именно своей строгостью и аскетизмом, поражая лишь размерами и масштабами. Некоторые проекты, например конкурсный проект здания акционерного общества «Аркас» братьев Весниных, становились основой для типизации и воспроизводились полностью или фрагментарно во многих других проектах. Иные же, подобные графическим работам Я. Чернихова или И. Леонидова, остались воплощением нескончаемого потенциала конструктивизма и в наши дни служат источником вдохновения для дизайнеров и архитекторов, возможности которых сегодня позволяют реализовывать намного более масштабные и технологичные замыслы. «Кандинский создал образ абстракционизма... Малевич изобрел алфавит, азбуку и грамматику нового искусства. Его творчество — образец создания стиля, в котором существует жесткое кодирование формы, цвета и композиционного взаимодействия... Леонидов велик как художник, как создатель формы... Мельников лепил образ. Он — тоже художник, но в отличие от рационального Леонидова, более эмоционален» [9, с. 34].

³ Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР был принят и реализован в 1928–1932, второй — в 1933–1937 годах.

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ПРОЕКТЫ

Дипломный проект И. Леонидова «Институт библиотековедения имени В.И. Ленина на Ленинских горах в Москве» был блестяще защищен автором в 1927 г. и представлен на Первой выставке современной архитектуры в Москве. Проект сочетал в себе новейшие технологии своего времени и традиционное композиционное решение пропорций, объемов и масс здания. Став одним из наиболее примечательных событий в мировой архитектуре и одновременно одним из символов советского конструктивизма, эта работа послужила источником вдохновения для многих советских и зарубежных архитекторов. Уже в следующем году И. Леонидов представляет проект «клуба нового социального типа», а сочетание приземистых геометрических форм и высоких элементов становится визитной карточкой «стиля Леонидова». Архитектор А.В. Щусев при проектировании памятника Христофору Колумбу, финский архитектор В. Ревелль при проектировании ратуши в Торонто (Канада) и знаменитый О. Нимейер, планируя правительственный центр в Бразилиа (Бразилия), создавали свои пространственные композиции с учетом рациональности применения конструктивных решений, намеченных в проекте И. Леонидова. Заложенные в нем архитектурные новшества: шарнирные опоры монументальных несущих конструкций, учет ветровых и осевых нагрузок на конструкции (с целью включения их в расчет визуального облика здания) — в значительной мере предопределили решения будущих проблем современной многоэтажной архитектуры и строительства.

Яркий и незабываемый художественный образ, продуманная функциональность, сопряженная со смелостью композиционного решения контраста геометрических форм и объемов позволили архитектору усилить многообразие визуального контента в городском пространстве. «Понять, что именно делает здание состоявшимся произведением искусства, ничуть не проще, чем в случае выдающегося живописного полотна или музыкального сочинения. Че-

ловеку присущ врожденный консерватизм: нам спокойнее всего в окружении того, что хорошо знакомо, и повсеместность заунывных зданий делает эту тенденцию в архитектуре еще более заметной, чем в литературе или музыке. Тем не менее время от времени возникает нечто настолько новое и мощное, что ему удается пробить этот барьер и заставить нас взглянуть на мир по-новому. <...> Жизнь редко радикально преобразуется после столкновения с искусством. Тем не менее искусство и вправду меняет нас. Заставляя испытывать восторг, шокируя, раздвигая границы возможного; испытывая эти чувства, мы уже не сможем стать прежними» [10, с. 57].

Одним из символов конструктивистского подхода к решению сложных архитектурных задач, без сомнения, можно назвать проект Московского отделения конторы и редакции газеты «Ленинградская правда» братьев Весниных (1924). Расположенное на участке 6×6 м в центре Москвы (Страстная, ныне Пушкинская площадь) миниатюрное шестизэтажное здание из стекла и железобетона должно было представлять собой функционирующее помещение с вестибюлем, читальным залом и административными отделами. В проекте получили развитие творческие поиски советских художников-конструкторов Г.Г. Клуциса, А.М. Лавинского и А.А. Экстер, связанные с созданием малых архитектурных агитационных форм, конструкций и установок. В современных условиях ограниченности пространства мегаполисов подобные проекты регулярно получают общественное и профессиональное одобрение как отвечающие принципам экономичности, экологичности и наполнения городского пространства оригинальными композициями.

Очень часто в истории архитектуры, как современности, так и более раннего времени, «тренды» в проектировании задают архитекторы-новаторы. «На примере проекта “Дворца Советов” в Москве за авторством Б.М. Иофана можно сказать, что формирование художественной и стилевой направленности в архитектуре 1930-х гг. в Советском Союзе во многом находилось под влиянием Бориса Михайловича Иофана, что прослеживается в способах решения этой сложнейшей творческой задачи в проектах других участников всесоюзного кон-

курса. Этот факт свидетельствует о формировании определенного направления в архитектуре 1930-х гг., которое характеризовалось модернизацией классических мотивов и одновременно классицизацией авангардистских приемов, включением пластических элементов, особым вниманием к образному решению проекта» [11, с. 13–14]. На наш взгляд, в современной архитектуре творчество Р. Пиано, Н. Фостера, Ф. Гери, З. Хадид, Д. Либескинда во многом определяет критерии современного градостроительства и служит опорой и источником творческого поиска начинающих и известных российских и зарубежных архитекторов. Музей фонда Бейелера в Базеле (Швейцария, 1997) является очень важным произведением Р. Пиано, знаменитого создателя Центра Помпиду. Оно, с одной стороны, подтверждает высочайший уровень понимания пропорций и ландшафта автором, а с другой — показывает, как авангардизм в архитектуре может воплотить самые смелые фантазии в сочетании стиля и материалов. Н. Фостер, признаваемый родоначальником стиля хай-тек, как никто другой, понимает, насколько важно уметь вписать в пространство города необычное, запоминающееся сооружение. Почти все его произведения, например штаб-квартира компании Willis Faber and Dumas в Ипсвиче (Великобритания, 1975), становятся достопримечательностями, определяющими современную архитектуру.

Архитекторы-конструктивисты, такие как А. Никольский и И. Фокин, могли лишь предвидеть в своих проектах те возможности современных технологий, которыми Н. Фостер наполняет каждое новое произведение. Применяя в процессе проектирования автоматизированные компьютерные технологии, Ф. Гери создает, на первый взгляд, невозможные объекты. Работая как скульптор, он подчиняет конструкцию форме. Вершина его творчества — Концертный зал им. У. Диснея в Лос-Анджелесе (США, 2003). Проект настолько сильно следовал идеям деконструктивизма о вторжении в городскую среду, что конструкция изгибов здания несколько раз изменялась по требованиям жителей.

Д. Либескинд, противопоставляющий свое творчество конструктивизму в архитектуре, показал, что идеи раннего конструктивизма

1920-х гг. доминируют в современной архитектуре как антиподы классического понимания цельности композиции пространства. Пример этому — современное крыло Королевского музея в Торонто (Канада, 2007).

Отдельно хочется рассмотреть здание пожарной части компании-производителя дизайнерской мебели Virta работы З. Хадид, построенное в 1993 г. в Вальм-ам-Райне (Германия). Этот проект стал знаковым в карьере З. Хадид и фактически определил ее собственный стиль в архитектуре. Как и Д. Либескинд, З. Хадид считалась приверженцем деконструктивизма, но стоит обратить внимание на то, как в ее проекте отразилась конструктивистская сущность — динамика, скорость, инновации в решении пространства; не просто архитектура, но философия движения, восприятие которой требует перемещения взгляда наблюдателя. Возникает ощущение беспокойства из-за кажущегося хаотическим решения стен, перекрытий и стеклянных панелей. Оно продолжается и во внутреннем пространстве, где функционал здания подчинен форме, одновременно создавая иллюзию смещения объема, цвета и элементики. Концептуальное уравнение формы и пространства в работах З. Хадид решает главный вопрос современной архитектуры — связь рукотворного и естественного, здания и ландшафта.

Одним из важнейших элементов городского планирования можно считать перспективность осуществляемых проектов. Хорошо известно, что гражданское многоэтажное строительство в США было в первую очередь связано с насыщенностью городской застройки, определявшейся стоимостью земельных участков. Но инфраструктурное многоэтажное проектирование начиналось с поисков К.С. Мельникова, который еще в 1925 г. представил проекты многоэтажных гаражей таксопарков в Париже, а затем и в Москве. Усовершенствованная идея мостовых конструкций, характерная для европейских городов (Париж, Флоренция) получила развитие, став основой вертикального зонирования города. Идея создания огромных по площади безопорных пространств в сочетании с рациональным заполнением площадей в условиях мегаполиса воплотилась лишь спустя 30 лет, при строи-

тельстве здания «Роли-арена» (США, 1955). Привычные нам гаражные комплексы, включающие в себя различные объекты инфраструктуры, стали такой же обязательной частью градостроительства, как и подземные автостоянки, только в современном городском планировании. «Когда уже все сказано и сделано, деконструкция в архитектуре (после длительного перерыва) становится просто продолжением конструктивистского движения 1920-х, образцами которого служат московский Дом культуры им. Русакова, построенный К. Мельниковым по заказу Союза коммунальников, и памятник Третьему Интернационалу по проекту В. Татлина. Послереволюционный российский авангард объединил радикальную политику с архитектурой ломаных форм» [12, с. 144]

Развитие городских пространств с учетом ландшафтных, исторических и других ограничений подчас предполагает отказ проектировщика от масштабных проектов, ограничиваясь перестройкой — «реновацией» или даже многократным переформатированием городских пространств. Однако еще в 1927 г. Н. Ладовский предложил оригинальную схему развития обширных городских пространств. «Парабола» Ладовского предполагала сохранение центра Москвы в виде планировочного ядра, а одно из разомкнутых магистральных колец и уход от жесткой кольцевой схемы градостроительства определяли динамичное развитие планировки города и, в перспективе, смыкание Москвы и Ленинграда. «Парабола» стала вновь известна широкой общественности только в конце 1960-х гг., когда впервые по-настоящему остро встала проблема раскрытия городского пространства.

Примером экспериментальной отработки теории Н. Ладовского о связи художественно-пространственной композиции поселка и его последовательного функционального восприятия стал проект промышленного поселка Костино (опубликован в 1929 г.). Он не был осуществлен, но идея курортной административно-территориальной единицы «Зеленый город» как наиболее проработанная и масштабная послужила прообразом многих современных решений градостроительных планов. Четырём известнейшим архитекторам своего времени — М. Гинзбургу (ОСА), К. Мель-

никову, Д. Фридману (АРУ), Н. Ладовскому (АРУ) — были заказаны проекты «Зеленого города». Важен подзаголовок проекта Н. Ладовского — «Город отдыха и социалистического быта». В закрытом конкурсе участвовали архитекторы, фактически представлявшие «лишь два направления — конструктивизм-функционализм и рационализм, к которому было близко творчество К. Мельникова, не входившего ни в одно объединение» [13, с. 85].

Многочисленные исследования советского конструктивизма делятся на две основные группы с точки зрения оценки природы этого явления: одна рассматривает творчество авангарда и футуризма как основу формирования основных принципов конструктивизма; другая фокусируется на изучении практического опыта советских архитекторов 1920–1930-х годов. Западные исследователи зачастую трактовали российский конструктивизм как антиэстетическое, антиискусственное, возможно, протехнологическое движение левого крыла, возникшее в СССР, однако некоторые его аспекты: неровные, расположенные внахлест диагональные формы, выражение механических элементов — оказались убедительными для сторонников деконструктивизма, особенно для З. Хадид, Р. Колхаса и Д. Либескинда [14, р. 162–163]. При этом если говорить о визуальном дизайне, то мы, скорее, встретим упоминания о работах Л.М. Лисицкого, В.Г. Татлина, А.М. Родченко, отсылки к творчеству которых широко представлены не только в отечественной, но и в зарубежной литературе: тот факт, что большинство первоисточников по советскому авангарду можно было найти только в Советском Союзе, затруднял практику их изучения. В 1962 г. британская исследовательница К. Грей представила советский авангард англоязычным читателям в исследовании «Великий эксперимент: русское искусство, 1863–1922», подробнее об этом см. [15]. Многие зарубежные авторы отказывают представителям советского конструктивизма в самостоятельности и стремятся представить их деятельность как общую стратегию функционализма. Примером этому может служить изданный в 1990 г. каталог «Искусство в жизнь: Русский конструктивизм 1914–1932» [16], в котором развернута

широкая визуальная и аналитическая картина происхождения конструктивизма. Одновременно издание демонстрирует возможности исследовательского сотрудничества российских и западных ученых [15].

Что касается темы нереализованных проектов советских конструктивистов, то чаще всего в литературе затрагивается вопрос о причинах малого количества воплощенных в 1920-х гг. работ, объясняемых сложным социально-экономическим положением СССР. Мы же определяем значение для современного дизайна нереализованных (и конкурсных) проектов как перспективно-каталоговую деятельность советских архитекторов. В современную цифровую эпоху очень непросто представить всю сложность доступа к информации и поисковой деятельности почти столетней давности. В то же время многие исследователи конструктивизма не замечают повседневных сложностей организации формальной делопроизводительной и документационной деятельности, сопровождавшей творческий процесс. Включенность в понимание принципов и параметров советской архитектуры, профессиональная информированность определялись в первую очередь публикациями в журнале «Архитектура СССР»⁴. Худсовет журнала как координирующего центра, в состав которого входили не только представители творческих специальностей, но и экономисты, политработники, сотрудники министерств, определял как художественное значение проектов, так и многие другие аспекты архитектуры и строительства. При этом многие архитекторы неоднократно отмечали, что единого мнения по общей стратегии генерального планирования не было. Нельзя сказать, что проекты рассматривались только с позиции идеологического значения или экономической целесообразности. «Увлеченные космической тематикой Г. Крутиков

и В. Калмыков в 1930-е гг. ушли из области поискового проектирования в практическое русло, первый занимался архитектурой метро, второй — проблемами типового строительства для восточных республик СССР. Архитектурные фантазии Я. Чернихова из световых потоков и парящих в невесомости абстрактных объектов превратились в грандиозные «Дворцы коммунизма» — монументальные и внушительные неоклассические аллюзии 1930-х, созвучные эстетике «сталинского ампира» [18, с. 55]. Творческая установка Я. Чернихова 1930-х гг. строится на сочетании конструктивных начал и движения и может быть определена как «машинная одушевленность», она «предвосхищала устремление дизайна эстетически осмыслить конструктивно-функциональный процесс» [19, с. 243].

РЕАЛИЗМ ПРОТИВ УТОПИЗМА

Фактически любая постройка как регионального, так и всесоюзного значения в первую очередь связана с проблемами стандартизации продукции и соответствия строительным и архитектурным стандартам. Реализация проектов со временем начала опираться на опыт уже воплощенных проектов. Сложилась определенная специализация — так, Метрострой руководил не только строительством метрополитенов в СССР, но и осуществлял горнопроходческие и геологические работы. Организации могли напрямую возводить комплексы в металлургической промышленности, сельском хозяйстве, электроэнергетике. Каждый проект, не только конкурсный, но и учебный и авторский, рассматривался с различных точек зрения: иногда предполагалась конгломерация отдельных архитекторов и бюро, а также участие в разработке различных строительных управлений и главков. Складывалась система, не характерная для архитектуры и строительства: проект напрямую зависел от исполнителей и контроля качества, ведь те значительные средства, которые вкладывались в его реализацию, идеологическая нагрузка и реновация окружающих районов предполагали грандиозную ответственность

⁴ «Архитектура СССР» — ежемесячный теоретический, научно-практический журнал. Являлся органом Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР и Союза архитекторов СССР. Издавался с июля 1933 по 1 июня 1992: с июля 1933 по июнь 1941 — ежемесячно; в 1942–1947 выходил неперіодично (18 выпусков); с 1948 по октябрь 1951 не издавался; с ноября 1951 вновь выходил ежемесячно [17, с. 21].

всех участников. Можно предположить, что наличие подобной системы стало одним из факторов появления феномена советского конструктивизма эпохи индустриализации СССР. Мышление проектировщика в 1930–1940-х гг. устремляется в сторону конструирования будущего. Осуществляются первые попытки осмысления и анализа процесса проектирования как способа свободного фантазирования, пространственного моделирования, профессионального мышления, необремененного утопическими и социальными обязательствами. Вырабатываются языковые средства для создания образа будущего. «В основе авторского метода архитектора Я.Г. Чернихова лежит новый тип проектирования: от абстрактного к конкретному, процесс формообразования представлен как манипуляция символами, как соединение элементов в комбинации. Черников подчеркивает единство законов формообразования архитектуры, машиностроения и объектов дизайна, фиксирует настоящие и будущие проектные ситуации в знаковой системе» [20, с. 20]. В книге Я.Г. Чернихова «Конструкция архитектурных и машинных форм» (1931) [21] содержится мысль о том, что «архитектура становится искусством с того момента, когда его образы-творения воспринимаются как ценности “художественного порядка”... Пространства и массы, с которыми мы встречаемся почти на всем протяжении истории искусств, необходимо дополнить пониманием их как определенного художественного формообразования» [19, с. 242].

Современная архитектура и дизайн (интерьера, среды, ландшафтный) в плане реализации проектов обладают невероятными возможностями с точки зрения материалов, технологий и обеспечения визуализации творческого процесса. Творческие проекты сочетают возможности всех факторов социального восприятия и аспектизации городского пространства. Архитектура и дизайн в наше время становятся по-настоящему интернациональными и определяются единым стилем. Его условия и сущность выражены в постмодернистском подходе к формообразованию объектов и к образному восприятию. Актуальные принципы формообразования в архитектурном проектировании и концептуальном дизайне не

транслируют напрямую образы и стилистическое решение конструктивистов 1920-х гг., но воплощают их мировоззрение, функциональный подход и понимание социальной функции архитектуры, стремление не только к созданию и выражению новых форм окружающей действительности, но и к изучению принципов классической архитектуры. Они свободно оперируют типами проектирования. Мы можем утверждать, что именно нереализованные проекты советских архитекторов и художников-конструктивистов оказали влияние на современное высокотехнологичное формообразование в строительстве и городском планировании и служат источником вдохновения для выдающихся творческих решений современных российских и зарубежных архитекторов и дизайнеров.

Список источников

1. *Немцова Н.* Архитектура XXI в. [Электронный ресурс] // Партнер. 2007. № 11 (122). URL: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2007/11/240/2647/architektura-xxi-veka> (дата обращения: 01.02.2019).
2. *Honda A.* A New Vision in Architecture: Ivan Leonidov's Architectural Projects between 1927 and 1930 [Электронный ресурс] // WIAS Research Bulletin Issue. 2016. № 8. P. 79–94. URL: <https://www.waseda.jp/inst/wias/assets/uploads/2017/03/RB008-079-094.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
3. *Bellat F.* An Uneasy Metamorphosis: The Afterlife of Constructivism in Stalinist Gardens. Rethinking Marxism. 2017. Vol. 29, № 1. P. 16–41.
4. *Goldstein A.M.* Is Utopia Gone Forever? Anton Ginzburg on the Lessons of the Soviet Art School VKhUTEMAS, and the Future of the Universalist Project [Электронный ресурс] // Artspace Magazine. 2017. Feb. 4. URL: https://www.artspace.com/magazine/interviews_features/qa/anton-ginzburg-interview-54600 (дата обращения: 01.02.2019).
5. *Хан-Магомедов С.О.* Александр Веснин и конструктивизм: живопись, театр, архитектура, рисунок, книжная графика, оформление праздников. Москва: Архитектура-С, 2007. 412 с.
6. *Меерович М.Г., Хмельницкий Д.С.* Иностранные архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию [Электронный ресурс] //

- Архи.ру : портал. URL: <https://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569767> (дата обращения: 01.02.2019).
7. Алабян К.С. Задачи советской архитектуры : доклад на I Всес. съезде сов. архитекторов СССР. Москва : Изд-во Всесоюзной акад. архитектуры, 1937. 32 с.
 8. Наши задачи // Архитектура СССР. 1933. № 1. 67 с.
 9. Колейчук В.Ф. Кинетизм : альбом. Москва : Галарт, 1994. 154 с.
 10. Голдбергер П. Зачем нужна архитектура / [пер. с англ.]. Москва : Strelka Press, 2017. 264 с.
 11. Костюк М.А. Стилиевая проблематика творчества Б.М. Иофана : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 2004. 26 с.
 12. Салингарос Н.А. Анти-архитектура и деконструкция: триумф нигилизма. Изд. 4-е. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 296 с.
 13. Хазанова В.Э. Остались на бумаге... : (неосуществленные проекты советских архитекторов) : очерки. Москва : Гос. ин-т искусствознания, 2002. 239 с.
 14. Curl J.S., Wilson S. Oxford Dictionary of Architecture. Oxford : ford University Press, 1999. 896 p.
 15. Giovannini J. Modern Long Ago: The Comeback of Russian Constructivism // The New York Times. 1990. December 30. P. 7007002.
 16. Art into Life : Russian Constructivism? 1914–1932 / Introduction by R. Andrews and M. Kalinovska ; essays by J. Andel [et al.] ; artist biographies by O.S. Henry. Seattle : Henry art gallery, University of Washington ; New York : Rizzoli, 1990.
 17. Творческая дискуссия Союза советских архитекторов // Архитектура СССР. 1933. № 3–4. С. 4–25.
 18. Бухарова Е.А. Феномен «космической архитектуры» Ивана Леонидова: парковая лестница санатория НКТП им. С. Орджоникидзе в Кисловодске // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2011. № 1. С. 54–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kosmicheskoy-arhitektury-ivana-leonidova-parkovaya-lestnitsa-sanatoriya-nktp-im-s-ordzhonikidze-v-kislovodske> (дата обращения: 01.02.2019).
 19. Ефимов А. Цвет + форма. Искусство 20–21 веков : живопись, скульптура, инсталляция, лэнд-арт, дигитал-арт : учеб. пособие для студентов. Москва : БуксМАрт, 2014. 615 с.
 20. Червонная М.А. Проектное прогнозирование в дизайне: от идеи к формообразованию : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 2014. 30 с.
 21. Чернихов Я.Г. Конструкция архитектурных и машинных форм. [Ленинград] : Ленингр. о-во архитекторов, 1931. 232 с.

Unrealized Architectural Projects of the 1920s: The Value of Constructivism Ideas

Marina V. Galkina

Moscow State Regional University, 24, Very Voloshinoi Str., Mytishchi, Moscow Region, 141021, Russia
ORCID 0000-0001-6073-1399; SPIN 3712-4512
E-mail: galkina.marina@gmail.com

Abstract. *The article is devoted to one of the most interesting topics: the ideological heritage of constructivism and evaluation of its value. The novelty of the research is determined by the choice of its subject: unrealized projects of Soviet ar-*

chitects of the 1920s (I.I. Leonidov, K.S. Melnikov, V.A. Vesnin, A.A. Vesnin, L.A. Vesnin and N.A. Ladovsky) as a source of promising ideas for the architecture and design of the late 20th–early 21st century. The paper aims to assess the creative and artistic value of the unrealized projects of Soviet constructivists for the modern architectural design. The main result is the attempt to present a historical and conceptual overview of the origin and features of constructivism and rationalism as trends in urban planning. The 1920s, when the principles and trends in constructivist architecture were formed, became the time of development of a new production and architectural model. The combination of rationalist approach with utopian functionality of most of these projects was the reason for rejection of a truly constructivist trend in Soviet architecture in favor of the “Stalin Empire Style”, and later — de-

constructivism. The problematics of constructivist solutions of the 1920s in the field of urban planning and environmental management largely determined the methodology of architectural space organization of the USSR cities in the 1930s, when the standard of “industry oriented” socialist society became a priority. The author considers theoretical studies and scientific publications about the works of Soviet constructivist architects, gives examples of explicit translation of the principles of constructivism in the 21st century architecture, and makes an assumption about the relationship between the ideological heritage of Soviet constructivists and the artistic and creative process of modern architects and designers (founders of high-tech style R. Piano, N. Foster; deconstructivists F. Gehry, Z. Hadid, D. Libeskind). The article concludes that the constructivist images and stylistics of the analyzed period, though not translated by modern designers and architects “directly”, become the basis for implementation of new conceptual solutions.

Key words: architectural projects, Soviet constructivists, trends, avant-garde, constructivism, deconstructivism, rationalism, modernism, architecture, design, project, reconstruction.

Citation: Galkina M.V. Unrealized Architectural Projects of the 1920s: The Value of Constructivism Ideas, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 50–61. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-50-61.

References

1. Nemtsova N. Architecture of the 21st Century, *Partner*, 2007, no. 11 (122). Available at: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2007/11/240/2647/arkhitektura-xxi-veka> (accessed 01.02.2019) (in Russ.).
2. Honda A. A New Vision in Architecture: Ivan Leonidov's Architectural Projects between 1927 and 1930, *WIAS Research Bulletin Issue*, 2016, no. 8, pp. 79–94. Available at: <https://www.waseda.jp/inst/wias/assets/uploads/2017/03/RB008-079-094.pdf> (accessed 01.02.2019).
3. Bellat F. *An Uneasy Metamorphosis: The Afterlife of Constructivism in Stalinist Gardens. Rethinking Marxism*, 2017, vol. 29, no. 1, pp. 16–41.
4. Goldstein A. M.. Is Utopia Gone Forever? Anton Ginzburg on the Lessons of the Soviet Art School VKhUTEMAS, and the Future of the Universal Project, *Artspace Magazine*, 2017, February 4. Available at: https://www.artspace.com/magazine/interviews_features/qa/anton-ginzburg-interview-54600 (accessed 01.02.2019).
5. Khan-Magomedov S.O. *Aleksandr Vesnin i konstruktivizm: zhivopis', teatr, arkhitektura, risunok, knizhnaya grafika, oformlenie prazdnikov* [Aleksandr Vesnin and Constructivism: Painting, Theatre, Architecture, Drawing, Book Graphics, Holiday Decoration]. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 2007, 412 p.
6. Meerovich M.G., Khmelnitsky D.S. Foreign Architects Struggling for Soviet Industrialization, *Arkhi.ru: portal*. Available at: <https://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569767> (accessed 01.02.2019) (in Russ.).
7. Alabyan K.S. *Zadachi sovetskoi arkhitektury* [Tasks of Soviet Architecture]. Moscow, Vsesoyuznoi Akademii Arkhitektury Publ., 1937, 32 p.
8. Our Tasks, *Arkhitektura SSSR* [Architecture of the USSR], 1933, no. 1, 67 p. (in Russ.).
9. Koleichuk V.F. *Kinetizm: Al'bom* [Kinetic Art: Album]. Moscow, Galart Publ., 1994, 154 p.
10. Goldberger P. *Why Architecture Matters*. Moscow, Strelka Press Publ., 2017, 264 p. (in Russ.).
11. Kostyuk M.A. *Stilevaya problematika tvorchestva B.M. Iofana* [Stylistic Problematics of B.M. Iofan's Art], cand. art stud. diss. abstr. Moscow, 2004, 26 p.
12. Salingaros N.A. *Anti-arkhitektura i dekonstruktsiya: triumf nigilizma* [Anti-Architecture and Deconstruction: The Triumph of Nihilism]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyi Uchenyi Publ., 2017, 296 p.
13. Khazanova V.E. *Ostalis' na bumage...: (neosushchestvlenные proekty sovetskikh arkhitektorov): ocherki* [Remained on Paper...: (Unrealized Projects of Soviet Architects): essays]. Moscow, Gosudarstvennyi Institut Iskusstvovznaniya Publ., 2002, 239 p.
14. Curl J.S., Wilson S. *Oxford Dictionary of Architecture*. Oxford, Oxford University Press, 1999, 896 p.
15. Giovannini J. Modern Long Ago: The Comeback of Russian Constructivism, *The New York Times*, 1990, December 30, p. 7007002.
16. *Art into Life: Russian Constructivism? 1914–1932*. Seattle, Henry Art Gallery, Univ. of Washington Publ., New York, Rizzoli Publ., 1990.
17. Creative Discussion of the Union of Soviet Architects, *Arkhitektura SSSR* [Architecture of the USSR], 1933, no. 3–4, pp. 4–25 (in Russ.).
18. Bukharova E.A. Cosmic Architecture by Ivan Leonidov: Landscaped Staircase of Narkomtiashprom Sanatorium at Kislovodsk, *Akademicheskii*

vestnik UralNIiproekt RAASN [Academic Bulletin of the UralNIiproekt RAASN], 2011, no. 1, pp. 54–60. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kosmicheskoy-arhitektury-ivana-leonidova-parkovaya-lestnitsa-sanatoriya-nktp-im-s-or-dzhonikidze-v-kislovodske> (accessed 01.02.2019) (in Russ.).

19. Efimov A. *Tsvet + forma. Iskusstvo 20–21 vekov: zhivopis', skul'ptura, installyatsiya, lend-art, digital-art: uchebnoe posobie dlya studentov* [Color + Shape. Art of the 20th–21st Centuries: Painting,

Sculpture, Installation, Land Art, Digital Art: text-book for students]. Moscow, BuksMArt Publ., 2014, 615 p.

20. Chervonnaya M.A. *Proektnoe prognozirovaniye v dizaine: ot idei k formoobrazovaniyu* [Project Forecasting in Design: From Idea to Shaping], cand. art stud. diss. abstr. Moscow, 2014, 30 p.
21. Chernikhov Ya.G. *Konstruktsiya arkhitekturnykh i mashinnykh form* [Design of Architectural and Machine Forms], Leningradskoe Obshchestvo Arkhitektorov Publ., 1931, 232 p.

22–24 ноября 2019 г., Нижний Новгород

II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ: МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В НАУКЕ, КУЛЬТУРЕ, СОЦИУМЕ

Актуальная динамика современности выводит на первый план философское переосмысление феномена революции в его самых разнообразных измерениях: социальном, культурном, научном, технологическом, антропологическом. В условиях постоянно меняющихся очертаний современного мира именно анализ революционной модели развития становится ключом к пониманию актуальных трендов и явлений. Революции может быть противопоставлена эволюция как противоположная модель изменений в науке, культуре и обществе. Выбор в рамках этой альтернативы или осмысленный отказ от нее позволяет не только прояснить наличное состояние социального бытия, но и наметить дальнейшие пути его развития.

К участию в конференции приглашаются философы и ученые, студенты и аспиранты, интересующиеся историей, текущим состоянием, перспективами и новыми возможностями развития науки, общества и культуры.

Планируется организация работы следующих секций:

- ◆ Философия науки: историческая перспектива и футурологические прогнозы
- ◆ Новационное развитие и перспективы человека
- ◆ Философия образования: революция и эволюция в образовании
- ◆ Идея революции и эволюции в истории русской философии и культуры
- ◆ Медиареальность: техники коммуникации, техники мышления, техники тела
- ◆ Текст в цифровую эпоху: эстетика и эпистемология
- ◆ Молодежный симпозиум «Конвергенция знаний»

<http://www.philosconf.unn.ru/revolyutsiya-i-evolyutsiya-2019/>

УДК 1(47)"191"(093.3)
ББК 87.3(г)53-689ю14
DOI 10.25281/2072-3156-2019-16-1-62-71

А.В. ЛОМОНОСОВ

О ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕРРОРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧЕРНОВИКОВ И НЕИЗДАННЫХ СТАТЕЙ В.В. РОЗАНОВА)*

Алексей Васильевич Ломоносов,
Российская государственная библиотека,
Центр исследования проблем развития библиотек
в информационном обществе,
сектор изучения особо ценных фондов,
научный сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия
кандидат исторических наук
ORCID 0000-0001-9755-8649; SPIN 3533-2784
E-mail: lomonosov-1962@yandex.ru

Реферат. В статье представлены взгляды розановедов на специфику ведения В.В. Розановым литературных дискуссий. Подчеркнуты особенности полемики мыслителя с П.Б. Струве и его соратниками о границах партийных рамок в ходе публичных заявлений в конце 1910 – начале 1911 года. В означенной теме были отмечены наиболее яркие детали споров. Это подтверждено цитированием различных черновых

редакций рукописных материалов из архива В.В. Розанова, хранящегося в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Акцентируется внимание на двойственности позиций не только В.В. Розанова, но и самих критиков, затеявших диспут. Цель исследования – на основе неизвестных ранее архивных источников, представленных в статье, опровергнуть миф об отсутствии авторской редакторской работы со стороны философа над произведениями в жанре публицистики, доказать значимость этой работы для самого мыслителя. Именно В.В. Розанову принадлежит авторство термина «литературный террор». Рассмотрен лексический ряд зарождения этого понятия в текстах писателя. Статья подтверждает взгляд В.В. Розанова на недопу-

* Настоящая статья подготовлена в рамках исследовательского проекта Российской государственной библиотеки.

стимость политизации его творческих работ. Освещаются личные мотивы в судьбе философа во время описанной газетно-журнальной полемики. Отвечая на обвинения в безнравственности, он утверждал неразделимость таланта и нравственных сил души литератора. При этом отмечается важность для В.В. Розанова понимания «мозаичности» состава культурных образований во всех видах творческого процесса. В статье даны ориентиры для детализации мировоззренческих основ, использованных литератором в его полемических выступлениях.

Ключевые слова: литературный террор, В.В. Розанов, полемика, П.Б. Струве, А.В. Пешехонов, черновые редакции, талант, безнравственность, мозаичность, философия творчества, мировоззрение, философия культуры, культура и личность.

Для цитирования: Ломоносов А.В. О литературном терроре (по материалам черновиков и неизданных статей В.В. Розанова) // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 1. С. 62–71. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-62-71.

Многогранный, амбивалентный подход к решению проблем культурной и общественной жизни России великого русского мыслителя Василия Васильевича Розанова (1856–1919), гениальность которого признавалась еще современниками, до сих пор помогает в неординарном осмыслении важнейших исторических событий в нашей стране. Необычность и новизна их толкования были встречены в штыки основной частью либеральной интеллигенции, которая придерживалась в своих выступлениях принятых на тот момент партийных рамок. Одним из кардинальных моментов в понимании оригинальной мировоззренческой позиции В.В. Розанова стала его полемика с рядом левых журналистов в конце 1910 — начале 1911 года.

Возникла дискуссия по результатам издания его книги «Когда начальство ушло» (СПб., 1910). В сборник вошли репортажи и статьи периода общественных потрясений

1905–1906 годов. Литературным стремлением В.В. Розанова в те годы владели бурные события начала революции. Левых публицистов либеральных и радикально-демократических изданий возмутило то, что он разместил в сборнике подряд по хронологии создания статьи, писавшиеся как для правополитической газеты «Новое время», так и для либеральной газеты «Русское слово». Одни и те же факты представляли с прямо противоположных сторон в произведениях журналиста «Нового времени» В.В. Розанова и газетного сотрудника «Русского слова» Варварина (псевдоним Розанова). Оппонентов публициста вывело из себя то, что он, совсем недавно призывавший к притеснению леворадикалов, издал тексты с хвалебными строками в честь освежающих ветров революции. Это посчитали образцом политической и нравственной беспринципности.

Ни один из крупных исследователей творчества В.В. Розанова не прошел мимо предъявленных ему обвинений и возникшей в результате этого дискуссии [1, с. 41; 2, с. 138; 3, с. 683].

Некоторые авторы, например философ-культуролог И.В. Кондаков, считают В.В. Розанова вообще «родоначальником русского и мирового модернизма» [4, с. 60] и убеждены, что он полностью проявился в собственных текстах уже в самом начале литературного творчества. Необходимо лишь адекватно оценивать его способ мышления, который объяснялся им самим в принципиально противоречивых литературных трудах.

Именно этот образ мысли скандального для современников писателя послужил причиной бурной дискуссии с П.Б. Струве, К.И. Чуковским и А.В. Пешехоновым. Понимание значения разбираемой дискуссии для оценки мировоззрения В.В. Розанова невозможно без погружения в ее детали.

Первые упреки в адрес писателя были опубликованы в кадетской газете «Речь» от 24 октября 1910 года. Он обвинялся в полном безразличии к революционным страстям, сотрясавшим его соотечественников. Критик увидел в этом только грех и цинизм публициста, который сунулся со своей зевотой туда, где героически «жертвуют собой» [5, с. 172].

Общепризнанным инициатором нападков на В.В. Розанова из лагеря оппозиционной печат-

ти принято считать известного общественного деятеля П.Б. Струве. Будучи автором первого публичного документа отечественных марксистов — «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии», он сам в итоге идейных исканий за год до выступления против В.В. Розанова пришел к осуждению радикальных методов борьбы и стал одним из вдохновителей антиреволюционного сборника «Вехи» (М., 1909).

В своем журнале «Русская мысль» (1910. Кн. 11) веховец П.Б. Струве продолжил нападки на В.В. Розанова. В статье «Большой писатель с органическим пороком» он был обвинен в цинизме, религиозном нигилизме и патологической безнравственности. Доказательством тому П.Б. Струве считал пренебрежительное и слишком художественное обращение писателя с фактическим материалом. В этом либеральному критику, апологету фактов с врожденно немецким педантизмом, безусловно, виделась «органически безнравственная и безбожная натура» оппонента [6, с. 275].

Особо подчеркнув блестящий литературный талант В.В. Розанова, ставшего основателем совершенно нового вида публицистики, синтезировавшей философско-политические мысли с обыденной реальностью, критик, при всех похвалах, задался риторическим вопросом: «А можно ли вообще пускать В.В. Розанова в “прогрессивную” печать?».

Публицист моментально реагировал на выпады в свой адрес. И здесь необходимо особо отметить, что отсутствие досконального анализа текстов его статей до сих пор остается белым пятном. В этом представляется главный недостаток всех предыдущих исследований по заявленной теме.

В начале ноября 1910 г. В.В. Розанов сам признавался в письме другу П.П. Перцову, что пребывает «в бешенстве от статьи Струве» [7, с. 115]. Чем же оно было вызвано и во что вылилось?

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) сохранилась масса черновых вариантов, редакций, разрозненных фрагментов ответов и даже неизвестных ранее законченных статей В.В. Розанова по обсуждаемой теме, отклоненных редакцией газеты «Новое время». А ведь он тщательно создавал о себе

литературный миф, что никогда не правит своих статей, и неоднократно подчеркивал это в собственных произведениях. Я уже попытался оспорить это устоявшееся утверждение, опубликовав черновики его статей с вариантами авторской правки [8]. Обилие вариантов текста творческих материалов, увидевших свет в рамках 35-томного Полного собрания сочинений, выходящего в свет с 2014 г. [9], усилило сомнения в справедливости общего положения, что В.В. Розанов работал над текстом практически без правки [10].

Попытаемся разрешить эту загадку.

Возражая критикам, мыслитель приоткрыл завесу своей писательской кухни. Не раз и не два В.В. Розанов возвращался к обвинениям в противоречиях в своих текстах. Он пытался объяснить читателям специфику собственного метода мышления, показывая, что его различные мысли о каком-либо событии только в своей совокупности могут приблизить собеседника к общему пониманию истины. Лишь все многообразие мыслей художника создает полную картину. В реальном мире этот абсолют, как известно, пока недостижим. Поэтому можно созерцать лишь вершину айсберга, одну из представленных точек зрения. Из этого и напрашивался его парадоксальный вывод: единственный твердый принцип в жизни — это колебание, а истина предстает лишь «в колебании» [10, с. 413]. Свобода художника оказалась совершенно неприемлемой для железных принципов партийной публицистики в современной жизни постреволюционной России.

В.В. Розанов в этом случае был не так уж далек от марксистской методологии познания, наверняка знакомой П.Б. Струве, одному из первых российских марксистов.

Ранняя редакция первой статьи В.В. Розанова, отвечавшей на обвинения в безнравственности, носила показательное название «Политики в литературе». Оно вполне определяло суть обсуждаемой проблемы. В гранках работа носила название «Литературные и нравственные афоризмы». По выходе заголовков обрел уже некую размытость «Литературные и политические афоризмы (Ответ К.И. Чуковскому и П.Б. Струве)» (Новое время. 1910. 25, 28 нояб., 9 дек.) [10].

Анализ обширной черновой правки нескольких редакций статьи свидетельствует

о борьбе В.В. Розанова с эмоциональным накатом распиравших его чувств в момент работы над текстом полемического ответа. Например, фраза «нетерпеливо до боли» сглажена до «нетерпеливо хочу» [10, с. 413].

Для того чтобы избежать повторных обвинений со стороны оппонентов в равнодушии при обсуждении вопроса об отношении к революции, он снимает свой предыдущий текст и переносит предмет дискуссии в более широкую область — границы бытия человеческой души.

Если в черновой редакции В.В. Розанов пишет, что, отвечая на вопрос о революции, ему или спать хочется, или разразиться «гомерическим хохотом, заскрежетать зубами или заплакать» [11, л. 8], то в публикации он уже переходит на уровень обсуждения вездесущности человеческой души. Критикам указано на абсолютное непонимание элементарных вещей обыденного религиозного сознания.

Еще в 1892 г. В.В. Розанов в полемике с Н.К. Михайловским отстаивал творческий принцип «мозаичности культуры». Уже тогда мыслитель вызвал в свой адрес град упреков в оправдании беспринципности. Он доказывал, что идеал мировой гармонии не просто недостижим и иллюзорен, но и крайне опасен. В социальной жизни стремления к его реализации приводят к неизбежному массовому насилию, чему учат любые попытки построить рай на земле. Мир, согласно философу, в своей основе не просто многообразен, как справедливо заметил И.В. Кондаков, но «еще и насильно лишен изначальной цельности — сломан, раздроблен, искусственно запутан, а потому — безысходно трагичен» [4, с. 68].

Гораздо большее значение для В.В. Розанова в качестве ответа своим оппонентам на обвинения, вызвавшие столь бурный общественный резонанс, имела статья «Литературный террор» (Новое время. 1911. 12 янв.). Она стала своеобразной общественной декларацией писателя как художника, имеющего право на абсолютное свободное самовыражение внеполитических программ и партийных предпочтений.

В январской статье 1911 г. В.В. Розанов обвинил социал-демократов в установлении настоящего террора в русской литературе, главным средством борьбы которого было лишение писателя чести, предание его позору в глазах

общественного мнения. Именно с момента выхода из печати статей П.Б. Струве и критиков левого лагеря началась систематическая травля В.В. Розанова со стороны всех оппозиционных органов печати.

Возражения В.В. Розанова рождались в столь же усиленных творческих потугах, как и предыдущая статья к политикам от литературы. До появления статьи в печати на свет появилось не менее двух ее редакций. В первоначальном варианте статья имела иное название — «“Террор” в литературе» [12, л. 1], переносящее акцент на ключевое слово в обсуждаемой проблеме.

Напомним, что П.Б. Струве перед обвинением оппонента в безнравственности сделал реверанс, объявив его талантливым писателем. На что В.В. Розанов отвечал своим творческим кредо: «Талант и есть *преобразование в слово нравственных сил души...* до абсолютного совпадения» [13, с. 20]. Множество похвал в свой адрес со стороны П.Б. Струве В.В. Розанов отвергал и позднее по одной единственной причине: они вращались вокруг недостижимого для П.Б. Струве пункта — «*психологичность самого языка*» [14, с. 355]. Бесталанным людям мыслитель решительно отказывал в звании достойного политика. К ним он в то время причислял все радикальные политические образования.

Действуя в давно известной системе подавления инакомыслия, решительно настроенная общественность усмирила всякий протест против себя, используя массовую периодическую печать.

Статью о терроре в периодике В.В. Розанов начал с упоминания литераторов, сочувствовавших социал-демократам, — А.М. Горького и Н.М. Минского. Но даже они, по словам автора, презирали за бездарность и отсутствие таланта большевика-беллетриста А.А. Богданова. В 1908 г. он издал свой первый фантастический роман-утопию «Красная звезда» о построении идеального социального строя на Марсе. Художественные фантазии вице-лидера большевиков имели реальные примеры в истории, судьбах его соотечественников на территории бывшей Российской империи — в системе Пролеткульта. Она предполагала полное до основания разрушение культуры старого мира в бес-

пощадном пламени классовой борьбы. А что было и что стало затем с носителями отечественной культуры, все хорошо помнят.

Большое, а возможно и ключевое место в статье В.В. Розанова занимает именно определение этических составляющих таланта. Оно основано прежде всего на принципах неотделимости понимания для талантливой личности честности и правды. Сравнивая эти нравственные категории со значением красоты для женщины, публицист, редко шлифовавший ранее свои тексты, тщательно подбирает нужное слово. Если в первой редакции для него девичья красота «то же, что для писателя “честность”, “правда”» [12, л. 1], то во второй — «что для женщины “красота лица”, то ... для писателя есть оценка его нравственной личности как человека, его человеческой и вместе непременно писательской правды. Честь. Суть» [12, л. 5]. В печати же характеристика нравственной личности писателя сравнивается с человеческой искренностью и правдой [13, с. 19].

Интересно отметить, насколько это было важно для автора. Мыслитель дает собственный ответ на важнейший в любом творческом деле вопрос, выделяя слово «честность» прописными буквами. Этого не было в первоначальной редакции.

В.В. Розанов указал на давно устоявшийся в современной исторической науке факт о связи П.Б. Струве и его окружения с революционным движением. Бывший марксист через периодическую печать подталкивал Россию к революции. «Нововременец» вернул «освобожденцу» ярлык «двурушника», навешанный на него газетчиком А.В. Пешехоновым. П.Б. Струве, как известно, будучи одним из лидеров партии кадетов, не брезговал публиковать в редактируемом им журнале «Русская мысль» статьи социал-демократической направленности.

Возражения В.В. Розанова в печати П.Б. Струве не оставил без внимания и отреагировал очередными нападками в заметке «Жестокая поговорка и извращенная психология» (Русская мысль. 1911. Кн. 1. С. 182–186). Формальным поводом для нее был ответ А.В. Пешехонову, поддержавшему П.Б. Струве в осуждении В.В. Розанова [15].

Раздраженный В.В. Розанов написал ответ и на этот выпад. Текст сохранился в двух редакциях в рукописном автографе в ОР РГБ: «Двое убогоньких» [16] и «Убогонькие в истории» [17]. При жизни автора статья так и не вышла. Из-за резкости тона собственного выступления В.В. Розанов забрал ее из редакции, оставив пояснение в списке библиографии: «Сам взял назад» [18]. Впервые была опубликована мной в рамках 30-томного Собрания сочинений [14].

Признав и декларируя, что именно П.Б. Струве дал первый толчок к широкому обсуждению его общественной позиции в печати, В.В. Розанов сместил акцент содержания заметки последнего. П.Б. Струве выступил с осуждением эпигонского критиканства со стороны А.В. Пешехонова в адрес так называемого разоблачения В.В. Розанова и прямо заявил, что получил тягостное впечатление от этого выступления. А.В. Пешехонов, как известно, самодовольно ответил, что не только не общался с В.В. Розановым, а даже «готов был плюнуть ему в лицо и за прошлое, и за настоящее, и за будущее. Злая радость» [19]. П.Б. Струве же указал в заметке на свое несогласие со злорадством критика.

Самые обидные для себя выражения со стороны П.Б. Струве В.В. Розанов вынес в качестве одного из множества эпитафий к своей статье: «Можно бы и извинительно Розанову плюнуть в лицо. Но мое христианское чувство не позволяет этого» [13, с. 18]. Используя старый риторический прием, он это обвинение перенес по адресу самого П.Б. Струве, настаивая, что его хотят «превратить в плеватьницу» [20, с. 22]. На что редактор «Русской мысли» возмутился искажением не только своих слов, но и подменой общего смысла цитаты. В.В. Розанов вынужден был отвечать новым письмом в редакцию своей газеты «Новое время». Там он опять же отметил лишь вспомогательную роль А.В. Пешехонова по отношению к публичной травле в свой адрес, считая, что искажение лица честного писателя началось в нашей периодике именно с П.Б. Струве.

Вскрывал В.В. Розанов и некое двурушничество самого редактора «Русской мысли». Философ припомнил эпизод, когда он повторил П.Б. Струве его собственные слова, осу-

ждавшие радикализм Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева в печати. И после этого апостол либеральной печати обвинил В.В. Розанова в предательстве всего освободительного движения и во враждебности ко всей прогрессивной прессе.

Интересна оценка материальной стороны вопроса. В ответ на пешехоновское обвинение в двурушничестве В.В. Розанов заявил, что просто своим честным писательским трудом содержал многочисленное семейство. Революционные же публицисты, по его убеждению, напротив, всегда существовали за чей-то чужой счет, будь то частные лица или иностранные державы.

Любопытно, что к моменту выхода из печати ответа на обвинения А.В. Пешехонова в философе проснулся внутренний цензор и саморедактор. Начало рукописи статьи, вылившееся в некий чисто розановский памфлет с метафорами из альковных историй, он сократил всего до одного предложения. Печать увидела лишь фраза, сравнивавшая поведение левых критиков с ревнивой старой любовницей. В стиле национальных предпочтений своей газеты В.В. Розанов заявлял в черновой редакции от лица простого читателя из народа: «Никак мужичек не может поверить, что Карл Маркс из Берлина есть тот “Иван Царевич”, который освободит его от всяких бед и напастей. Ни во Франсуа Фурье не может поверить. Такой невежда: и французское и немецкое отвергает».

“Отвергнутая” дева разъярена: бросается то на Пушкина ... то на Достоевского, которого уважают больше, чем Шпильгагена, то на Тютчева, которого предпочитают Гейне; бросалась лет 50 на Толстого, которого ставили выше Жорж Занд...» [21, л. 3].

Долгое время пребывая в процессе внутренней дискуссии с означенными оппонентами, три года спустя В.В. Розанов задался вопросом о причинах столь резких выступлений против себя в наиболее тяжелый период жизни. Он показал читателю, что с ним происходило на этом драматичном этапе. Во-первых, в самый пик газетно-журнальных нападок на В.В. Розанова ему пришлось бороться за жизнь жены, с которой случилась частичная парализация. Тогда же оставил свои дела его газетный попечитель

А.С. Суворин, спасший литератора в свое время от прозябания и неустроенности. Тяжелейшие внутренние переживания дали и некий лейтмотив всем его текстам: «Оставьте же меня в покое» [14, с. 20].

Именно в это время В.В. Розанов пытается публично сформулировать ценностные ориентиры и ищет примирения с православной церковью. Ему открылось все уродство политических газетных баталий перед вечными жизненными проблемами: страхом смерти и вечного расставания с любимым человеком. В жестокой словесной перебранке ему даже привиделись признаки нечистой силы.

Обращаясь к своим обвинителям, В.В. Розанов упрекал их в бесчеловечности и недемократизме, так как они набросились на него в период тяжелейших жизненных испытаний и совершенно не учитывали, что писатель не легким трудом газетного журналиста содержал своих многочисленных родных и близких. Только тот литератор мог, по мнению В.В. Розанова, называться мудрецом, который ни в чем не разделяется с остальным народом и рассматривает свое литературное или философское творчество как простую работу.

По завершении столь чувствительной для себя полемики писатель протянул своим оппонентам руку и призывал их к примирению, еще раз напомнив им о скрытых мотивах его запальчивости: «Конечно, формально и, “по признакам судя”, они не могли иначе судить, но им следовало *задержаться из осторожности*, сказав себе: “Тут не все ясно”» [22, с. 246].

К чести В.В. Розанова следует отметить, что абсолютно все его оппоненты, вызвавшие столь бурный эмоциональный взрыв, не только были им прощены, но и получили в этом публичное признание в его печатных работах. А им, учитывая обретенный писателем новый стиль исповедально-уединенной прозы, нельзя было не поверить.

К.И. Чуковского в книге «Опавшие листья. Короб второй и последний» В.В. Розанов похвалил за то, что ему единственному из нападавших критиков удалось дать определение его истинной натуре и темпераменту [23, с. 303].

Вызывавший некогда резкое пренебрежение А.В. Пешехонов предстал как «последняя значащая фигура с<оциал>-д<емократии>». Од-

нако значучесть эта заключается единственно в чистоте его» [24, с. 32].

П.Б. Струве удостоился гораздо большего количества похвал и положительных характеристик. Приведем лишь одну. «Сложная и в высшей степени интересная судьба Струве все более и более склоняет его в сторону, в которую он никогда не хотел ходить, в которой он никогда не думал бы. Дело в том, что среди всяческой трухи экономических и политических воззрений в душу залетело одно ангельское существо: любовь к России» [25, с. 40].

Спустя годы, анализируя сам факт истории своего параллельного сотрудничества в газетах разной политической направленности, вызвавший столь бурное общественное осуждение, В.В. Розанов все еще искал ответ на этот столь взволновавший всех вопрос. Принимая душевную гармонию в отношении политических ориентиров «Нового времени» и целый ряд несогласий с руководством либерального издания «Русское слово», мыслитель в то же время отмечал, что был совершенно искренен во всех своих выступлениях в прессе. Признав в итоге за собой, хотя и частично, некое «двурушничество» по отношению к политическим органам печати и не одобряя их эпатажных выпадов в адрес оппонентов, он пытался еще и еще раз объяснить, что, став для левых газет *persona non grata*, был всегда абсолютно честен и искренен перед самим собой и перед Богом.

В результате рассмотренной полемики, благодаря привлечению неизвестных ранее черновых текстов работ В.В. Розанова, показана значимость для мыслителя возникшего противостояния с леволиберальными, социал-демократическими представителями печати, носителями устойчивых общественно-политических схем в литературном процессе. Благодаря рассмотренной дискуссии становится более понятной система мировоззрения В.В. Розанова, содержащая широкие перспективы для альтернативного выбора путей развития и познания. Она указывает на определенное предощущение мыслителем уже в начале XX в. рассыпания целостной модели мира среди носителей традиционных культурных ценностей, отразившегося как в литературных, так и в политических процессах, его окружавших и еще грядущих.

Список источников

1. Сукач В.Г. Василий Васильевич Розанов : биографический очерк : библиография 1886—2007. Москва : Прогресс-Плеяда, 2008. 220 с.
2. Простаков О.Г. П.Б. Струве и В.В. Розанов // Мир источниковедения : сборник. Москва ; Пенза, 1994. С. 136–139.
3. Фатеев В.А. Жизнеописание Василия Розанова. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2013. 1054 с.
4. Кондаков И.В. Русская культура-post: у истоков культурного самосознания // Энтелехия. 2007. № 15. С. 60–86.
5. Чуковский К.И. Открытое письмо В.В. Розанову // Собр. соч. : в 15 т. Т. 7 / [сост. и коммент. Е. Чуковской]. Москва : Терра-Книжный клуб, 2001. С. 171–178.
6. Струве П.Б. Большой писатель с органическим пороком // П.Б. Струве. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм / вступ. ст. и примеч. В.Н. Жукова. Москва : Республика, 1997. С. 270–278.
7. Из эпистолярного наследия П.П. Перцова / публ. Г.В. Давыдовой // Энтелехия. 2004. № 9. С. 112–117.
8. Ломоносов А.В. Неизвестный В.В. Розанов // Записки отдела рукописей / Российская государственная библиотека. Вып. 53. Москва : Пашков дом, 2008. С. 455–487.
9. Розанов В.В. Полн. собр. соч. : в 35 т. Серия «Литература и искусство» : в 7 т. Т. 1–7 / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Санкт-Петербург : Росток, 2014–2017.
10. Розанов В.В. Литературные и политические афоризмы : (Ответ К.И. Чуковскому и П.Б. Струве) // Собр. соч. : в 30 т. [Т. 20]. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Москва : Республика, 2005. С. 412–423.
11. Розанов В.В. Фрагменты статей на литературные темы // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 249 (В.В. Розанов). Картон 6. Ед. хр. 14. Л. 1–16.
12. Розанов В.В. «Террор» в литературе // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 249 (В.В. Розанов). Картон 6. Ед. хр. 6. Л. 1–11.
13. Розанов В.В. Литературный террор // Собр. соч. : в 30 т. [Т. 21]. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. Москва : Республика, 2005. С. 18–21.

14. Розанов В.В. Убогонькие в истории // Собр. соч. : в 30 т. [Т. 21]. Террор против русского национализма. Статья и очерки 1911 г. Москва : Республика, 2005. С. 353–357.
15. Пешехонов А.В. Бесстыжее светило, или Изобличенный двурушник // Русские ведомости. 1910. 2 дек.
16. Розанов В.В. Двое убогоньких... // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 249 (В.В. Розанов). Картон 5. Ед. хр. 23. Л. 1–3.
17. Розанов В.В. Убогонькие в истории // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 249 (В.В. Розанов). Картон 6. Ед. хр. 7. Л. 1–5.
18. Цветков С.А. Библиография произведений В.В. Розанова с 1909 по 1910 гг. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 249 (В.В. Розанов). Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 293.
19. Струве П.Б. Жестокая поговорка и извращенная психология : (На разные темы) // Русская мысль. 1911. Кн. 1. С. 182–186.
20. Розанов В.В. Письмо в редакцию // Собр. соч. : в 30 т. [Т. 21]. Террор против русского национализма. Статья и очерки 1911 г. Москва : Республика, 2005. С. 21–23.
21. Розанов В.В. Фрагменты статей на политические, религиозные, философские темы // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 249 (В.В. Розанов). Картон 6. Ед. хр. 15. Л. 1–29.
22. Розанов В.В. Мимолетное. 1914 год // Собр. соч. : в 30 т. [Т. 8]. Когда начальство ушло... / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Москва : Республика, 1997. С. 193–596.
23. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй и последний // Уединенное / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Москва : Политиздат, 1990. С. 203–390 (Серия «Мыслители XX века»).
24. Розанов В.В. Уединенное // Уединенное / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Москва : Политиздат, 1990. С. 21–86 (Серия «Мыслители XX века»).
25. Розанов В.В. Струве о духовном сословии и духовной школе // Собр. соч. : в 30 т. [Т. 24]. В чаду войны. Статья и очерки 1916–1918 гг. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Москва : Республика ; Санкт-Петербург : Росток, 2008. С. 40–43.

On Literary Terror (Based on the Materials of V.V. Rozanov's Drafts and Unpublished Articles)

Aleksey V. Lomonosov

Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka Str.,
Moscow, 119019, Russia
ORCID 0000-0001-9755-8649; SPIN 3533-2784
E-mail: lomonosov-1962@yandex.ru

Abstract. *The article presents the views of experts on the specifics of V.V. Rozanov's literary discussions. It highlights the features of the thinker's polemics with P.B. Struve and his colleagues about the boundaries of the party framework in the course of public statements in late 1910 – early 1911. The most vivid details of disputes on the previously mentioned topic are noted. This is evidenced by citation of various draft ver-*

sions of manuscript materials from V.V. Rozanov's archive, stored in the Manuscripts Department of the Russian State Library. The article focuses on the duality of the positions not only of V.V. Rozanov, but also of the critics who started the dispute. On the basis of previously unknown archival sources presented in the article, the study aims to refute the myth that the philosopher was never engaged in author's editing of works in the genre of journalism, and to prove the importance of this work for the thinker. It was V.V. Rozanov who introduced the term "literary terror". There is considered the lexical series of the origin of this concept in the writer's texts. The article confirms V.V. Rozanov's view on the inadmissibility of politicization of his creative works. Personal motives in the philosopher's fate during the described journalistic polemics are revealed. Responding to accusations of immorality, he claimed the inseparability of talent and moral forces of a literary person's soul. There is also noted that it was important for

V.V. Rozanov to understand the “mosaic” composition of cultural formations in all types of creative process. The article provides guidelines for detailing the ideological foundations used by the writer in his polemical speeches.

Key words: literary terror, V.V. Rozanov, polemics, P.B. Struve, A.V. Peshekhonov, drafts, talent, immorality, mosaics, philosophy of creativity, worldview, philosophy of culture, culture and person.

Citation: Lomonosov A.V. On Literary Terror (Based on the Materials of V.V. Rozanov's Drafts and Unpublished Articles), *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 62–71. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-62-71.

Acknowledgements.

This article is written as a part of the research project of the Russian State Library.

References

1. Sukach V.G. *Vasilii Vasil'evich Rozanov: biograficheskii ocherk: bibliografiya 1886–2007* [Vasily Vasilyevich Rozanov: Biographical Essay: Bibliography 1886–2007]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2008, 220 p.
2. Prostakov O.G. P.B. Struve and V.V. Rozanov, *Mir istochnikovedeniya: sbornik* [The World of Source Studies: collection]. Moscow, Penza, 1994, pp. 136–139 (in Russ.).
3. Fateev V.A. *Zhizneopisanie Vasiliya Rozanova* [Biography of Vasily Rozanov]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2013, 1054 p.
4. Kondakov I.V. Russian Culture-Post: At the Origins of Cultural Identity, *Entelekhia* [Entelechy], 2007, no. 15, pp. 60–86 (in Russ.).
5. Chukovsky K.I. Open Letter to V.V. Rozanov, *Sobr. soch.: v 15 t. T. 7* [Collected Works: in 15 volumes. Volume 7]. Moscow, Terra-Knizhnyi Klub Publ., 2001, pp. 171–178 (in Russ.).
6. Struve P.B. A Great Writer with an Organic Blemish, *P.B. Struve. Patriotica. Politika, kul'tura, religiya, sotsializm* [P.B. Struve. Patriotica. Politics, Culture, Religion, Socialism]. Moscow, Respublika Publ., 1997, pp. 270–278 (in Russ.).
7. From P.P. Pertsov's Epistolary Heritage, *Entelekhia* [Entelechy], 2004, no. 9, pp. 112–117 (in Russ.).
8. Lomonosov A.V. Unknown Rozanov, *Zapiski ot dela rukopisei* [Notes of the Manuscripts Department]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2008, issue 53, pp. 455–487 (in Russ.).
9. Rozanov V.V. *Poln. sobr. soch.: v 35 t. Seriya "Literatura i khudozhestvo": v 7 t. T. 1–7* [Complete Works: in 35 volumes. “Literature and Art” Series: in 7 volumes. Volumes 1–7]. St. Petersburg, Ros-tok Publ., 2014–2017.
10. Rozanov V.V. Literary and Political Aphorisms (A Response to K.I. Chukovsky and P.B. Struve), *Sobr. soch.: v 30 t. Zagadki russkoi provokatsii. Stat'i i ocherki 1910 g.* [Collected Works in 30 volumes. The Mystery of Russian Provocation. Articles and Essays of 1910]. Moscow, Respublika Publ., 2005, pp. 412–423 (in Russ.).
11. Rozanov V.V. Fragments of Articles on Literary Topics, *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Manuscripts Department of the Russian State Library], coll. 249 (V.V. Rozanov), carton 6, item 14, pp. 1–16 (in Russ.).
12. Rozanov V.V. “Terror” in Literature, *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Manuscripts Department of the Russian State Library], coll. 249 (V.V. Rozanov), carton 6, item 6, pp. 1–11 (in Russ.).
13. Rozanov V.V. Literary Terror, *Sobr. soch.: v 30 t. Terror protiv russkogo natsionalizma* [Collected Works: in 30 volumes. Terror against Russian Nationalism]. Moscow, Respublika Publ., 2005, pp. 18–21 (in Russ.).
14. Rozanov V.V. Wretched Ones in History, *Sobr. soch.: v 30 t. Terror protiv russkogo natsionalizma* [Collected Works: in 30 volumes. Terror against Russian Nationalism]. Moscow, Respublika Publ., 2005, pp. 353–357 (in Russ.).
15. Peshekhonov A.V. A Shameless Star, or an Unmasked Double-Dealer, *Russkie vedomosti* [Russian Bulletin], 1910, December 2 (in Russ.).
16. Rozanov V.V. Two Wretched... *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Manuscripts Department of the Russian State Library], coll. 249 (V.V. Rozanov), carton 5, item 23, pp. 1–3 (in Russ.).
17. Rozanov V.V. Wretched Ones in History, *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Manuscripts Department of the Russian State Library], coll. 249 (V.V. Rozanov), carton 6, item 7, pp. 1–5 (in Russ.).
18. Tsvetkov S.A. Bibliography of V.V. Rozanov's Works from 1909 to 1910, *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Manuscripts Department

- of the Russian State Library], coll. 249 (V.V. Rozanov), carton 11, item 11, p. 293 (in Russ.).
19. Struve P.B. The Cruel Saying and the Perverted Psychology (On Different Topics), *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1911, book 1, pp. 182–186 (in Russ.).
 20. Rozanov V.V. Letter to the Editor, *Sobr. soch.: v 30 t. Terror protiv russkogo natsionalizma* [Collected Works: in 30 volumes. Terror against Russian Nationalism]. Moscow, Respublika Publ., 2005, pp. 21–23 (in Russ.).
 21. Rozanov V.V. Fragments of Articles on Political, Religious, Philosophical Topics, *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Manuscripts Department of the Russian State Library], coll. 249 (V.V. Rozanov), carton 6, item 15, pp. 1–29 (in Russ.).
 22. Rozanov V.V. Fleeting. 1914, *Sobr. soch.: v 30 t. Kogda nachal'stvo ushlo...* [Collected Works: in 30 volumes. When the Bosses Are Gone...]. Moscow, Respublika Publ., 1997, pp. 193–596 (in Russ.).
 23. Rozanov V.V. Fallen Leaves. The Box Is the Second and Last, *Uedinennoe* [Secluded]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 203–390 (“Mysliteli XX veka” Series) (in Russ.).
 24. Rozanov V.V. Secluded, *Uedinennoe* [Secluded]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 21–86 (“Mysliteli XX veka” Series) (in Russ.).
 25. Rozanov V.V. Struve on the Clergy and Spiritual School, *Sobr. soch.: v 30 t. V chadu voiny* [Collected Works: in 30 volumes. In the Fumes of War]. Moscow, Respublika Publ., St. Petersburg, Rostok Publ., 2008, pp. 40–43 (in Russ.).

НОВИНКА



Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Библиофилы-библиографы конца XIX — начала XX века (П.К. Симони, Д.В. Ульянинский, Н.Н. Орлов) : монография. Москва : МИК, 2019. 156 с.

Книга посвящена трем выдающимся библиофилам-библиографам (П.К. Симони, Д.В. Ульянинскому, Н.Н. Орлову), чья активная деятельность протекала в России в конце XIX — первой трети XX века. В научный оборот вводятся автобиографические и мемуарные материалы, представлены полные библиографии их трудов и публикаций о жизни и творчестве этих замечательных книжников.

Первый раздел посвящен члену-корреспонденту АН СССР Павлу Константиновичу Симони (1859—1939). Среди его научных интересов были: филологическое изучение памятников славянской и древнерусской письменности, публикация и анализ фольклорных произведений, история издательского дела и книжной торговли, палеография, библиография, вспомогательные исторические дисциплины и др.

П.К. Симони собрал библиотеку, включавшую около 12 тысяч томов, оставил большое научное наследие, которое состоит как из опубликованных трудов (более 100), так и отложившихся в архиве ученого материалов.

Во втором разделе помещены материалы о Дмитрии Васильевиче Ульянинском (1861—1918). Член-корреспондент АН СССР П.Н. Берков писал о нем: «Особое место в истории русского библиофильства и библиофильской литературы начала XX века занимает Дмитрий Васильевич Ульянинский <...> Его называли “поэтом книги”, его библиотеку — “дворцом книги”, в московских библиофильских кругах он считался главою русских библиофилов начала XX века...»

Третий раздел рассказывает о Николае Николаевиче Орлове (1898—1965), активнейшем участнике библиографической и библиофильской жизни 1920-х — начала 1930-х годов. Круг его интересов был очень широк: экслибрисы и литература о них, деятельность Русского библиографического общества при Московском университете (где он много лет был секретарем) и его история. Н.Н. Орлову принадлежат библиографические указатели современной ему литературы по книжному делу, библиотековедению, библиографии, книжной торговле.

Издание можно приобрести в книжных магазинах «Москва», «Фаланстер», а также в интернет-магазинах и в издательстве.

Справки по телефону: +7 (916) 676 81 04

Е.Г. СЕРЕБРЯКОВА

ИДЕНТИЧНОСТЬ «ЗАЩИТНИК» В СОЦИАЛЬНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ФРИДЫ ВИГДОРОВОЙ

Елена Геннадьевна Серебрякова,

Воронежский государственный университет,
факультет философии и психологии,
кафедра истории философии и культуры,
доцент
Университетская пл., д. 1, Воронеж, 394018, Россия

кандидат филологических наук
ORCID 0000-0002-5281-8192; SPIN 2777-8959
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Реферат. Объектом исследования является социальная и профессиональная позиция писательницы и журналиста Фриды Вигдоровой, которая оценивалась советской либеральной интеллигенцией 1960–1970-х гг. как чрезвычайно ценная. Ее запись суда над И. Бродским послужила образцом для составителей отчетов о судах над диссидентами — А. Гинзбург, П. Литвиновым, Н. Горбаневской и др. Нонконформисты разделяли мировоззренческие принципы Ф. Вигдоровой, тиражировали ее поведенческую модель в процессе защиты инакомыслящих от преследования властей и сделали образец «защитник» нормой общественного поведения. Цель данной работы — выявить истоки формирования поведенческой модели «защитник» и охарактеризовать ак-

сиологию журналиста. Материалом исследования послужили воспоминания современников о Ф. Вигдоровой и ее публицистика.

Автор утверждает, что социальное и профессиональное поведение моделировалось Ф. Вигдоровой по образцам, сформированным русской и европейской традицией. Ближайшим ориентиром выступала общественная деятельность В. Короленко. В качестве доказательства этого тезиса приводится сопоставление поведенческой тактики Ф. Вигдоровой в деле Бродского и Короленко в деле Бейлиса. Отзывы современников о Ф. Вигдоровой подтверждают ее сознательную ориентацию на поведенческую модель «защитник», реализованную не только в деле Бродского, но и в социальной практике и публицистике. В аксиологию Ф. Вигдоровой, по свидетельству современников, входила деятельная помощь людям, гуманизм и стремление к справедливости. Публицистика Ф. Вигдоровой посвящена этике общественных отношений. Основу сюжета очерков составляют, как правило, драматичные события, требующие немедленного вмешательства общественности. Она ориентирует читателя на сопереживание и ответное активное социальное поведение. Так решается задача формирования деятельного участия граждан в судьбе друг друга, утверждается ценность сострадания и милосердия.

В статье делается вывод о том, что аксиология и поведенческая практика Ф. Вигдоровой включала в себя универсальные для русской и европейской традиции XIX в. ценности — антропоцентризм и гуманизм.

Ключевые слова: Ф. Вигдорова, дело Бродского, модель поведения защитник, поведенческие образцы, нонконформизм, социокультурная идентичность, культура социальной коммуникации, культура и личность.

Для цитирования: Серебрякова Е.Г. Идентичность «защитник» в социальной и профессиональной практике Фриды Вигдоровой // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 1. С. 72–83. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-72-83.

Как современные отечественные исследователи самиздата [1–3], так и зарубежные [4–7] не могут обойти вниманием роль писательницы и журналиста Фриды Вигдоровой в становлении неподцензурной публицистики. Ее имя традиционно связывается с делом Бродского, однако ее личностная и профессиональная позиция еще не получили всесторонней оценки.

Либеральная советская интеллигенция 1960–1970-х гг. ориентировалась на социальное поведение Ф. Вигдоровой как на образец. Правозащитник П. Литвинов, педагог и литературовед Э. Безносков рассказывали, что ее запись суда над И. Бродским определила их дальнейший жизненный путь [8, с. 249, 255]. Текст Ф. Вигдоровой служил ориентиром для составителей последующих отчетов о судах над диссидентами — А. Гинзбурга, П. Литвинова, Н. Горбаневской и др., а модель поведения «защитник» трансформировалась в правозащитную [9].

Заметим, что образец формирует последователей не всегда. Нужна особая логика общественного восприятия, чтобы пример приобрел субъективную значимость и начал служить ориентиром. Например, И. Паперно убедительно доказала влияние мемуарной прозы и жизненной модели А. Герцена на формирование

исторического самосознания писателей-шестидесятников, реализованного в их литературных и поведенческих практиках [10, с. 110]. К герценовскому коду следует добавить целую плеяду литературных и исторических персонажей. Культурный образец выполнял роль посредника, помогающего осмыслить личную жизнь в контексте истории. «Родовая память» актуализировала поведенческие модели, осмысленные сообществом как адекватные ситуации. Например, литераторам оказалась близка традиция, унаследованная русской культурой от европейского Просвещения — образ писателя-защитника, востребованный вследствие юридического преследования писателей-нонконформистов.

Цель данной работы — выявить истоки формирования поведенческой модели «защитник» в поведении Ф. Вигдоровой, охарактеризовать аксиологию, реализованную ею в общественной и профессиональной практике. Материалом исследования послужило литературно-публицистическое наследие писательницы и воспоминания о ней современников.

В. КОРОЛЕНКО КАК ОБРАЗЕЦ ПОВЕДЕНИЯ Ф. ВИГДОРОВОЙ В ДЕЛЕ БРОДСКОГО

Ориентация Ф. Вигдоровой на общественное и профессиональное поведение В. Короленко была замечена ее друзьями — Л. Чуковской [11, с. 394] и Р. Орловой [12, с. 285]. Несмотря на разницу художественных задач, этических позиций и, соответственно, различные акценты в образе Ф. Вигдоровой, расставленные авторами (для Л. Чуковской была важна литературная значимость записи суда над И. Бродским, а для Р. Орловой — общественный аспект ее писательского поступка), обе были едины во мнении: общественная деятельность В. Короленко по защите безвинно обвиненных удмуртов (мултанское дело) и главного фигуранта дела Бейлиса служила для Ф. Вигдоровой поведенческим образцом. Для такого вывода у Р. Орловой и Л. Чуков-

ской было серьезное основание — очевидная аналогия тактических приемов защиты, использованных обоими писателями.

Ф. Вигдорова и В. Короленко вскрывали «заказной» характер процессов. За кулисами дела Бейлиса В. Короленко видел киевских черносотенцев под покровительством В. Пуришкевича и министра юстиции И. Щегловитова, Ф. Вигдорова в деле Бродского — неосталинистов, не желающих сдавать руководящих позиций. Правда, журналист приглушила антисемитский дух процесса, зафиксированный, например, Л. Чуковской и А. Ахматовой [13, с. 117], поскольку такая трактовка конфликта снизила бы его масштаб. В ее версии власть судила не еврейского поэта, а художника, стремящегося целиком посвятить себя творчеству и ради этого пренебрегшего общепринятыми нормами социальной жизни — постоянной занятостью на производстве. Литераторы мобилизовали общественность ради диалога с государством. Их цель была разъяснить недопустимость репрессий, убедить представителей власти в губительных последствиях разжигания розни между национальностями (В. Короленко) или социальными слоями — «трудовым народом» и интеллигенцией (Ф. Вигдорова). Писатели возлагали надежды на нравственное чувство соотечественников, способное преодолеть антисемитизм местных властей и невежество присяжных (в случае Бейлиса), идеологическую тенденциозность свидетелей обвинения и судей, политическую ангажированность процесса (в случае Бродского). Итог дела для обоих литераторов — показатель нравственного климата в обществе, свидетельство духовного здоровья нации.

Добавим, что В. Короленко, в свою очередь, опирался на традицию, заложенную европейскими просветителями, в частности Вольтером, защищавшим французских протестантов от преследования католиков. Таким образом, за поведением В. Короленко, а тем более Ф. Вигдоровой, стояли великие личности, сформировавшие канон защитного поведения. Этот канон включал в себя ряд универсальных нравственных оснований:

- ◆ писатель-защитник апеллирует к власти и общественному мнению с позиций общечеловеческой морали; ценность личности выше

конфессиональной, национальной принадлежности или мировоззрения обвиняемого;

- ◆ справедливость выше политики и идеологии;

- ◆ гуманизм и сострадание должны быть главными законами человеческого общежития;

- ◆ защитник обвиненного осознает, что рискует личным благополучием, мобилизуя отечественную и мировую общественность на противодействие тенденциозному судебному решению, он действует, отчетливо сознавая персональную ответственность не только перед отдельной личностью — обвиненным, но перед историей, ход которой определяется индивидуальным стремлением каждого человека к прогрессу и справедливости.

Поведение Ф. Вигдоровой в деле Бродского было признано либеральной общественностью образцовым, а способы осмысления и артикуляции события, зафиксированные в записи суда над И. Бродским, каноничным текстом. Хотя за пересмотр приговора поэту ходатайствовала значительная группа (Н. Долинина, Л. Копелев, Р. Орлова и многие другие), инициатором и вдохновителем являлась, безусловно, Ф. Вигдорова. Признание либеральной интеллигенцией ценности поведения писательницы и ориентация последователей на ее образец объясняются, на наш взгляд, не только результативностью (приговор И. Бродскому, как известно, был пересмотрен), но и узнаваемостью исходного образца, восприятием ее модели поведения как вневременной, ценной в любую эпоху. Актуализация «родовой памяти», обращение к славным традициям предков налагала обязательства на потомков — соответствовать высокой роли защитника, входящей в миссию русской интеллигенции. В ходе последующих судебных процессов над литераторами составители книг-отчетов: А. Гинзбург («Белая книга о деле Синявского и Даниэля»), П. Литвинов («Процесс четырех»), Н. Горбаневская («Полдень») и другие тиражировали образец поведения Ф. Вигдоровой, наделив его статусом нормативного. В общественных акциях (петиционных кампаниях, «Митинге гласности» 5 декабря 1965 г., создании специальных комитетов в защиту репрессиро-

ванных и др.) нонконформисты сохранили защитную риторику, дополнили ее правозащитной и подтвердили неизменность исходной позиции.

ПОЗИЦИЯ Ф. ВИГДОРОВОЙ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОСТЕЙ

Утверждение М.М. Бахтина о том, что поступать определенным образом человека заставляет не содержание обязательства, а личная подпись под ним [14, с. 49], по нашему мнению, могла бы сделать и Ф. Вигдорова. Сутью ее характера мемуаристы называют деятельное участие, которое она настойчиво проповедовала в статьях и очерках. Работа депутата райсовета, по свидетельству дочери, отнимала у Ф. Вигдоровой много сил, но не была бесполезной: за полтора года ей удалось переселить из подвалов и барачников 100 семей. Н. Мандельштам была благодарна ей за московскую прописку, А. Амальрик — за продолжение учебы на историческом факультете МГУ после фактического исключения из вуза, И. Грекова — за вхождение в литературу. Помощь друзьям и вовсе незнакомым людям была логичным продолжением журналистской работы. Н. Мандельштам писала: «Взявшись за дело, Фрида вгрызалась в него мертвой хваткой и не выпускала, пока не добьется своего. Она берется при этом за безнадежные дела и [все-таки] добивается своего» [15, с. 386]. В том же духе высказывалась И. Грекова: «Сколько было за это время — начало 60-х — сделано Фридой по-настоящему гражданственных — в высоком смысле слова — дел! <...> Главным для нее была подлинность страдания, а этого не подделаешь. Все время она за кого-то заступалась, что-то отвоевывала. <...> Звонила по разным инстанциям, ходила лично, просила помочь. <...> Вот где ей служило добрую службу ее обаяние: человеку с такими глазами, с такой улыбкой, как у Фриды, трудно было отказать! Как она радовалась при удаче, а при неудаче как близко и горько принимала происшедшее к сердцу!» [16, с. 14]. Существенную характеристику добавляла Л. Чуковская: «От доброго поступка Фрида требовала полноты, щедрости — того,

что делает поступок не только правильным, но и красивым. Она сильно чувствовала эстетику добра» [11, с. 376]. Как видим, восприятие личности мемуаристами выдержано в традициях классической эстетики: идеал — картезианская личность, обладающая цельностью самосознания, восприятия окружающего мира и действенным выражением своего мировоззрения. Этическая наполненность поступка — спасать, защищать обиженных — подкреплена эстетической характеристикой: прекрасная женщина совершает красивые поступки. Такое толкование характера соответствует не только личности Ф. Вигдоровой, но и мировоззренческой позиции ее современников, оценивающих человека по его соответствию идеалу.

Мемуаристы неизменно называют главным качеством личности Ф. Вигдоровой готовность вступаться за обиженных, помогать и словом, и делом. Истоки этой нравственной позиции Н. Мандельштам находила в глубокой религиозности: «Присмотревшись к Фриде, я увидела, что у нее в душе есть Бог, вера в которого определяет все ее поведение, всю ее жизненную линию. Отсюда ее деятельная любовь к людям, ее уважение к ценностям, ее железная твердость, ее неспособность к компромиссам. Отсюда ее зоркость и сознание долга. <...> Фрида слышала и видела и поэтому имела возможность всегда меняться и пересматривать идеи, которые ей смолоду вбивали в голову» [15, с. 390]. По мысли Н. Мандельштам, духовное развитие Ф. Вигдоровой происходило от «советскости» к подлинным ценностям, в ее толковании — христианским. Личностная динамика сведена Н. Мандельштам к социальности: по ее мнению, менялось отношение Ф. Вигдоровой к советским «священным обычаям», с годами пришло осознание антигуманной логики государственной системы. Такое понимание было созвучно нонконформистскому дискурсу, классифицировавшему явления в бинарных оппозициях, в частности «русский — советский». Христианство, как знак русской культуры, толковалось Н. Мандельштам как принадлежность носителя к высшей системе нравственных координат, в отличие от лживой советской.

Свое объяснение мировоззренческой позиции Ф. Вигдоровой предлагала Л. Чуковская. Исповедуя секулярные ценности ев-

ропейского Просвещения, она указывала на позитивизм как философское основание мироощущения, профессиональной и социальной деятельности Ф. Вигдоровой. Нравственная опора на мировую культуру составляла, по убеждению Л. Чуковской, суть ее мировоззрения. С Н. Мандельштам Л. Чуковская соглашалась в определении логики личностной динамики — от приятия действительности к прозрению. Вопрос, была ли Ф. Вигдорова оппозиционна власти, кажется, снимается И. Грековой, которая вспоминала слова, услышанные от нее на прогулке: «Я глубоко антисоветский человек» [16, с. 268]. Однако самооценка может быть ошибочной. Самосознание Ф. Вигдоровой исторично, она идентифицировала себя как продолжателя европейских и русских традиций заступничества, осуществленных А. Герценом, В. Короленко и др. Гражданский поступок для нее — часть не только социальной, но и эстетической программы: художник обязан отзываться душой на людскую боль и действенно, творчеством влиять на современность. Такова была позиция русских литераторов XIX в. и Ф. Вигдоровой — писателя и журналиста века. Ее «антисоветскость» не социально-политического, а этического и эстетического свойства. В своих «защитных» акциях она не противопоставляла себя власти, а отстаивала универсальные нравственные ценности — справедливость и милосердие как правила общежития, свободомыслие как основу самосознания и личностного поведения.

А. Раскина, ее дочь, вспоминала слова, услышанные от матери в связи с работой депутатом райсовета: «Можно советскую власть хвалить, можно ее ругать. Но дело в том, что ее нет — советской власти. Нет у советов никакой власти» [17, с. 268]. В этих словах нет осуждения советской власти как таковой, звучит лишь сожаление о слабости самоуправления, отсутствии полномочий у демократических по своей сути государственных институций.

Нетрудно обнаружить, что в совершаемых Ф. Вигдоровой действиях нет главного свойства оппозиционности — нарушения поведенческих стереотипов, сознательной ориентации на протест. Нравственный человек помогает другим людям, способен к состраданию, стре-

мится отстаивать справедливость — это аксиомы общественной морали. Вигдорову выделяет степень личного проживания общепринятых норм, энергичность и полная самоотдача, с которой она совершает деяния.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ф. ВИГДОРОВОЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТНОЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Мировоззренческая позиция Ф. Вигдоровой может быть определена как концепция деятельного участия, декларируемая в творчестве и осуществленная на практике. Ее публицистическое наследие состоит преимущественно из очерков на педагогическую и нравственную тематику.

Очерки, как правило, посвящены драматичному событию, требующему немедленного вмешательства общественности: несправедливому увольнению учительницы из музыкальной школы, тюремному заключению вчерашнего школьника и т. п. Толкование факта, положенного в основу сюжета, взволнованный способ авторского высказывания ориентируют читателя на сопереживание, эмоциональное включение в ситуацию, моделируют ответное активное гражданское поведение. Так решается воспитательная задача — формируется деятельное участие граждан в судьбе друг друга, сострадание и милосердие декларируются как необходимые принципы жизнеспособности общества.

Профессиональное поведение Ф. Вигдоровой можно оценить как моральную инженерию: ее аналитика социальных явлений предполагает программирование нравственного поведения граждан. Для этой цели она избирает особую систему координат. Центральное происшествие в статьях («Кем вы ему приходиться?», «Плохой студент?», «Аморальное поведение») осмыслено в категории не проблемы, а беды. Проблема — жизненная задача, предполагающая рациональное осмысление и разрешение. Ее значение в жизни человека может быть позитивным: преодолевая обстоятельства, он обогащает свой жизненный опыт. Беда — сотрясение жиз-

ненных основ, разразившаяся катастрофа, ставящая потерпевшего на грань жизни и смерти. Здесь нет места долгим размышлениям, равнодушные люди должны действовать безотлагательно и решительно. Это проверка самого человека и его окружения на качество. Исходные признаки главного события в фабуле очерка позволяют оценить компоненты, из которых складывается картина мира и человека.

В аксиологии автора на первом месте стоит человек. «...Обороняйте людей, люди стоят защиты» — так, по мнению Л. Чуковской, звучит главная мысль всех книг и статей Ф. Вигдоровой [11, с. 366]. В соответствии с основной этической задачей выстраивается ценностная иерархия, определяются доминанты. Участие и взаимопомощь — важнейшие концепты авторской картины мира. В семантическое поле понятия «участие» входят не только «сочувствие», «сострадание», но и «поступок», действие во имя человека, потому что в статьях данные категории выступают как взаимодополняющие. Эти ценностные ориентиры обладают для людей силой нравственного влияния, спланируют общество в нерушимое единство, способны создать целостный, гармоничный миропорядок.

В публицистике подчеркнута действенная роль личности. Поступок — мера человечности и гражданственности. «Нет поступков, не оставляющих следа», — провозглашает журналист и разворачивает этот тезис в своих статьях [8, с. 35]. Герой очерка «Двойка по истории» после тюремного заключения смог социализироваться благодаря отзывчивости людей, поддерживавших в нем лучшие порывы. Обучение центрального персонажа осмыслено в нравственном плане: он постиг законы человеческого общежития, осознал всю меру ответственности за собственную жизнь. В каждом заложена возможность стать лучше или хуже. Важно, чтобы житейские уроки были добрыми и честными, тогда в ответ открываются души, пробуждается разум. Желание духовного роста непременно должно быть поддержано ближайшим окружением и сочувствием общественности. Люди обязаны помогать друг другу в реализации духовного потенциала. Взаимопомощь фиксируется в очерках как поведенческий образец.

В соответствии с эстетикой соцреализма художник слова должен утверждать общественно

значимый идеал, приближать его своим творчеством. Ф. Вигдорова следует этому назначению. Образцовое общество в модели ее мира строится по образцу семьи: духовные связи подобны родственным. Сородичи переживают друг за друга, поддерживают и помогают. Таким же сострадательным сердцем должны обладать граждане, готовые содействовать слабым и потерпевшим бедствие членам общества. Все связаны взаимной ответственностью, осознаваемой или нет. В первом случае устанавливаются гармоничные отношения, несправедливость в отношении человека, его житейские бедствия могут быть преодолены совместными усилиями. Во втором — трагический исход неминуем. Не безличные законы, а люди определяют ход жизни. Главный аргумент обвинения в аксиологии Ф. Вигдоровой — гибель человека из-за чужого равнодушия, казенно-бюрократического отношения к его страданиям.

Многие статьи посвящены педагогическим проблемам: «...Извлекает искры», «Костер без пламени», «Глаза пустые и глаза волшебные» и др. Исследовательница Е. Пенская, анализируя взаимосвязь советской журналистики и педагогики в первые годы оттепели, отмечает: «В те годы пресса взяла на себя целый ряд изначальных не свойственных ей функций, в том числе традиционных для образовательных институтов» [18, с. 266]. В частности, журналисты активно включились в обсуждение новой стратегии образования, предложенной педагогической наукой в 1958 году. Ряд идей (создание многовариантных типов учебных заведений, школ для одаренных детей, развитие детской самостоятельности и творчества) широко обсуждался в прессе и был близок Ф. Вигдоровой, убежденной в необходимости индивидуального подхода к ученику [19, р. 19], развития в ребенке творческого потенциала, гуманизации системы образования.

Ф. Вигдорова решает не только педагогические задачи, но и моделирует новый характер взаимодействия общества и школы — заинтересованный, неформальный. Педагогические проблемы получают у писательницы нравственно-этическое толкование, в них осязательна солидарность Ф. Вигдоровой с идеями В. Сухомлинского, развивавшего гуманистические традиции русской педагогики. Он являлся убе-

жденным сторонником педагогики сотрудничества, основанной на уважении взрослых к свободе личности ребенка, признании ценности его внутреннего мира.

Учитель — знаковая фигура в мироздании Ф. Вигдоровой. В соответствии с русской традицией это понятие аксиологически нагружено. Ему сопутствуют близкие по семантике «наставник», «старший друг». Обучение и воспитание — неразрывные, взаимодополняющие процессы. Миссия учителя высока и благородна — пробудить самосознание в ученике, помочь осмыслить законы жизни и общества. Духовное соответствие профессии предполагает непрекращающуюся нравственную работу и неизменную честность перед учениками. Общечеловеческие ценности провозглашались В. Сухомлинским и Ф. Вигдоровой как универсальные в педагогике и социальной практике. Школа, семья, друзья — все окружение ребенка несет моральную ответственность за формирование его внутреннего мира и дальнейшую судьбу. Главная героиня очерка «Кем вы ему приходиться?» борется за пересмотр уголовного наказания ученику. Тот совершил преступление, поскольку разуверился в людях. Однако пример учителя, поддержка друзей и родных заставили подростка выйти из тупика эгоистической обиды, пробудили самосознание. Воспитательная семантика очерка очевидна: борьба за человеческую душу благородна и небесполезна, общество скрепляется нравственно-этическими взаимосвязями, умением поддержать попавшего в беду.

Позиция В. Сухомлинского и Ф. Вигдоровой совпадала в определении конечных усилий педагога и общественности — формировании гармонически развитой личности, соединяющей интеллект, эстетическое и этическое начала в целостное единство. Эту воспитательную задачу предлагалось решать с помощью художественной литературы, которая, по словам Ф. Вигдоровой, «строит душу». В классических текстах зафиксирован духовный опыт человечества, т. е. истинные знания о жизни. Литературные примеры способны стать поведенческими образцами, определить вневременную систему нравственных координат.

Идеологические усилия признанного педагога-новатора и журналиста укладывались в официальную парадигму. Картезианский иде-

ал человека, трансформированный в марксистской идеологии в концепцию всестороннего развития личности, разрабатывался советской философией и внедрялся в массовое сознание. Акцент делался на проблеме формирования коммунистического типа личности и путях практического осуществления этого процесса. Принятый на XXII Съезде КПСС «Моральный кодекс строителя коммунизма» вновь декларировал известные постулаты. Сущность воспитания трактовалась как формирование социалистических нравственных отношений, основанных на общечеловеческих (честность, правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни, непримиримость к несправедливости, гуманные отношения и взаимное уважение между людьми) и классовых ценностях (преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине и к странам социализма). Закрепление «Морального кодекса строителя коммунизма» в поведенческих нормах предполагало активные воспитательные практики, применяемые различными государственными институциями, включая среднюю и высшую школу, средства массовой информации.

Феномен Ф. Вигдоровой как журналиста заключался в умении наполнить живым смыслом официальные идеологические стереотипы: «личность воспитывается в коллективе», «товарищеская взаимопомощь — основа социалистической морали», «человек — творец своей судьбы» и т. д. Решить эту непростую задачу удалось не только благодаря высокому профессионализму, но и самобытности личности, поражавшей друзей и знакомых нравственной цельностью, провозглашенной в статьях и подтвержденной всей жизнью.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЗАЩИТНОЙ ПОЗИЦИИ Ф. ВИГДОРОВОЙ

В 1960-е гг. произошло новое открытие идей М. Бахтина: были переизданы книги «Проблемы поэтики Достоевского» (1963) [20], «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»

(1965) [21]. Однако фрагмент большого труда 1920-х гг., получивший название «К философии поступка» [14], увидел свет лишь в 1986 году. Принципиальная в творчестве М. Бахтина работа оставалась в те годы неизвестной. Тем показательнее для оценки общего движения интеллектуально-нравственных поисков тех лет очевидное совпадение рефлексии философа и писательницы.

У М. Бахтина основополагающим феноменом выступает ответственность. Ответственный способ существования предполагает совершение поступков на основании признания своей причастности бытию — «не-алиби» в нем. В ответственном поступке, по М. Бахтину, сочетается потребность отыскать истину, этика, эстетика и действие: поступок познания исходит из понимания абсолютной ценности истины. Каждая мысль есть поступок, на кон ставятся не нравственные нормы, а степень соответствия человека бытию. Истина должна быть высказана. Так рождается слово как поступок. Творчество должно стать ответственным поступком. Таковой должна стать и вся жизнь. Поступок — способ существования человека в мире: «Все содержательно-смысловое: бытие — как некоторая содержательная определенность, ценность — как в себе значимая, истина, добро, красота и пр. — все это только возможности, которые могут стать действительностью только в поступке на основе признания единственной причастности моей» [14, с. 41]. Ответственность — залог единства культуры и жизни. Осознав это, можно избежать «неучастности» в бытии, то есть случайности сделанного, сказанного, прожитого, а значит, конформизма в жизни и конъюнктуры в творчестве.

Ф. Вигдорова в полной мере реализовала бахтинский принцип «не-алиби в бытии». Не зная статьи философа, не осмысливая собственное творчество с философских позиций, она двигалась в постижении законов бытия в одном направлении с ним. Писательница обладала тем типом мышления, которое М. Бахтин называл «участным». Ее позиция деятельного участия адекватна бахтинским представлениям о сущности и назначении человека в мире.

Ф. Вигдорова оценивала человека как существо гуманное. Его истинная природа рас-

крывается в сострадании и помощи слабому. Сочувствие предполагает содействие. «Человечество живо одною круговою порукой добра» — эти строки, любимые М. Цветаевой [22, с. 36], казались Л. Чуковской лучшим выражением побудительных мотивов поступков подруги: «Фрида была работником добра и всех вокруг делала своими — и добра! — сотрудниками. Ступив в поле ее излучения (слова Р.Д. Орловой. — Л. Чуковская), каждый незаметно и естественно становился звеном в создаваемой ею цепи» [11, с. 364].

В мировоззрении Ф. Вигдоровой человек выступает как гуманизатор, который с позиции культурно-исторических ценностей, своей милосердной сущности влияет на обстоятельства, условия жизни и очеловечивает мир вокруг себя.

Мир действительно требует гуманизации. Начинать ее нужно с повседневно-бытовой сферы: помочь другому не разувериться в себе, поддержать словом и делом. Человечность — главный закон существования людей, категорический императив. Осознать это — значит принять личную ответственность за происходящее в стране и мире. Ответственный поступок, могла бы сказать она вслед за М. Бахтиным, предполагает причастность не только событиям окружающего мира, но и другим людям, являющимся одновременно соучастниками и потенциальными свидетелями такого самоуверения.

Гуманизации подлежат буквально все сферы жизни: и система социальных институтов (а значит, она не могла отказаться от депутатской работы), и профессиональная деятельность (выежала по письмам читателей в самые отдаленные уголки страны), и система образования и воспитания (эти темы — центральные в ее творчестве), и частная жизнь (дочь вспоминала, что вся семья была заочно знакома с героями очерков и сопереживала стараниям матери, ближайшее окружение приобщалось к милосердной деятельности).

Дж. Фюрст отмечала отсутствие дихотомии «частное» — «общественное» в самосознании интеллигенции начала оттепели [23, р. 243]. Это утверждение справедливо в отношении Ф. Вигдоровой, которая, как и значительная часть либеральной интеллигенции, хотела внести свой

вклад в коллективное благо и верила в существование индивидуального и общественного совершенства. Эти стремления придавали общественным и профессиональным действиям либеральной интеллигенции тех лет «морально-абсолютистский» характер [24, р. 13].

Соучастие в чужой судьбе сродни творчеству, но особого свойства: создаются не произведения искусства, а нечто большее — ответный позыв души к добру, пробудившаяся потребность помогать другим. Этот нравственный императив соответствует словам К. Маркса: «Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д.» [25, с. 150–151]. Отзываясь на чужую беду, человек одухотворяет мир, становится причастен продолжающемуся становлению бытия. В позиции деятельного участия проявляется полнота сопричастности человека миру. Оставаясь на позициях марксистского мировоззрения, Ф. Вигдорова в повседневной практике и профессиональной деятельности реализовывала те постулаты, которые считала главными — гуманизм и деятельное стремление к справедливости.

Подведем итог. В социальной практике и профессиональном поведении Ф. Вигдорова ориентировалась на универсальные культурные образцы. Согласно онтологии и аксиологии Ф. Вигдоровой, человек — гуманизатор, его творческая и созидательная энергия реализуется в помощи другим людям, ответственном поступке, нацеленном на преобразование бытия по универсальным законам справедливости и милосердия. Опереться в созидательных стремлениях к добру можно на классическую культуру. В ней сконцентрирована память и весь духовно-нравственный опыт человечества, даны фундаментальные принципы самосмысления и отношения к жизни. Личность, впитавшая культурный опыт человечества, преодолевает дискретность времени, осознает себя продолжателем универсальных, вневременных традиций.

Свою социокультурную идентичность Ф. Вигдорова формировала по модели «защитник», ориентируясь в общественной практике на великих предшественников (Воль-

тер, А. Герцен, В. Короленко). Поведенческие образцы помогали выстроить безошибочную систему координат для моделирования собственных действий. Защитная практика не исчерпывалась делом Бродского, реализовывалась в общественной работе депутата райсовета и профессиональной деятельности. В основе такой поведенческой модели лежат аксиологические принципы, наследованные советской культурой у русской и европейской традиции Нового времени, — антропоцентризм и гуманизм.

Социокультурную позицию Ф. Вигдоровой можно оценить как интериоризацию. В ее самосознании «советское» и «русское» не составляли оппозиционную пару, а дополняли друг друга, «советское» осмысливалось как продолжение традиций русской классической культуры.

Список источников

1. Русина Ю. Самиздат в СССР: тексты и судьбы [Электронный ресурс] / Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина : офиц. сайт. Екатеринбург, 2015. 195 с. URL: <http://docplayer.ru/25979076-Yu-a-rusina-samizdat-v-sssr-teksty-i-sudby.html> (дата обращения: 10.01.2019).
2. Блюм А. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. Санкт-Петербург : Академический проект, 2005. 296 с.
3. Титов В. Фрида Вигдорова как персонификатор «оттепели» [Электронный ресурс] // Вестник Евразии. 2006. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/frida-vigdorova-kak-personifikator-ottepeli> (дата обращения: 15.01.2019).
4. Вессье С. За вашу и нашу свободу! : Диссидентское движение в России. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.
5. Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. Москва : РОССПЭН, 2010. 364 с.
6. Проффер К. Заметки к воспоминаниям об Иосифе Бродском // Без купюр. Москва : АСТ: CORPUS, 2017. С. 193–283.
7. Bowlit J.E. Russian Samizdat Art : Essays. New York : Willis Locker & Owens Pub, 1986. 210 p.
8. Вигдорова Ф. Право записывать / сост. Е. Вигдорова, А. Раскина. Москва : АСТ, 2017. 416 с.

9. Розенблюм О. Но от знания до поведения тоже есть еще путь, и немалый : образ писателя-защитника в воспоминаниях о Фриде Вигдоровой (1965–1966) [Электронный ресурс] // Семиотика поведения и литературные стратегии : Лотмановские чтения — XXII. Вып. 3. Москва : РГГУ. 2017. С. 303–322. URL: <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=2633286> (дата обращения: 20.11.2018).
10. Паперно И. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // Новое литературное обозрение. 2004. № 68. С. 102–128.
11. Чуковская Л. Памяти Фриды // Сочинения : в 2 т. Москва : Гудьял-Пресс, 2000. Т. 1. С. 357–429.
12. Орлова Р. Фрида Вигдорова // Воспоминания о непростом времени. Москва : Слово, 1993. С. 278–325.
13. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой : в 3 т. Москва : Время, 2013. Т. 3. 608 с.
14. Бахтин М. К философии поступка // Собрание сочинений : в 7 т. Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 7–69.
15. Мандельштам Н. О Фриде Вигдоровой // Вигдорова Ф. Право записывать. Москва : АСТ, 2017. С. 384–410.
16. Грекова И. Свет доброты // Вигдорова Ф. Право записывать. Москва : АСТ, 2017. С. 13–27.
17. Раскина А. Фрида Вигдорова и дело Бродского: мифы и реальность // Вигдорова Ф. Право записывать. Москва : АСТ, 2017. С. 258–280.
18. Пенская Е. «1968» в прессе 2008 : Российская журналистика 1960-х как образовательная среда // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 266–279.
19. Mayofis M. «Individual Approach» as a Moral Demand and a Literary Device : Frida Vigdorova's Pedagogical Novels // Partial Answers : Journal of Literature and the History of Ideas. 2015. Vol. 13, № 1. P. 19–41.
20. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений : в 7 т. Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300.
21. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Собрание сочинений : в 7 т. Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 2010. Т. 4 (2). С. 7–517.
22. Цветаева М. Искусство при свете совести // Собрание сочинений : в 7 т. Москва : Терра : Книжная лавка-ПТР. 1997. Т. 5. Кн. 2. С. 24–53.
23. Fürst J. Friends in Private, Friends in Public : The Phenomenon of the *Kompaniia* Among Soviet Youth in the 1950s and 1960s // Borders of Socialism : Private Spheres of Soviet Russia / ed. L.H. Siegelbaum. New York : Palgrave Macmillan, 2006. P. 229–249.
24. Tökés R.L. Varieties of Soviet Dissent : An Overview // Dissent in the USSR. Politics, Ideology and People. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1975. 453 p.
25. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.

The “Advocate” Identity in Social and Professional Practice of Frida Vigdorova

Elena G. Serebryakova

Voronezh State University, 1, Universitetskaya Sq., Voronezh, 394018, Russia
ORCID 0000-0002-5281-8192; SPIN 2777-8959
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Abstract. *The object of the research is the social and professional position of the writer and journalist Fri-*

da Vigdorova, which was estimated by the Soviet liberal intelligentsia of the 1960s–1970s as extremely valuable. Her record of the trial of I. Brodsky served as a model for the drafters of reports on the trials of dissidents — A. Ginzburg, P. Litvinov, N. Gorbanevskaya, and others. Nonconformists shared the worldview principles of Vigdorova, replicated her behavioral model in the process of protecting dissidents from persecution of the authorities, and made the “advocate” model the standard of public behavior. The article aims to identify the origins of the “advocate” behavioral model formation and to characterize the journalist’s axiology. Frida Vigdorova’s jour-

nalism and memoirs of her contemporaries served as the study material.

The author asserts that Vigdorova modeled her social and professional behavior on the samples created by the Russian and European tradition. V. Korolenko's public activities was the closest reference point. To prove this thesis, the author compares Vigdorova's behavioral tactics in the “case of Brodsky” and Korolenko's in the “case of Beilis”. Comments of Vigdorova's contemporaries confirm her conscious orientation to the “advocate” behavioral model, implemented not only in the “case of Brodsky”, but also in her social practice and journalism. Vigdorova's axiology, according to her contemporaries, included active help to people, humanism and a desire for justice.

Vigdorova's journalism is devoted to the ethics of social relations. The plot of her essays is usually based on dramatic events requiring immediate public intervention. She orients the reader to empathy and active social behavior in response. Thus, the task of forming the active participation of citizens in the fate of each other is solved; the value of compassion and mercy is established.

The article concludes that the axiology and behavioral practices of Vigdorova included the universal values for the Russian and European tradition of the 19th century — anthropocentrism and humanism.

Key words: F. Vigdorova, case of Brodsky, “advocate” behavioral model, behavioral patterns, non-conformism, sociocultural identity, culture of social communication, culture and personality.

Citation: Serebryakova E.G. The “Advocate” Identity in Social and Professional Practice of Frida Vigdorova, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 72–83. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-72-83.

References

1. Rusina Yu. *Samizdat v SSSR: teksty i sud'by* [Samizdat in the USSR: Texts and Fates], 2015, 195 p. Available at: <http://docplayer.ru/25979076-Yu-a-rusina-samizdat-v-sssr-teksty-i-sudby.html> (accessed 10.01.2019).
2. Blyum A. *Kak eto delalos' v Leningrade. Tsenzura v gody ottepeli, zastoya i perestroiki. 1953–1991* [How It Was Done in Leningrad. Censorship in the Years of Thaw, Stagnation and Restructuring. 1953–1991]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 2005, 296 p.
3. Titov V. Frida Vigdorova as a Personator of the “Thaw”, *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2006, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/frida-vigdorova-kak-personifikator-ottepeli> (accessed 15.01.2019) (in Russ.).
4. Vaissié C. *Za vashu i nashu svobodu! Dissidents-koe dvizhenie v Rossii* [For your and our Freedom! The Dissident Movement in Russia]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2015, 576 p.
5. Boobbyer Ph. *Conscience, Dissent and Reform in Soviet Russia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 364 p. (in Russ.).
6. Proffer C. Notes to the Memoirs of Joseph Brodsky, K. Proffer. *Bez kupyur* [C. Proffer. Without Cuts]. Moscow, AST: CORPUS Publ., 2017, pp. 193–283 (in Russ.).
7. Bowlt J.E. *Russian Samizdat Art: Essays*. New York, Willis Locker & Owens Pub, 1986, 210 p.
8. Vigdorova F. *Pravo zapisyvat'* [The Right to Write]. Moscow, AST Publ., 2017, 416 p.
9. Rozenblyum O. However, from Knowledge to Behavior, There Is Also a Path, and a Considerable One: The Image of an Advocating Writer in the Memoirs of Frida Vigdorova (1965–1966), *Semiotika povedeniya i literaturnye strategii: Lotmanovskie chteniya — XXII. Vyp. 3* [Semiotics of Behavior and Literary Strategies: Lotman Readings — XXII. Issue 3]. Moscow, RGGU Publ., 2017, pp. 303–322. Available at: <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=2633286> (accessed 20.11.2018) (in Russ.).
10. Paperno I. Soviet Experience, Autobiographical Writing, and Historical Consciousness: Ginzburg, Herzen, Hegel, *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2004, no. 68, pp. 102–128 (in Russ.).
11. Chukovskaya L. To the Memory of Frida, *Soch.: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow, Gud'yal-Press Publ., 2000, vol. 1, pp. 357–429 (in Russ.).
12. Orlova R. Frida Vigdorova, *Vospominaniya o neprosheishem vremeni* [Memories of the Non-Past Time]. Moscow, Slovo Publ., 1993, pp. 278–325 (in Russ.).
13. Chukovskaya L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi: v 3 t.* [Notes about Anna Akhmatova: in 3 volumes]. Moscow, Vremya Publ., 2013, vol. 3, 608 p.
14. Bakhtin M. To the Philosophy of Action, *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected Works: in 7 volumes]. Moscow,

- Russkie Slovarei Publ., Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2003, vol. 1, pp. 7–69 (in Russ.).
15. Mandelstam N. About Frida Vigdorova, *Vigdorova F. Pravo zapisyvat'* [Vigdorova F. The Right to Write]. Moscow, AST Publ., 2017, pp. 384–410 (in Russ.).
 16. Grekova I. The Light of Kindness, *Vigdorova F. Pravo zapisyvat'* [Vigdorova F. The Right to Write]. Moscow, AST Publ., 2017, pp. 13–27 (in Russ.).
 17. Raskina A. Frida Vigdorova and the Case of Brodsky: Myths and Reality, *Vigdorova F. Pravo zapisyvat'* [Vigdorova F. The Right to Write]. Moscow, AST Publ., 2017, pp. 258–280 (in Russ.).
 18. Penskaya E. "1968" in the Press of 2008: Russian Journalism of the 1960s as an Educational Environment, *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], 2009, no. 1, pp. 266–279 (in Russ.).
 19. Mayofis M. "Individual Approach" as a Moral Demand and a Literary Device: Frida Vigdorova's Pedagogical Novels, *Partial Answers: Journal of Literature and the History of Ideas*, 2015, vol. 13, no. 1, pp. 19–41.
 20. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics, *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected Works: in 7 volumes]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2002, vol. 6, pp. 7–300 (in Russ.).
 21. Bakhtin M.M. Francois Rabelais's Works and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance, *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected Works: in 7 volumes]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2010, vol. 4 (2), pp. 7–517 (in Russ.).
 22. Tsvetaeva M. Art under the Light of Conscience, *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected Works: in 7 volumes]. Moscow, Terra Publ., Knizhnaya Lavka-RTR Publ., 1997, vol. 5, book 2, pp. 24–53 (in Russ.).
 23. Fürst J. Friends in Private, Friends in Public: The Phenomenon of the Kompaniia Among Soviet Youth in the 1950s and 1960s, *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2006, pp. 229–249.
 24. Tökés R.L. Varieties of Soviet Dissent: An Overview, *Dissent in the USSR. Politics, Ideology and People*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1975, 453 p.
 25. Marks K. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844, *Marks K., Engel's F. Sochineniya* [Marx K., Engels F. Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1974, vol. 42, pp. 41–174 (in Russ.).

17–19 октября 2019 г., Уфа

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ЭЛЕКТРОННАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Цель конференции: анализ вопросов компьютерной лингвистики языков народов Российской Федерации, обсуждение проблем сохранения языков в условиях глобализации и техногенного развития человеческой цивилизации, укрепление научных связей и обмен опытом.

На конференции будут рассматриваться следующие проблемы:

- ◆ Компьютерные программы поддержки национальных языков.
- ◆ Лингвистические базы данных, документирование языка.
- ◆ Электронные библиотеки и энциклопедии.
- ◆ Электронные образовательные ресурсы и проблемы цифровизации национального образования.
- ◆ Национальные корпуса языков, опыт создания и применения корпусов в научной и образовательной практике.
- ◆ Морфологические и синтаксические анализаторы.
- ◆ Машинный перевод и обработка речи.
- ◆ Пути стимулирования активности языкового сообщества, функционирование языка в социальных сетях.
- ◆ Нормативно-правовое обеспечение электронной письменности языков народов РФ.

Контактная информация – e-mail: buskl@yandex.ru

УДК 025.17:027.2
ББК 78.350.4 + 78.347.41 (2Рос)
DOI 10.25281/2072-3156-2019-16-1-84-95

М.В. ЛЕВНЕР

РЕДКИЕ ИЗДАНИЯ БИБЛИОТЕКИ ПО ЕСТЕСТВЕННЫМ НАУКАМ РАН НА СЛУЖБЕ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Михаил Вениаминович Левнер,

Библиотека по естественным наукам
Российской академии наук,
отдел редких изданий и архивных документов,
заведующий отделом
Знаменка ул., д. 11, Москва, 119991, Россия

кандидат технических наук,
заслуженный работник культуры РФ
ORCID 0000-0003-3548-9689; SPIN 3653-8384
E-mail: levner@benran.ru

Реферат. Целью статьи является отражение результатов исследований и доведения до технологической реализации в Библиотеке по естественным наукам Российской академии наук (БЕН РАН) полного цикла работ от выявления редких книг в фонде, их описания и сканирования до регистрации в Сводном каталоге и Электронной библиотеке. Дано краткое описание разрабатываемого в БЕН РАН комплекса программных

средств для создания Электронного каталога и полнотекстовой Электронной библиотеки редких изданий, а также схемы автоматизированного взаимодействия всех технологических отделов, участвующих в процессе. Приводятся сведения о практической реализации и направлениях развития технологии. Дается краткий обзор проведенных научных исследований с выявленной частью фонда редких изданий БЕН РАН. Впервые в Центральной библиотеке (ЦБ) БЕН РАН реализованы Сводный каталог и Электронная библиотека редких изданий, отражающие не только их библиографические данные, но и сведения о специфических особенностях каждого издания (авторские надписи, экслибрисы, штампы и т. д.). Введены в научный оборот ранее недоступные исследователям редкие издания, которые уже используются учеными институтов РАН. Выявлены и описаны материалы о географических экспедициях XVIII–XIX вв., образцы отечественного и зарубежного книгопечатания XVIII века. Впервые в БЕН РАН проведены иссле-

дования, связанные с историей российской науки и книгопечатания, выявлены экслибрисы и владельческие знаки российских ученых, которые ранее не отражались в каталогах. Тем самым открыт новый культурный пласт исторических данных, ныне доступный исследователям.

Ключевые слова: библиотека, культурное и научное наследие, электронные ресурсы, редкие издания, книжные памятники, библиотечное дело, история науки, анализ состава фондов, перемещенные ценности, сводный каталог, электронная библиотека редких изданий, историко-культурное наследие.

Для цитирования: Левнер М.В. Редкие издания Библиотеки по естественным наукам РАН на службе культуры и исторической науки // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 1. С. 84–95. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-84-95.

Бiblioteca по естественным наукам Российской академии наук (БЕН РАН), созданная в 1973 г., и библиотеки научных институтов РАН, включенные с этого времени в Централизованную библиотечную систему БЕН РАН (ЦБС БЕН РАН) и имеющие значительно более длительную историю, главной своей задачей считали наиболее полное, качественное и оперативное информационное обеспечение научных исследований, проводимых в учреждениях РАН. При этом основным направлением являлось обеспечение ученых *новой текущей* научной информацией.

Вместе с тем в фондах как Центральной библиотеки (ЦБ) БЕН РАН, так и библиотек ее сети, некоторые из которых существуют с XIX в., имеется немалое количество изданий прежних веков, которые можно отнести к категории редкой книги. Однако эти фонды использовались крайне мало и находились на периферии информационного обеспечения текущих научных исследований, рассматривались как необходимая для хранения историческая (музейная) часть фонда. Данными изданиями и вопросами истории науки пользователи системы БЕН РАН практически не

интересовались, а следовательно, этому направлению внимания уделялось недостаточно. В последние годы в системе РАН оживился интерес к истории развития науки, особенно отечественной. Сохранение научного наследия и создание условий его эффективного использования современными информационными средствами стало рассматриваться как органическая часть стратегии развития отечественной науки и культуры. Начали создаваться различные электронные библиотеки, ориентированные на включение в научный оборот редких и труднодоступных изданий прошлого. При организации таких библиотек весьма востребованной оказалась литература из фондов ЦБС БЕН РАН, которая широко использовалась при создании электронной библиотеки ряда учреждений РАН «Научное наследие России» (<http://e-heritage.ru>).

В новой Концепции развития ЦБС БЕН РАН в число важных задач были включены исследования в области истории научной книги и информационного обеспечения исследований в области истории науки. Для изучения динамики развития различных областей естественно-научного знания, включения в научный ресурс достоверных исторических и фактографических данных стало больше внимания уделяться изданиям прошлых веков и десятилетий. В условиях новых информационных технологий в этой сфере научно-исторических исследований необходимо использование всего арсенала информационного обеспечения, которое давно и успешно применяется в БЕН РАН для актуальной информационной поддержки фундаментальных направлений науки.

В середине 2015 г. в БЕН РАН был создан отдел редких изданий и архивных документов, главной задачей которого является изучение состава фонда, выявление редких изданий, которые представляют научную, историческую и культурную ценность, организация фонда редких изданий с соответствующими условиями их хранения и современного справочного аппарата к нему. Создан и развивается Электронный каталог (ЭК) редких изданий, а также их полнотекстовая Электронная библиотека (ЭБ). При этом обеспечивается доступ ученых к данным документам: если не к оригиналам, то к их полнотекстовой электронной копии.

В ходе работы с редкой книгой проводятся исследования по изучению как самих редких изданий (их культурной и научной ценности, включения в ресурс для изучения истории науки), так и созданию удобного для исследователей многоаспектного справочного аппарата к ним. Таким образом реализуется задача включения в научный и культурный оборот ранее широко неиспользованного в БЕН РАН ресурса — редкой книги.

Фонды ЦБС БЕН РАН содержат редкие издания XVI—XX веков. В основном это монографии, многотомники, сериальные издания на иностранных языках, имеется значительное количество отечественных изданий.

Первоочередная задача данного направления деятельности в БЕН РАН — отбор и формирование самого фонда редких изданий. Эта работа ведется как на базе уже ранее отобранной небольшой коллекции редких изданий (несколько сотен наименований) в ЦБ БЕН РАН, так и в направлении выявления изданий, имеющих научную и культурную ценность, в библиотеках ЦБС БЕН РАН и резервном фонде библиотеки (их количество потенциально оценивается в несколько тысяч). В редком фонде с включенными необработанными с библиографической точки зрения изданиями из резервного фонда проводится их детальное описание (с учетом индивидуальных особенностей каждого) и обеспечивается доступ к ним современными средствами. Кроме всего прочего, это способствует предотвращению забвения, а возможно, и утраты научного и культурного наследия.

Основные научные исследования и технологические работы для обеспечения доступа к редким первоисточникам и поиска информации в них осуществляются в настоящее время по нескольким направлениям.

1. Выявление в фондах ЦБС БЕН РАН редких изданий, выделение их в отдельный фонд с необходимыми условиями хранения и использования.

2. Создание ЭК редких изданий, в котором помимо чисто библиографических сведений отражаются данные об особенностях каждого издания: экслибрисах, суперэкслибрисах, владельческих знаках, принадлежности к библиотечным коллекциям ученых, дарственных над-

писях, автографах, читательских и других пометах, имеющих историко-культурную и научную ценность, маргиналиях, вплоть до полиграфического исполнения, и переплетах. При этом ставится задача отображения максимальной глубины рубрикации каждого издания для обеспечения повышения релевантности при поиске в электронном каталоге.

3. Предоставление через ЭК простого доступа к полному тексту редкого издания и его специфическим особенностям. С этой целью издания, входящие в редкий фонд, полностью оцифровываются и включаются в ЭБ БЕН РАН. При этом программные средства позволяют не только обращаться к полному тексту, но и осуществлять поиск фрагментов издания по оглавлению.

4. Проведение научных, историко-культурных исследований на базе создаваемого фонда редких изданий.

Современные автоматизированные методы поиска предоставляют новые возможности исследователям в области фундаментальных наук и истории науки по знакомству с ранее недоступными изданиями и по мгновенному переходу в необходимые их разделы и страницы, помогают увидеть специфические особенности каждого издания с его детальным описанием.

При этом учитывается опыт работы с редкими изданиями, их описанием и представлением в электронном виде как в других библиотеках России, так и в ряде библиотек ЦБС БЕН РАН, в частности в библиотеке Математического института им. В.А. Стеклова РАН, Библиотеке Ботанического сада РАН и др.

Для достижения поставленных целей была продумана и внедрена схема взаимодействия технологических отделов БЕН РАН, работающих с редкими изданиями.

Для реализации перечисленных задач создан комплекс программных средств, получивший название БИБЛИОБУС-РИР, с помощью которого сотрудники отдела редких изданий и архивных документов, а также отдела лингвистического обеспечения на своих рабочих местах могут вести в автоматизированном режиме развернутую обработку редких изданий, обеспечивать их полное расширенное библиографическое описание, каталогизацию и систематизацию. С помощью дополнительных



Рис. 1. Электронный каталог редких книг с возможностями поиска. Фрагмент экрана

программных средств сотрудники отдела копирования и обеспечения сохранности фондов осуществляют сканирование и подготовку данных для включения в ЭК редких изданий не только их библиографических сведений, но и изображения титульного листа. Данные об обработанных изданиях программными средствами из БИБЛИОБУСА-РИР импортируются в ЭК редких изданий. Гиперссылка в каталоге дает доступ к полному тексту отсканированного издания с отражением всех его индивидуальных особенностей.

В качестве примеров практической реализации работ по созданию ЭК редких изданий и полнотекстовой ЭБ на рис. 1 приведен фрагмент экрана с изображением титула издания. Поиск осуществляется по тем же правилам, что и в общем сводном электронном каталоге БЕН РАН.

На рис. 2 представлен фрагмент экрана подробных данных об издании в каталоге с гиперссылкой на полный текст.

Рис. 2–4 демонстрируют некоторые примеры перехода из Каталога редких изданий к полным текстам материалов в ЭБ, возможности доступа к любому разделу оглавления или к конкретной странице.

На рис. 5–8 приведены образцы экслибрисов, дарственных надписей и владельческих штампов на изданиях.

Недавно начавшаяся систематическая работа с редкими изданиями в БЕН РАН уже позволила выявить интересные раритеты и провести исследования по целому ряду направлений, связанных со старой российской периодикой, коллекциями и библиотеками выдающихся российских ученых. Выявлены редкие отечественные издания по географии, геологии, бота-



Рис. 2. Расширенное библиографическое описание издания, отражающее сведения о его особенностях и возможность выхода на полный текст источника



Рис. 3. Оглавление издания и титульный лист



Рис. 4. Возможность перехода к любому фрагменту издания по оглавлению или по номеру страницы

нике, минералогии, астрономии, антропологии, этнографии и другим направлениям; публикации Императорской Петербургской академии наук, Императорского русского географического общества, Московского Императорского университета. Идентифицированы первоиздания трудов выдающихся русских ученых (некоторых из них постигла трагическая судьба в XX в.). Проводятся исследования по анализу личных коллекций российских ученых, экслибрисам и владельческим знакам. Издания эпохи Просвещения, имеющиеся в ЦБС БЕН РАН, несомненно, являются примерами культуры книгопечатания XVIII века. Исследовалось типографское искусство, которое во второй половине XVIII в. стало новым этапом развития книжного дела в России.

Данные работы доступны в публикациях сотрудников БЕН РАН [1–18].

В настоящее время в БЕН РАН в ЭК и ЭБ редких изданий введены сведения о более 300 выявленных редких публикациях. Продолжается сбор данных о редкой книге в библиотеках ЦБС БЕН РАН и совершенствуется технология отражения изданий в ЭК и ЭБ редких из-

даний. Полученные сведения анализируются на предмет выявления действительно уникальных источников для их включения в Сводный каталог редких изданий ЦБС БЕН РАН, а их полных текстов — в ЭБ БЕН РАН. В ходе работы с редкой книгой в ЦБС БЕН РАН не только выявляются издания, имеющие высокую научную и культурную ценность, но и обнаруживаются среди них памятники культуры, которые должны быть включены во Всероссийский реестр книжных памятников. Так как создаваемые в БЕН РАН ЭК и полнотекстовая библиотека редких изданий после их значительного пополнения будут выставлены в Интернете для свободного доступа, это открывает возможности всем пользователям (а не только сотрудникам РАН) проводить исследования по истории науки и техники, обращаясь к полным текстам редких первоисточников и применяя новые поисковые возможности.

В фондах ЦБС БЕН РАН немало изданий, относящихся к категории «перемещенные ценности», которые были включены в состав библиотек системы после Второй мировой войны. Об этой части фонда были публикации и высту-

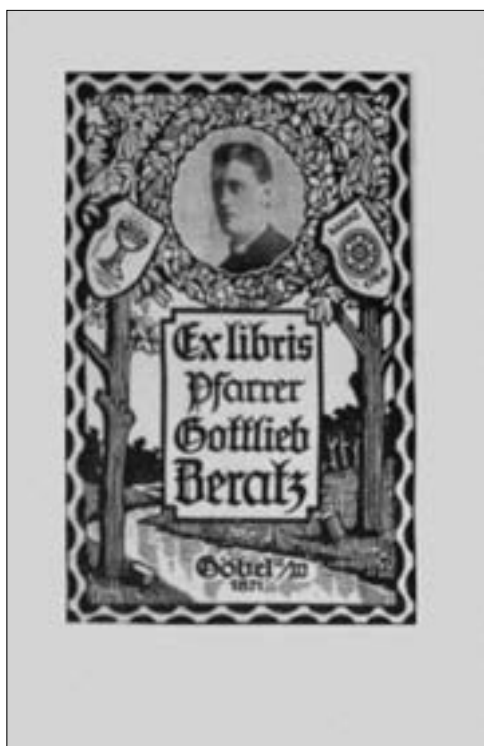


Рис. 5. Экслибрис пастора Готлиба Бераца с его портретом на книге Марко Поло



Рис. 6. Дарственная надпись академику Б.А. Келлеру от автора Б.А. Федченко

пления на профессиональных конференциях [5]. Среди таких изданий немало редких, которые каталогизируются, сканируются и включаются в Каталог редких изданий и ЭБ. Однако есть и издания XIX — начала XX в., которые не являются редкостями. Они присутствуют и в других научных библиотеках России и зарубежья: их электронные версии представлены в ряде электронных библиотек. Такого рода издания не включаются в фонд редких изданий ЦБС БЕН РАН. В то же время среди таких книг выявлены несколько десятков изданий с библиотечными штампами Альбертины — Библиотеки Кенигсбергского университета. Это источники по естественным наукам, в основном биологического и зоологического профиля, изданные в конце XIX в. — 1920–1930-х гг. в Германии, США и Японии. Единственная их особенность и библиографическая ценность — наличие библиотечных штампов Кенигсбергского университета. Вероятно, эти издания могли бы быть интересны другой российской библиотеке или музею — Балтийскому федеральному университету им. Иммануила Канта (бывший Калининградский государственный университет), где собираются и экспонируются различные артефакты, связанные с Альбертиной. Руководство БЕН РАН готово к взаимодействию в этом направлении и пополнению научно-культурной составляющей музея Балтийского федерального университета и Государственного архива Калининградской области.

Работы с редкой книгой в БЕН РАН продолжают, но сказывается недостаток опыта по восстановлению старых отечественных и зарубежных изданий, которые обнаруживаются в фондах. Это новая для БЕН РАН сфера деятельности. Тем не менее решать возникающие проблемы, утверждаться в правильности технологических решений или, наоборот, убеждаться, что ранее применяемые, казалось бы, логичные решения, были неверны, можно только апробируя принятые подходы по экспертной ценности редких изданий, экспериментируя с технологическими подходами и разработанными программными средствами. Поэтому все аспекты данной работы неоднократно обсуждались на Ученом совете БЕН РАН, являлись предметом научных и технологических дискуссий как на научных и технологических со-



Рис. 7, 8. Образцы штампов различных библиотек

ветах, так и среди коллег из других организаций, имеющих большой опыт в этой сфере.

Выделение из общего фонда ЦБС БЕН РАН редких изданий в отдельный фонд с соответствующими условиями хранения обеспечивает предотвращение забвения, а возможно, и утраты научного и культурного наследия. Созданные и развивающиеся Электронный каталог и полнотекстовая Электронная библиотека редких изданий БЕН РАН с современными технологиями поиска уже востребованы специалистами в области культуры, историками науки, читателями библиотеки и сотрудниками музеев научных институтов РАН.

Список источников

1. Левнер М.В. Новый жанр исследования истории и книжной культуры : («Библиохроника» семьи Венгеровых) // Научное и культурное взаимодействие на пространстве СНГ в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге : материалы Междунар. науч. конф.: к 300-летию Библиотеки академии наук (Москва, 24–25 ноября 2014 г.) : в 2 ч. Ч. 1. Москва : Наука; Книжная культура, 2014. С. 124–128.
2. Левнер М.В. Фонд редких изданий Централизованной библиотечной системы Библиотеки по естественным наукам РАН как информационный ресурс для исследований по истории науки // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки : сб. статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова. Москва : Этерна, 2016. С. 198–204.
3. Левнер М.В. О некоторых итогах оцифровки редких изданий из фонда Библиотеки по естественным наукам (БЕН) РАН // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе : сб. статей по материалам науч.-практ. семинара (Москва, 2017 г.) / авт.-сост. Е.А. Воронцова ; Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Москва : ИНИОН РАН, 2017. С. 71–76.
4. Левнер М.В. Наглядное пособие к российской истории. От «Апостола» до Довлатова // Мир библиографии. 2016. № 1. С. 155–158.
5. Левнер М.В. Об одной из бесчисленных незаживающих ран Великой Отечественной войны // Книжная культура = Book Culture: опыт прошлого и проблемы современности : к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне : материалы VI Междунар. науч. конф. (Москва, 25–26 ноября 2015 г.) : в 2 ч. Ч. 1. Москва : Наука, 2015. С. 146–150.
6. Левнер М.В. Создание каталога редких изданий и полнотекстовой электронной библиотеки редких изданий Библиотеки по естественным наукам РАН // Научные труды Института

- рукописей Национальной академии наук Азербайджана, 2017. № 1 (4). С. 110–120.
7. Госина Л.И. Редкая научная книга как источник информации для ученых: проблемы актуализации «забытой» информации в библиотеках // Научные и технические библиотеки. 2016. № 10. С. 90–104.
 8. Госина Л.И. Электронный каталог редких книг как инструмент актуализации малодоступных публикаций в интересах науки и образования // Информационное обеспечение науки: новые технологии : сб. науч. тр. Москва : БЕН РАН, 2015. С. 208–214.
 9. Госина Л.И. Старая естественно-научная книга как источник информации и музейный экспонат // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе : сб. ст. по материалам науч.-практ. семинара (Москва, 2017 г.) / авт.-сост. Е.А. Воронцова ; Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Москва : ИНИОН РАН, 2017. С. 42–52.
 10. Рябова В.И. Формирование электронного каталога редких книг в условиях современных информационных технологий // Библиотечное дело — 2016: библиотечно-информационные коммуникации в поликультурном пространстве : материалы Двадцать первой междунар. науч. конф. (Москва, 27–28 апреля 2016 года) / сост. и науч. ред. Л.И. Сальникова. Москва : МГИК, 2016. С. 609–614.
 11. Рябова В.И. Редкие издания в электронной библиотеке «Научное наследие России» = Rare Publications in the Electronic Library «Scientific Heritage of Russia» // Румянцевские чтения — 2016. Ч. 2 = The Rumyantsev Readings — 2016. Part 2: материалы науч.-практ. конф. Российской государственной библиотеки, (12–13 апреля 2016) : [в 2 ч.] / Рос. гос. б-ка, Библиотечная Ассамблея Евразии. Москва : Пашков дом, 2016. С. 127–131.
 12. Рябова В.И. Редкие научные издания БЕН РАН в информационном пространстве: состояние и перспективы // Информация в современном мире : Междунар. конф., посвященная 65-летию ВИНТИ РАН (Москва, 25–26 октября 2017 г.) : материалы конф. Москва, 2017. С. 251–256.
 13. Рябова В.И. Штемпель как книжный знак и его значение в истории редкой научной книги // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития = Modern Problems of Book Culture: Main Tendencies and Prospects: материалы VI Междунар. науч. семинара (Москва, 9 ноября 2016). Москва : Наука ; Минск : Центр. науч. б-ка им. Якуба Коласа Нац. акад. наук Беларуси, 2016. С. 128–133.
 14. Рябова В.И. Материалы о географических экспедициях XVIII–XIX вв. в собрании редких книг Библиотеки по естественным наукам РАН как источник информации для исторической науки // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе : сб. ст. по материалам науч.-практ. семинара (Москва, 2017 г.) / авт.-сост. Е.А. Воронцова ; Институт научной информации по общественным наукам РАН. Москва : ИНИОН РАН, 2017. С. 174–184.
 15. Рябова В.И. Русские и иностранные издания фонда редких книг БЕН РАН — представители культуры книгопечатания XVIII века = Russian and Foreign Editions of Rare Books in the Collections of LNS RAS as Representatives of Printing Art of the 18th Century // Румянцевские чтения — 2017: 500-летие издания первой славянской Библии Франциска Скорины: становление и развитие культуры книгопечатания. Ч. 2 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (18–19 апреля 2017): [в 3 ч.]. Москва : Пашков дом, 2017. С. 110–115.
 16. Рябова В.И. Книжные знаки и владельческие книжные записи в научной литературе : (из собрания редких книг Библиотеки по естественным наукам РАН) // Книжный знак как предмет научного исследования в области библиофильства : Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 31 октября — 1 ноября 2017 г.). Москва, 2017. С. 115–122.
 17. Рябова В.И. Публикации российских ученых в редких сериальных изданиях из собрания Библиотеки по естественным наукам (БЕН) РАН как источник информации по истории науки // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки : сб. ст. / авт.-сост. Е.А. Воронцова. Москва : Этерна, 2016. С. 253–265.
 18. Рябова В.И., Левнер М.В. Суперэкслибрис в научной книге XVIII — начала XX века (из фонда редких книг Библиотеки по естественным наукам Российской академии наук) // История книжной культуры XV–XX веков. Ч. 2 : К 100-летию научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) РГБ. Москва : Пашков дом, 2018. С. 228–230.

Rare Publications of the Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences in the Service of Culture and Historical Science

Mikhail V. Levner

Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences, 11, Znamenka Str., Moscow, 119991, Russia

ORCID 0000-0003-3548-9689; SPIN 3653-8384

E-mail: levner@benran.ru

Abstract. *The article aims to demonstrate the results of research and bringing to the technological implementation, in the Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences (LNS RAS), of a full cycle of works, from identification of rare books in the collections, their description and scanning, to their registration in the Union Catalog and Electronic Library. The author gives a brief description of the software package developed at LNS RAS for creating the Electronic Catalog and full-text Electronic Library of Rare Publications, as well as the scheme of automated interaction of all technological departments involved in the process. The information on practical implementation and directions of the technology development is given. The article presents a brief review of the research, with the identified part of the collection of rare publications of the LNS RAS. For the first time, the Central Library of the LNS RAS implements the Union Catalog and Electronic Library of Rare Publications, reflecting not only the bibliographic information on the publications, but also the data on their specific features (author's inscriptions, bookplates, stamps, etc.). Rare publications previously inaccessible to researchers, though already used by scientists of the RAS institutes, are introduced into scientific circulation. The article identifies and describes materials about geographical expeditions of the 18th–19th centuries and samples of Russian and foreign book printing of the 18th century. For the first time, the LNS RAS conducts research related to the history of Russian science and printing, and identifies bookplates and proprietary marks of Russian scien-*

tists, which have not previously been reflected in catalogs. This opens a new cultural layer of historical data, now available to researchers.

Key words: library, cultural and scientific heritage, electronic resources, rare publications, book monuments, library science, history of science, analysis of holdings composition, trophy values, Union Catalog, Electronic Library of Rare Publications, historical and cultural heritage.

Citation: Levner M.V. Rare Publications of the Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences in the Service of Culture and Historical Science, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 84–95. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-84-95.

References

1. Levner M.V. A New Genre of History and Book Culture Studies (“Bibliochronicle” of the Vengerov Family), *Nauchnoe i kul'turnoe vzaimodeistvie na prostranstve SNG v kontekste razvitiya knigoizdaniya, knigoobmena i nauki o knige: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: k 300-letiyu Biblioteki akademii nauk (Moskva, 24–25 noyabrya 2014 g.): v 2 ch. Ch. 1* [Proceedings of the International Scientific Conference: To the 300th Anniversary of the Library of the Academy of Sciences “Scientific and Cultural Interaction in the CIS in the Context of the Development of Book Publishing, Book Exchange and Book Science” (Moscow, November 24–25, 2014): in 2 parts. Part 1]. Moscow, Nauka Publ., Knizhnaya Kul'tura Publ., 2014, pp. 124–128 (in Russ.).
2. Levner M.V. Collection of Rare Publications of the Centralized Library System of the Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences as an Information Resource for Research on History of Science, *Rol' bibliotek v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei* [Role of Libraries in the Information Support of Historical Science: collected articles]. Moscow, Eterna Publ., 2016, pp. 198–204 (in Russ.).
3. Levner M.V. About Some Results of Digitization of Rare Books from the Library for Natural Sciences (LNS) of the RAS, *Transformatsii muzeev-bibliotek-arkhivov i informatsionnoe obespechenie istoricheskoi nauki v informatsionnom obshchestve: sbornik statei*

- po materialam nauchno-prakticheskogo seminara (Moskva, 2017 g.)* [Transformations of Museums-Libraries-Archives and the Information Support of Historical Science in the Information Society: collected articles on the materials of the scientific and practical seminar (Moscow, 2017)]. Moscow, INION RAN Publ., 2017, pp. 71–76 (in Russ.).
4. Levner M.V. Visual Aid to Russian History. From the “Apostle” to Dovlatov, *Mir Bibliografii* [The Wold of Bibliography], 2016, no. 1, pp. 155–158 (in Russ.).
 5. Levner M.V. About One of the Countless Non-Healing Wounds of the Great Patriotic War, *Knizhnaya kul'tura: opyt proshlogo i problemy sovremenosti: k 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 25–26 noyabrya 2015 g.): v 2 ch. Ch. 1* [Proceedings of the 6th International Scientific Conference “Book Culture: Past Experience and Present Problems: To the 70th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War” (Moscow, November 25–26, 2015): in 2 parts. Part 1]. Moscow, Nauka Publ., 2015, pp. 146–150 (in Russ.).
 6. Levner M.V. Creating the Catalog of Rare Publications and Full-Text Electronic Library of Rare Publications of the Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences, *Nauchnye trudy Instituta rukopisei Natsional'noi akademii nauk Azerbaidzhana* [Scientific Proceedings of the Institute of Manuscripts of the Azerbaijan National Academy of Sciences], 2017, no. 1 (4), pp. 110–120 (in Russ.).
 7. Gosina L.I. Rare Scientific Books as the Source of Information for Researchers: Problems of Updating “Forgotten” Information in Libraries, *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* [Scientific and Technical Libraries], 2016, no. 10, pp. 90–104 (in Russ.).
 8. Gosina L.I. Electronic Catalog of Rare Books as a Tool for Updating Difficult-to-Access Publications in the Interests of Science and Education, *Informatsionnoe obespechenie nauki: novye tekhnologii: sbornik nauchnykh trudov* [Information Support of Science: New Technologies: collected scientific papers]. Moscow, BEN RAN Publ., 2015, pp. 208–214 (in Russ.).
 9. Gosina L.I. Old Natural Science Book as a Source of Information and a Museum Exhibit, *Transformatsii muzeev-bibliotek-arkhivov i informatsionnoe obespechenie istoricheskoi nauki v informatsionnom obshchestve: sbornik statei po materialam nauchno-prakticheskogo seminara (Moskva, 2017 g.)* [Transformations of Museums-Libraries-Archives and the Information Support of Historical Science in the Information Society: collected articles on the materials of the scientific and practical seminar (Moscow, 2017)]. Moscow, INION RAN Publ., 2017, pp. 42–52 (in Russ.).
 10. Ryabova V.I. Forming the Electronic Catalog of Rare Books in the Conditions of Modern Information Technologies, *Bibliotchnoe delo – 2016: bibliotchno-informatsionnye kommunikatsii v polikul'turnom prostranstve: materialy Dvadsat' pervoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 27–28 aprelya 2016 goda)* [Proceedings of the Twenty First International Scientific Conference “Librarianship – 2016: Library and Information Communications in the Polycultural Environment” (Moscow, April 27–28, 2016)]. Moscow, MGIK Publ., 2016, pp. 609–614 (in Russ.).
 11. Ryabova V.I. Rare Publications in the Electronic Library “Scientific Heritage of Russia”, *Rumyantsevskie chteniya – 2016. Ch. 2: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki, (12–13 aprelya 2016)* [Proceedings of the Scientific-Practical Conference of the Russian State Library “The Rumyantsev Readings – 2016” (April 12–13, 2016). Part 2]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2016, pp. 127–131 (in Russ.).
 12. Ryabova V.I. Rare Scientific Publications of the Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences in the Information Space: Status and Prospects, *Informatsiya v sovremennom mire: Mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 65-letiyu VINITI RAN (Moskva, 25–26 oktyabrya 2017 g.): materialy konferentsii* [Proceedings of the International Conference Dedicated to the 65th Anniversary of the All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences “Information in the Modern World” (Moscow, October 25–26, 2017)]. Moscow, 2017, pp. 251–256 (in Russ.).
 13. Ryabova V.I. Stamp as a Bookplate and its Meaning in the History of the Rare Science Book, *Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya: materialy VI Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara (Moskva, 9 noyabrya 2016)* [Proceedings of the 6th International Scientific Seminar “Modern Problems of Book Culture: Main Tendencies and Prospects” (Moscow, November 9, 2016)]. Moscow, Nauka Publ., Minsk,

- Tsentral'naya Nauchnaya Biblioteka im. Yakuba Kolasatsional'noi Akademii Nauk Belarusi Publ., 2016, pp. 128–133 (in Russ.).
14. Ryabova V.I. Materials on Geographical Expeditions of the 18th–19th Centuries in the Collection of Rare Books of the Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences as a Source of Information for Historical Science, *Transformatsii muzeev-bibliotek-arkhivov i informatsionnoe obespechenie istoricheskoi nauki v informatsionnom obshchestve: sbornik statei po materialam nauchno-prakticheskogo seminara* (Moskva, 2017 g.) [Transformations of Museums-Libraries-Archives and the Information Support of Historical Science in the Information Society: collected articles on the materials of the scientific and practical seminar (Moscow, 2017)]. Moscow, INION RAN Publ., 2017, pp. 174–184 (in Russ.).
 15. Ryabova V.I. Russian and Foreign Editions of Rare Books in the Collections of LNS RAS as Representatives of Printing Art of the 18th Century, *Rumyantsevskie chteniya – 2017: 500-letie izdaniya pervoi slavyanskoi Biblii Frantsiska Skoriny: stanovlenie i razvitie kul'tury knigopechataniya. Ch. 2: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (18–19 aprelya 2017)* [Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “The Rumyantsev Readings – 2017: The 500th Anniversary of Publication of the First Slavonic Bible by Francysk Skaryna: The Formation and Development of Printing Culture” (April 18–19, 2017): Part 2]. Moskva: Pashkov dom, 2017. S. 110–115.
 16. Ryabova V.I. Book Marks and Owner's Book Records in Scientific Literature (From the Collection of Rare Books of the Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences), *Knizhnyi znak kak predmet nauchnogo issledovaniya v oblasti bibliofil'stva: Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* (Moskva, 31 oktyabrya – 1 noyabrya 2017 g.) [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Book Mark as a Subject of Scientific Research in the Field of Bibliophilia” (Moscow, October 31 – November 1, 2017)]. Moscow, 2017, pp. 115–122 (in Russ.).
 17. Ryabova V.I. Publications of Russian Scientists in Rare Serials from the Collection of the Library for Natural Sciences (LNS) of the Russian Academy of Sciences as a Source of Information on History of Science, *Rol' bibliotek v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei* [Role of Libraries in the Information Support of Historical Science: collected articles]. Moscow, Eterna Publ., 2016, pp. 253–265 (in Russ.).
 18. Ryabova V.I., Levner M.V. Super Ex Libris in Scientific Books of the 18th – Early 20th Century (From the Rare Books Collection of the Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences), *Istoriya knizhnoi kul'tury XV–XX vekov. Ch. 2: K 100-letiyu nauchno-issledovatel'skogo otdela redkikh knig (Muzeya knigi) RGB* [The History of Book Culture of the 15th–20th Centuries. Part 2: To the 100th Anniversary of the Research Department of Rare Books (Book Museum) of the Russian State Library]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2018, pp. 228–230 (in Russ.).

УДК 316.4:323.215

ББК 60.564.0

DOI 10.25281/2072-3156-2019-16-1-96-108

В.М. СТОРЧАК, О.А. ОГОРОДНИКОВА

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОГО ПРАЗДНИКА

Владимир Михайлович Сторчак,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
профессор
Вернадского пр., д. 84, Москва, 119606, Россия

доктор философских наук, профессор
ORCID 0000-0003-3629-5165; SPIN 6633-8804
E-mail: v.storchak@yandex.ru

Ольга Александровна Огородникова,

Московский городской педагогический университет,
Институт гуманитарных наук,
доцент
2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, к. 1,
Москва, 129226, Россия

кандидат исторических наук, доцент
ORCID 0000-0002-0604-670X; SPIN 2083-3165
E-mail: olgaogor@mail.ru

Реферат. Цель настоящей статьи — исследование теоретических аспектов понятия «праздник» в контексте категории «социаль-

ный институт»; представление основных этимологических и содержательных составляющих праздника — общепринятых и исторически сложившихся правил и норм, порядка и образа действий, соблюдающихся в силу прочно установившихся традиций; стереотипного способа поведения и т. д.

Проанализирована специфика праздника, теснейшим образом связанная с архетипической потребностью в существовании, его амбивалентностью, демократичностью, календарным характером, массовостью, зрелищностью.

Исследовано функциональное значение праздника. Показана роль праздников в формировании общих переживаний у акторов социальных групп, возникающих в ходе взаимодействия, которые, в свою очередь, усиливают индивидуальные переживания участников и направляют их в общее русло, побуждая к совместному активному участию в жизни общества.

В ракурсе классификации советского праздника в работе выделены следующие позиции: общегосударственные и революционные, трудовые, традиционные календарно-бытовые, семейно-общественные праздники и т. д.

Рассмотрена структура советского праздника и его основные элементы, включая идею и событие, моральное и психологическое содержание, социальную память, принципы организации и средства идейного и художественного выражения.

Ключевые слова: социальный институт, советский праздник, специфика праздника, функции праздника, идея, классификация, структура праздника, культура социальной коммуникации.

Для цитирования: Сторчак В.М., Огородникова О.А. Феномен советского праздника // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 1. С. 96–108. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-96-108.

Советские праздники, ритуалы и обряды играют немаловажную роль в поддержании традиций, укреплении стабильности, усилении единения и уверенности в будущем общества. Они столь же необходимы для нормального функционирования социальной жизни, как продукты питания — для поддержания физической жизни. Подобно религиозным праздникам, являющимся напоминанием и символическим повторением священной истории, светские праздники освящают гражданскую историю народа и государства, наполненную мифологическим содержанием. «Повторяя мифы, восстанавливая во всей целостности забытое время... человек становится “соучастником” упоминаемых событий из жизни современников, богов или героев. ...“Проживая” мифы, мы выходим из времени хронологического, светского и вступаем в пределы... времени сакрального, одновременно исходного, первоначального и в то же время бесконечно повторяющегося» [1, с. 28]. Циклическое повторение светских праздников придает тем самым уверенность в вечности гражданского мироустройства.

И в то же время праздники и гражданские ритуалы выступают зачастую в качестве элементов «гражданской религии» (Ж.-Ж. Руссо). Здесь государство и общество предстают перед человеком определенной средой, которая действует на него с механической силой принудитель-

ного характера. Она выступает не как зависимость субъективно-психических сил различных конкретных людей, а как действие некой объективной сверхчеловеческой реальности и воли, властвующей над людьми. Такого рода взаимоотношения личности и государства, личности и общества сродни взаимоотношению человека и Бога: «Не случайно, — отмечал С.Л. Франк, — всегда и везде — сознательно или бессознательно, в согласии ли с умышленной волей людей или вопреки ей — общество в своей основе носит сакральный, священный характер, социальное единство в его живой глубине ощущается как святость, как выражение сверхчеловечески-божественного начала человеческой жизни и, с другой стороны, религиозная жизнь есть первичная социально объединяющая сила, непосредственно связанная со сверхиндивидуальным единством “мы”» [1, с. 90].

Иными словами, государство и общество — это сверхличностные субстанции, которые так же, как и религия, сакральным образом воздействуют на человека. Но это не чисто религиозное, а псевдорелигиозное (квазирелигиозное) воздействие. Оно формирует человека посредством «внешней общественности» при помощи «положительного права». Государство в данном случае выступает как псевдоцерковь, где есть свое единство святости: государственные символы (флаг, герб), обряды, праздники, культ героев и особо почитаемых мест и т. д.: «И современное государство в культе знамени и других символов государственного единства, в патриотизме, переживаемом всегда не как просто человеческое чувство любви к родине, а как служение святости родины, имеет свою живую основу в единстве веры» [1, с. 94]. Большое значение в этом случае имеют государственные святости, вокруг которых объединяются члены общества. Служение государству в таком случае становится почетной обязанностью его граждан.

Схожую позицию высказывал современный исследователь данного феномена Л.Н. Митрохин, только вместо понятия «гражданская религия» он использовал словосочетание *национальная мифология* [2]. С его точки зрения, национальная мифология представляет собой единую систему сакральных образов, знаков, символов, ценностей, утопиче-

ских «проектов» и сокровенных идеалов. При этом она не конфессиональна в строгом смысле этого слова. Цельность и завершенность ей придают естественные человеческие чувства: любовь, благоговение, гордость, достоинство. Национальная мифология включает, помимо перечисленного, и свои ритуалы: определенные нормы, стереотипы деятельности, праздники, обряды, карнавалы, в которых символически реализуются и воспроизводятся в массовом сознании мифологические образы и ценности. «На первом плане здесь выражение священо-трепетного чувства патриотизма, осознание его объединяющей силы, а вовсе не стремление при помощи магических действий обеспечить помощь сверхъестественных, потусторонних сил. И, пожалуй, в этом заключается главное (хотя и не всегда четкое) различие между мифологией и религией, между национальным и религиозным ритуалом», — делает вывод Митрохин [2, с. 132].

Такого рода интегрирующие и стабилизирующие основы общества заложены в его социальных институтах, в частности в праздниках. Они способствуют успешному функционированию, укреплению стабильности и усилению единства общества; закрепляют за индивидуумом чувство гражданственности, гордости за свой народ и свою родину. Поэтому изучение советского прошлого, богатого на праздничные события, в значительной степени способствует пониманию сущности и значения праздника как важнейшего института успешного функционирования общества. Актуальную значимость работы определяет в известной степени дефицит по отношению к советскому периоду истории празднично-ритуального содержания в современном российском обществе, наличие которого не способствует его разумному функционированию и существованию. Особенно это относится к некоторым российским праздникам, значение которых плохо понимается населением страны. Их может постичь такая же участь, как и многие советские праздники, ибо, как справедливо замечает О.Л. Орлов, «отречение от праздников, утрата интереса к ним служит утрате интереса к лежащим в их основе ценностям; тогда они зачастую лишь декларируются, но не практикуются» [3, с. 34].

ЭТИМОЛОГИЯ ПРАЗДНИКА

Праздновать, с точки зрения В. Даля, *не делать, не работать, отдыхать; день памяти кого-либо, чего-либо // провожать такой день торжественно.*

Празднество: пиршество, торжество, празднование чего-либо обрядами, пирами; *почет* событию или воспоминание о нем. *Праздничная одежда, убор.*

Праздничный *пир.*

Праздничать: *гулять, отдыхать, ничего не делать* [4].

У С.И. Ожегова праздник:

1. День торжества, установленный *в честь* или *память* какого-нибудь *выдающегося события.*

2. Выходной, *нерабочий день.*

3. День, *особо отмеченный обычаем* или *церковью.*

4. День *радости* и *торжества* по поводу чего-нибудь.

5. День *игр, развлечений.*

6. Праздничное *настроение.* Праздничный *наряд* [5].

В православной литературе праздник выступает в значении *торжественного собрания, торжества.* В церкви так называются дни, посвященные воспоминанию какого-либо знаменательного для церкви события и отличенные от обыкновенных дней особым богослужением, в котором вспоминаются события и прославляются «виновники» оногo:

Празднество: *попечение, промышление.*

Праздновать: *отдых, отдохновение* [6].

Под гражданским (политическим) праздником современная культурология понимает комплексную систему мероприятий массово-зрелищного характера, основной задачей которой является явное или скрытое воплощение идеалов или ценностей, провозглашенных господствующим общественным аппаратом власти; элемент воспитания политической культуры граждан; особое специализированное средство идеологического воздействия на общество [7, с. 16].

В более узком значении праздник (празднество) — это день (или несколько дней) торжества, веселья, установленный в память какого-нибудь выдающегося исторического,

государственного, трудового, гражданского события или случая, в честь народа, профессии, знатного человека и т. д. [8, с. 14].

СПЕЦИФИКА ПРАЗДНИКА

Архетипическая потребность в его существовании. «Праздники являются той существенной духовно-практической детерминантой поведения личности, которая способствует становлению, а в перспективе — развитию самосознания личности, удовлетворяющего и коллективные, и индивидуальные потребности, обеспечивающего всестороннее развитие личности, формирование ее идеалов, ценностей, ориентаций», — справедливо отмечала М.Я. Задорожная [9, с. 52].

Во-первых, многие традиционные праздники являются подтверждением того факта, что человек не может быть постоянно серьезен: в нем живет неистребимое желание веселиться, развлекаться, т. е. полностью освободиться от жизненной ответственности. Поэтому массовые праздничные действия осуществлялись на основе радости и смеха. «Потребность в праздниках присуща человечеству с самых ранних времен, — пишут современные исследователи этого феномена. — *Homo Sapiens*, по всей видимости, был одновременно и *Homo Ludens* — человеком играющим, и *Homo Feriens* — человеком празднующим. Эти три феномена в полной мере отражают особенности человеческой природы и способы антропологического взаимодействия с окружающим миром» [10, с. 125].

Во-вторых, смех — это не только элемент развлечения и увеселения. Аристотель писал о смехе как о даре Бога, который непосредственно связан с властью индивида над всем миром и с наличием у него разума: «Из всех живых существ только человеку свойственен смех». Человек, по мнению мыслителя, становится таковым с того момента, когда начинает смеяться.

И, наконец, в-третьих, смех есть категория социальная. «Смех имеет в себе нечто революционное» (А.И. Герцен). Благодаря ему ниспровергаются тираны и харизматы, доселе державшие народ или социальную группу в состоянии «нуминозного» (Р. Отто) «пленения»

или дурмана. Смех нивелирует и ниспровергает харизму.

Амбивалентность праздника. Еще средневековые праздники (площадные карнавалы романо-германских городов, выступление скорморохов на ярмарках и др.) противопоставляли себя официальной культуре и церкви. Люди во время празднеств освобождались от религиозной серьезности, аскетизма, догматизма, церковного благоговения, «страха божьего». Более того, большинство сюжетов праздников того времени являлись пародиями на церковный культ. Иллюстрацией этому служит средневековый «праздник осла», посвященный бегству на осле Девы Марии с младенцем Иисусом в Египет. Однако вопреки ожиданиям в центре действия находились не Мария и Иисус, а именно осел, которому были посвящены так называемые ослиные мессии, где вместо «аминь» произносились звуки, подражающие ослиному крику. «На многих народных празднествах, — писали советские исследователи творчества М.М. Бахтина, — происходило шуточное перемещение иерархического верха вниз: шута объявляли королем, на праздниках дураков избирали шутовского аббата, епископа, архиепископа, а нередко даже шутовского папу. В это время почти каждый церковный праздник имел свою, народно-смеховую, площадную сторону. Так, например, храмовые праздники сопровождались шумными ярмарками и множеством смехотворных и увеселительных площадных действий с участием шутов, королей, дураков, великанов, карликов, “ученых зверей” и т. д.» [Цит. по: 8, с. 115–116]. Схожие сюжеты амбивалентного содержания можно было отметить и в советских праздниках, где полной противоположностью положительным героям социалистической действительности выступали негативные персонажи ряженных попов и буржуев-империалистов.

Амбивалентность праздника выражается также в противопоставлении таких естественных для человека эмоциональных проявлений, как смех — серьезность, радость — страх и т. п. Так, в Средние века христианская церковь осуждала веселье и смех в противовес традиции аскетизма и воздержания от публичного выражения чувств. Многие известные отцы церкви в своих трактатах неоднократно заявля-

ли, что смех и юмор есть плод дьявольского искушения человека; что истинному христианину подобает лишь постоянная серьезность, скорбь и размышление о своих грехах. «Серьезность в классовой культуре официальна, авторитарна, — утверждал, экстраполируя смех на политическую тему, М.М. Бахтин, — сочетается с насилием, запретами, ограничениями. В такой серьезности всегда есть элемент страха и утрашения... Смех, напротив, предполагал преодоление страха. Не существует запретов и ограничений, созданных смехом. Власть, насилие, авторитет никогда не говорят на языке смеха. Настоящий смех — универсальный и амбивалентный — вовсе не отрицает серьезности. Наоборот, он очищает ее от догматизма, окостенелости... от фанатизма и категоричности, от элементов страха или утрашения, от дидактизма, от наивности и иллюзий, от дурной одноплановости и однозначности, от глупой истошности. Смех не дает серьезности застыть и оторваться от незавершимой целостности бытия» [Цит. по: 8, с. 117–118].

Демократичность праздника. В нем зачастую отсутствует нарочитая условность, состояние господства и подчинения, подчеркивание социальной стратификации. В момент празднества происходит единение вождей и народа. В отличие от строгой последовательности и серьезности обрядово-ритуального действия праздник предполагает эмоциональную раскрепощенность, которая в психоэмоциональном смысле дает значительно больший эффект катарсического влияния на участвующего в праздничном действе, нежели обряд.

Праздник на время освобождает сознание людей от власти официального мировоззрения, церковной или государственной пропаганды, дает возможность взглянуть на мир по-новому, без страха и благоговения. Во время народного праздника, отмечал М.М. Бахтин, люди временно вступали в социально-утопический мир абсолютного равенства и свободы, в «утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия» [Цит. по: 8, с. 113–114]. Во время праздника не имели значения иерархические отношения, привилегии и большинство норм обычной, т. е. внепраздничной жизни. Согласно И.В. Гете, каждый участ-

ник карнавала, как бы важен и серьезен он ни был в жизни, позволял себе всякое шутовство: «...Тут нет блестящей процессии, при приближении которой народ должен молиться и изумляться; здесь только подается знак, что всякий может дурачиться ... сколько хочет» [Цит. по: 8, с. 115].

Календарный характер праздника. Он связан с временами года, сезонами, трудовой жизнью общества. Календарные праздники являются «перерывами» в бесконечном течении времени. «Каждый из них становится символом новой жизни, ее обновления, омоложения, временем, в котором соединяется прошлое, настоящее и “идеальное” будущее» [11, с. 21].

Зрелищность, т. е. красочное, яркое, эстетически насыщенное действо праздника (массовые шествия, манифестации и демонстрации, карнавалы, ярмарки, гуляния). Другими словами, празднику, по мнению Д.М. Генкина, присуща театрализация, драматургическая обработка жизненного материала и игра как ведущие формы организации праздника [12].

Массовость участвующих в празднике, где каждый является одновременно и исполнителем, и зрителем — на празднике нет гостей; все и зрители, и участники, и хозяева.

Событийность праздника, который связан с важными памятными событиями в жизни общества, коллектива, семьи, личности.

Характерные признаки праздника: праздничное время, настроение, общение, поведение, состояние и т. д. Выплеск эмоций вместе с обязательным для праздника весельем, шутками и смехом — характерная черта данного действия.

В отличие от обряда, в ряде случаев неповторимого для человека, над которым производится ритуальное действие, праздник — **традиционно повторяющееся событие.** Праздник, особенно массовый, является видом «эксплуатации» того, что привычно и понятно, в противном случае он не будет в должной мере восприниматься. Его влияние обеспечивается всякий раз повторением коллективных действий: «Очень часто бывает так, — писал по этому поводу Д.М. Угринович, — что возобновление привычных человеку впечатлений,

образов и ассоциаций делает его переживания при этом особенно глубокими и интенсивными» [13, с. 39].

С древности основные праздники приурочивались к циклам природы; к началу и концу сельскохозяйственных работ (весна — первая пахота, осень — сбор урожая и т. д.), которые всегда сопровождались праздничными обрядами; к ежеквартальной смене светового времени года (день зимнего и летнего солнцеворота, день весеннего и осеннего равноденствия и т. д.), которые также сопровождались празднично-обрядовыми действиями. Впоследствии сезонный аспект ритуалов, приобщенных к силам природы, был заменен на повторяющиеся события благодарности Богу за его спасительные деяния в истории [14, с. 51–52]. В советское время повторяющаяся событийность истории приобрела свой специфический образ благодарности поколению революционного прошлого и т. п.

Радостное эмоциональное переживание праздника, особое праздничное настроение. Его суть отражена в следующих строках В.В. Маяковского:

*Под красными
флагами
праздничных шествий,
носил
с миллионами
сердце мое,
уверен
и весел,
горд
и торжествен.*

Чем ярче и красочнее действие праздника, тем больше его эмоциональное воздействие на окружающих, тем быстрее совершается процесс вытеснения старой культуры и идеологии новой. Праздник должен удовлетворять психологические потребности людей в ярких зрелищах, в театрально приподнятых торжественных церемониях. Там, где эти ожидания не оправдываются, возникает потребность в новой форме отражения чувственно-эмоциональной составляющей человека, которая, в свою очередь, может и не уместиться в прокрустовом ложе прошлого культурно-идеологического содержания.

ФУНКЦИИ ПРАЗДНИКА

Мировоззренчески-транслирующая функция. Одна из потребностей общества заключается в передаче накопленного опыта (практической и познавательной деятельности) из поколения в поколение, которая называется по-разному — «коллективная память», «историческая память», «менталитет», «коллективное сознание» и т. п. Смысл этих понятий заключается в том, что в процессе деятельности общества складывается особый, внешний по отношению к памяти индивида механизм сохранения и передачи информации во времени и пространстве. Накопленный опыт является базисом для формирования сознания человека и общественного самосознания. Праздники и обряды — одна из форм проявления социальной памяти людей, которая выступает как важный мировоззренческий элемент праздника [9, с. 66–67]. Социальную память, по мнению Я.К. Ребане, можно определить, как «своеобразное хранилище результатов практической и познавательной деятельности, выступающих в информационном отношении базисом формирования сознания каждого человека, а также базисом функционирования и развития индивидуального и общественного сознания» [Цит. по: 15, с. 12].

Другими словами, аккумулируя социальный опыт в сфере культуры, праздники, как обряды и традиции, являются одной из форм передачи культуры. «С одной стороны, они выступают как форма сохранения и развития духовной культуры, а с другой — как способ, механизм передачи, преемственности культуры» [16, с. 165–166].

Способ передачи мировоззренчески оформленной идеи события. Абстрактная идея воспринимается людьми с большим трудом, и чтобы она овладела ими, нужен определенный способ трансляции идеи в массовое сознание. Так, в праздновании Великой Октябрьской социалистической революции в СССР была заложена идея свободы, которая в реальности осуществилась благодаря революции, солидарности с другими странами. В основе трудовых праздников — идея возвеличивания работающего человека, раскрывающая и утверждающая социальную зна-

чимость труда на благо социалистического общества и т. д.

Способ выражения социальной потребности индивида. Праздник всегда связан с переломными, этапными моментами в жизни природы, общества, человека. Именно эти моменты и создают специфическую праздность. Чем значительнее событие, лежащее в основе праздника, тем сильнее желание человека ощутить свою причастность к нему, объединить свои чувства с чувствами других людей, удовлетворяя тем самым потребность в коллективных переживаниях. «Любому человеку не безразлично отношение к нему окружающих как к носителю того или иного социального статуса, особенно во время вступления в новый статус... Переживания человека, вызванные этим событием, требуют выхода, “поддержки”, сопереживания как раз в широком, коллективном кругу» [17, с. 206]. Ощущение личной причастности к событию, к отмечающей этой событие общности есть побудительный смысл к действию вместе со всеми, с массой. Это ощущение, в свою очередь, порождает у человека потребность в широком социальном общении, которое основано на сопричастности к празднику и представляет собой вид праздничного действия [18, с. 189]. Все это способствует появлению чувства оптимизма, радости и веселья в противовес безучастному и безразличному отношению к действительности.

Терапевтическая функция. Праздники — это, как правило, своеобразные театрализованные представления, оказывающие сильное психологическое воздействие. «Богослужение, — писала Н.К. Крупская, — воздействует на чувства, дает яркие эмоциональные переживания. Наиболее влиятельная религия — католическая — особенно заботится о воздействии на чувства: церковное благолепие, цветы, украшения, хоровое пение, музыка — все направлено на то, чтобы связать религию с возбуждением чувств. Тот же смысл имеет украшение православных церквей, благостное церковное пение, колокольный звон и т. д.» [19, с. 101].

Светские и религиозные праздники выполняют функцию достижения определенного эмоционального удовлетворения в момент всеобщего возбуждения, близкого к катарсису, при котором освобождается масса нерастраченной

или потенциально опасной для личности и в конечном счете для общества негативной психической энергии. Недаром А.В. Луначарский называл народный смех «великим санитаром». Эта направленная активность подтачивает сбалансированность общего морального состояния человека, разрушает его психическую целостность. Праздник в этом смысле способствует нивелированию этого дисбаланса, приводит чувства в состояние гармонии. В светском (как и в религиозном) праздничном действе для этого используются различные приемы и средства.

В то же время коллективные ритуалы поднимают гражданина над рутинной повседневной жизни. Они придают ему особую остроту восприятия и влияния, приобщая подспудно к чему-то большему, чем он сам, — источнику значимости и могущества, которая имеет над ним власть.

Сила и действенность праздника в значительной мере состоит в том, насколько он воздействует коллективному заражению соответствующими чувствами и настроениями, создает нравственно-психологическую атмосферу единства, особое настроение торжества, радости, оптимизма, которое вызывается коллективными эмоциями, возникающими в праздничном общении, формирующими социальные чувства и рождающими заряд позитивной энергии. Стержнем праздника выступает ощущение каждым сопричастности к событию и сплоченности людей, которое стимулирует праздничное общение как многозначную деятельность, вызывающую особый эмоциональный настрой. Поэтому праздник предполагает настроение радости и веселья, эмоционального переживания, которое вызывается слиянием общего и личного, единением каждого человека с торжествующим народом [9, с. 69–70].

Согласно А.И. Пигалеву, праздник должен быть, во-первых, прочувствован с избыточной эмоциональностью; во-вторых, это состояние необходимо проживать коллективно и большей частью общества. Эмоциональное напряжение вызывает желание постоянного возврата к событию, т. е. коллективному переживанию: «Именно тогда мы получаем право говорить, что праздник соединяет, исцеляет, то есть де-

лает “целой” раздираемую конфликтами человеческую общность» [Цит. по: 7, с. 11].

Легитимирующая функция. Многие значительные для молодых людей мероприятия (получение паспорта, принятие в октябрюта, пионеры и комсомол, посвящение в рабочие или колхозники и т. п.) являлись не просто важной вехой в жизни советского человека, но и праздничными событиями. Они выступали коллективно санкционированной формой выражения и признания человека полноправным членом общества, коллектива, организации и т. д.

Функция сопричастности к священному, к социально-политическим преобразованиям общества: «Через праздники советские люди приобщаются к революционным, трудовым и ратным делам советского народа, становятся “соучастниками” выдающихся событий» [9, с. 65].

Функция идентификации личности (расовых, национальных, родовых, конфессиональных, социальных, возрастных и других различий) выражается через бинарные пары: «мы — они», «свои — чужие», «родное — инородное», «наши — не наши», «друзья — враги» и т. п. Антропологами доказано, что личные и групповые отношения между первобытными людьми определялись инстинктивными побуждениями: чужак был угрозой или «дичью» [20, с. 8]. Впоследствии образ «другого», «чужого» (языка, культуры, вероисповедания и т. п.) стал играть спланивающую роль в однородной культуре в противовес инородной. Все непонятное и чужеродное отторгалось: «Где-то в глубинах национального самосознания, — отмечал Г.С. Кнабе, — живет очень древний архетип деления всего мира на “мы” и “они”, на “своих” и “не своих”» [21, с. 116]. Потребность же социума в интеграции собственных структур, в сплочении своих участников выступает как потребность личности в осознании и признании ее принадлежности к данному обществу, социальной и конфессиональной группе и т. д. Поэтому праздник «удовлетворяет прежде всего потребность в собственной консолидации, стабилизации внутреннего состояния, интеграции своих членов» [15, с. 9].

Интегративная функция праздника. «Народно-площадная карнавальная толпа на площади или на улицах, — писал М.М. Бахтин, — это не просто толпа. Это — народное

целое, но организованное по-своему, по-народному, вне и вопреки всем существующим формам насильственной социально-экономической и политической его организации, которая на время праздника как бы отменяется» [Цит. по: 8, с. 114–115]. Все формы и содержание праздника символизируют единство общества, превращая его в некую особую моральную общность. Через содержание праздника раскрывается объективная потребность в развитии наиболее значимых моральных качеств личности, осуществляется проекция общественного на индивидуальное.

Социально-политическая функция праздника. Праздник способствует снятию социально-политической напряженности в обществе, негативного отношения гражданина к власти. «Наше современное общество не хуже римского осознавало важность публичного увеселения и употребляет все средства для того, чтобы публика не скучала, — утверждал В.А. Слепцов, — потому что мрачное расположение духа всегда влечет за собой недовольство и нарушение общественного порядка. <...> Доказано, что глубина взгляда и сосредоточенность в низших слоях общества не приводит ни к чему хорошему», поэтому власти необходимо принять энергичные и деятельные меры, «состоящие в том, чтобы приискать по возможности развлечения и для низшего класса общества» [Цит. по: 7, с. 142]. Различного рода праздники отвлекали народ от насущных проблем, которые стояли перед обществом и государством.

КЛАССИФИКАЦИЯ СОВЕТСКИХ ПРАЗДНИКОВ

И. Общегосударственные и революционные праздники

1. День Великой Октябрьской социалистической революции — 7 ноября.
2. Международный день солидарности трудящихся — 1 мая.
3. День Победы — 9 мая.
4. Международный женский день — 8 марта.
5. День образования СССР — 30 декабря.
6. День Советской Армии и Военно-Морского Флота — 23 февраля.

7. День Советской Конституции — 7 октября.

II. Трудовые праздники

1. Праздники по профессиям (День работников сельского хозяйства, День шахтера и т. д.).
2. Посвящение в профессию.
3. Чествование ветеранов труда.
4. Вручение первой зарплаты.
5. Проводы на пенсию.

III. Традиционные календарно-бытовые праздники

1. Новый год.
2. Праздник весны.
3. Летний (Ивана Купала) праздник.
4. Праздник золотой осени и др.

IV. Семейно-общественные праздники и обряды

1. Свадьба.
2. Чествование новорожденного.
3. Похороны.
4. Вручение паспорта гражданина Советского Союза.
5. Проводы в ряды Вооруженных Сил СССР.
6. Новоселье и др.

СТРУКТУРА ПРАЗДНИКА

Идея праздника. В праздновании годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, например, заложена идея появления «новой эры» в жизни не только советского народа, но и всего человечества; идея освобождения от эксплуатации и построения нового светлого будущего, «земного рая» на земле — мирового коммунистического сообщества; в профессиональных праздниках — идея возвеличивания человека труда, его достоинства и социальной значимости «освобожденного от эксплуатации труда» на благо народа и т. д. Советские праздники были проникнуты идеей коллективного оптимизма, «несокрушимой веры» в торжество идеалов коммунизма. Их мировоззренческая основа развивалась в основном в двух направлениях:

во-первых, путем внедрения героических традиций Коммунистической партии и советского народа; праздничных торжеств в связи

с событиями, имеющими всемирно-историческое и государственное значение (международные и всесоюзные праздники, юбилеи, важные открытия и победы, трудовые подвиги);

во-вторых путем разработки и проведения традиционных мероприятий в связи с важнейшими событиями жизни конкретного трудового коллектива; в каждом складывались свои традиции празднования, например Дня советской молодежи, который по своей форме напоминал фрагмент сотворения мира из Книги Бытия:

♦ первый — день встречи поколений: происходило общение молодежи с ветеранами революции, войны и труда;

♦ второй — день спорта: на спортивных площадках проходили различные соревнования, сдача норм ГТО;

♦ третий — день книги: устраивались книжные базары, встречи с местными писателями и поэтами, в библиотеках проводились читательские конференции;

♦ четвертый — день знаний: приурочен к очередному выпуску учащихся вечерних общеобразовательных школ рабочей молодежи, для которых организовывались прощальные торжественные вечера;

♦ пятый — день творчества молодежи и профессионального мастерства: на всех концертных и агитационных площадках организовывались концерты художественной самодеятельности, а во дворцах культуры — итоговое представление;

♦ шестой — день труда: организация комсомольско-молодежного субботника;

♦ седьмой — непосредственно День советской молодежи с массовыми концертами, соревнованиями, гуляниями [22, с. 25–26].

Событие праздника, выделяющееся в цепи жизненных явлений, сыгравшее особую, значительную, часто — переломную роль в жизни страны, народа, личности. Оно несет в себе особый мировоззренческий потенциал и вызывает у людей глубокое идейно-эмоциональное переживание. «Праздник тогда станет подлинно массовым, когда будет посвящен событию, которое не оставит людей равнодушными, глубоко затронет их патриотические, нравственные чувства, историческое сознание» [15, с. 11–12].

Важными событиями считались:

- ♦ дни рождения основоположников коммунистической квазирелигии (К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина) или их видных представителей (выдающихся деятелей международного коммунистического движения — Г. Димитрова, Э. Тельмана и др.);

- ♦ гражданские «святцы» (чествование героев Гражданской и Великой Отечественной войн, героев Советского Союза, героев Социалистического Труда и др.);

- ♦ важные события, повлиявшие на «сакральную» историю государства (Великая Октябрьская социалистическая революция, День Советской Армии и Военно-Морского Флота, День международной солидарности трудящихся и др.);

- ♦ важные решения, принятые на съездах РСДРП(б) — ВКП(б) — КПСС.

Моральное содержание праздника.

Важным мировоззренческим компонентом советских праздников являлось их этическое содержание, исходящее из мировоззрения личности. Оно представляет собой единство убеждений, деятельности человека и обязательно включает понятие о моральных ценностях, о цели и смысле жизни. Моральное содержание праздника — важный компонент в социализации личности, ее связи с обществом, народом. Примером тому служит патристическая составляющая праздника, высшим выражением которой является готовность человека встать на защиту Родины. В этой готовности осуществляется некий моральный синтез личного и общественного, когда гражданин настолько проникается интересами государства, что они становятся его собственными. Защита Родины как гражданский долг превращается в личную потребность.

Советские праздники — своеобразная форма идеализации и актуализации моральных ценностей социализма. В живом потоке событий и фактов, в условиях роста объема информации весьма трудно отличить главное от второстепенного. Отмечая праздники, советские люди приобщались к революционным, трудовым и ратным делам народа, становились соучастниками реальных, выдающихся событий.

Социальная память праздника. Праздник есть определенная форма повторения

прошлого, воспоминания о нем. Так, христианская Пасха, с одной стороны, есть воспоминание о Светлом Христовом Воскресении, с другой — событие, подтверждающее и укрепляющее веру во всеобщее и личное воскресение после смерти с последующим пребыванием в раю. Празднование Великого Октября также являлось радостным воспоминанием о прошедшей в 1917 г. Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей дорогу к коммунистическому будущему для всего человечества, которое поддерживало веру в то, что «уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (Н.С. Хрущев).

Психологическое настроение праздника.

Сила и действенность праздника в значительной мере заключаются в том, насколько он соответствует коллективным чувствам и настроениям (торжество, радость, оптимизм); создает морально-нравственную и психологическую атмосферу единства, взаимопонимания, осознания ответственности перед будущим, повышения социальной зрелости личности.

Торжественность мероприятия, которая особенно проявлялась на праздничных демонстрациях и манифестациях, обрядах и карнавалах, а также на других сопутствующих празднику развлечениях. Колоссальный размах, например, имели послереволюционные праздники, носившие весьма зрелищный характер и происходившие в сопровождении маршевой музыки духового оркестра. Сама по себе процессия имела огромный социальный смысл: «Символический смысл демонстрации, шествия... — по мнению А.И. Мазаева, — в том и состоял, чтобы приблизить будущее, преодолеть расстояние, разделяющее сегодня и завтра. Поэтому встать... в ряды демонстрации означало реально встать на дорогу новой истории, выломиться из одного бытия и войти в другое, новое бытие» [Цит. по: 7, с. 99].

Праздничные демонстрации оживляли и наполняли особым идейным содержанием всю архитектуру и планировку города. Одной из «торжественных» точек в топонимике Киева, столицы УССР, ее духовным символом в течение всей советской истории была, например, площадь Октябрьской революции, представлявшая собой заверченный в архитектур-

ном отношении ансамбль, в центре которого располагался монумент в честь Великой Октябрьской социалистической революции. При проведении праздничных торжеств сюда стекались колонны демонстрантов «для отдачи рапорта Родине о своих достижениях» [17, с. 52].

Структура организации праздничных торжеств предусматривала решение целого ряда организационных вопросов, включая определение места и времени проведения праздника, характера мероприятий; назначение ответственных исполнителей; выявление состава целевой аудитории и др.

Средства идейного и художественного выражения праздника:

♦ вокально-речевой элемент — представляет собой патетико-поэтический текст, воссоздающий героические образы и черты, которыми наделяются главные и второстепенные персонажи обрядового действия праздника; речь официального лица в ритуале — это, как правило, устный юридический документ, он имеет строго канонизированный характер, в отличие от неофициальных речей родственников, друзей, коллег и т. д.; важными элементами праздничного действия являются, например, торжественное обещание, присяга и другие выступления, которые обычно произносят непосредственные персонажи торжества;

♦ музыкально-вокальный элемент — включает и различные виды ритуально-обрядового исполнения гимнов, посвящений, задравных песен, реквиемов и т. д.;

♦ театрализованный элемент — состоит из начала и пролога, дивертисмента встречи главных героев, кульминации их прославления и вручения им определенных символических знаков и подарков, эпилога — заключения обрядового действия;

♦ празднично-обрядовая символика и атрибутика — почетные знаки, облачения, флаги, знамена, факелы, хлеб-соль, орудийные или ружейные залпы, барабанный бой и т. д.

Таким образом, указанные положения позволяют классифицировать праздник в качестве определенной формы упорядочивания и организации связей людей в обществе — социального института, элементами которого являются общепринятые стандарты и стереоти-

пы поведенческого опыта прошлых поколений, формализующие и интегрирующие коллективные взаимоотношения в социуме.

Список источников

1. Франк С.Л. Духовные основы общества. Москва : Республика, 1992. 511 с.
2. Митрохин Л.Н. Христианство и политика : учеб. пособие. Москва : Изд-во РАГС, 2003. 168 с.
3. Орлов О.Л. Российский праздник как феномен культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 1 (6). С. 32–41.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и знач. умноженное по рукописи автора : в 4 т. Т. 3: [2]. Санкт-Петербург, Москва : Издание книгопродавца М.О. Вольфа, 1880–1882. 576 с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. 26-е изд., испр. и доп. Москва : Оникс ; АСТ ; Мир и образование, 2009. 736 с.
6. Полный церковнославянский словарь : (Со внесением в него важнейших древ.-рус. слов и выражений) : [ок. 30000 слов] : пособие / сост. священник Г.М. Дьяченко. Москва : Московский Патриархат : Посад, 1993. 1120 с.
7. Лаврикова И. Политический праздник в системе культуры : науч. монография / Тверской колледж им. А.Н. Коняева. Тверь, 2012. 225 с.
8. Кампарс П.П., Закович Н.М. Совесткая гражданская обрядность. Москва : Мысль, 1967. 256 с.
9. Задорожная М.Я. Мировоззренческо-культурные элементы советских праздников // Вопросы теории и практики научного атеизма. Москва : Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1988. 232 с.
10. Веретинова Т.Ю., Галиченко А.Ю., Азарова Л.И. Праздник как историко-антропологический феномен // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180). С. 124–128.
11. Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии. Годовой цикл. Москва : Наука; Восточная литература, 1993. 448 с.
12. Генкин Д.М. Массовые праздники. Москва : Просвещение, 1975. 140 с.
13. Угринович Д.М. Обряды. За и против. Москва : Политиздат, 1975. 178 с.

14. Мень А.В. Православное богослужение : Таинство, слово и образ. Москва : Сов-брит. совмест. предприятие «Слово», 1991. 190 с.
15. Задорожная М.Я. Роль советских праздников в атеистическом воспитании : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Москва, 1988. 20 с.
16. Закович Н.М., Зоц А.А. Праздники и обряды как элемент социалистической культуры // Вопросы научного атеизма. Москва : Мысль, 1980. Вып. 26. С. 165–177.
17. Трудовые традиции, праздники, обряды рабочего класса. Киев : Вища школа, 1984. 359 с.
18. Социалистическая обрядность и формирование нового человека : [сб. статей]. Киев : Политиздат Украины, 1979. 351 с.
19. Крупская Н.К. Из атеистического наследия. Москва : Наука, 1964. 308 с.
20. Конелев Л.З. Чужие // Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. Москва : Наука, 1994. С. 8–19.
21. Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. Москва : Индрик, 1994. 528 с.
22. Руднев В.А. Праздники, обряды, ритуалы в трудовом коллективе. Москва : Профиздат, 1984. 158 с.

The Phenomenon of Soviet Holiday

Vladimir M. Storchak ^{1a*},
Olga A. Ogorodnikova ^{2b**}

¹ Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119606, Russia

² Moscow City Pedagogical University, 4, Building 1, 2nd Selskokhozyaistvennyi Drive, Moscow, 129226, Russia

^a ORCID 0000-0003-3629-5165; SPIN 6633-8804

^b ORCID 0000-0002-0604-670X; SPIN 2083-3165

E-mail: * v.storchak@yandex.ru,

** olgaogor@mail.ru

Abstract. *The article is aimed at studying theoretical aspects of the concept of “holiday” in the context of the category of “social institution”; presenting the main etymological and substantive components of holiday — generally accepted and historically established rules and regulations, the order and way of action that are observed by virtue of well-established traditions, stereotypical behavior, etc.*

The article analyzes the specifics of holiday closely associated with the archetypal need for its existence, the ambivalence of holiday, its democracy, calendar character, magnitude, and entertainment.

The authors study the functional significance of holiday. They demonstrate the role of holidays in shaping common experiences among actors of the so-

cial groups arising in the course of interaction, which in turn reinforce the individual experiences of participants and send them in a common direction, encouraging joint active participation in the life of society.

In terms of classification of Soviet holiday, the article identifies the following positions: national and revolutionary holidays, labor ones, traditional calendar-household ones, family-public ones, etc.

The article considers the structure of Soviet holiday and its main elements, including the idea and event, moral and psychological content, social memory, principles of organization, and means of ideological and artistic expression.

Key words: social institute, Soviet holiday, holiday specifics, holiday functions, idea, classification, structure of holiday, culture of social communication.

Citation: Storchak V.M., Ogorodnikova O.A. The Phenomenon of Soviet Holiday, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 96–108. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-96-108.

References

1. Frank S.L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [The Spiritual Foundations of Society]. Moscow, Respublika Publ., 1992, 511 p.
2. Mitrokhin L.N. *Khristianstvo i politika: uchebnoe posobie* [Christianity and Politics: textbook]. Moscow, RAGS Publ., 2003, 168 p.
3. Orlov O.L. Russian Holidays as a Cultural Phenomenon, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bul-

- letin of the Saint Petersburg State University of Culture and Arts], 2011, no. 1 (6), pp. 32–41 (in Russ.).
4. Dal V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. 3* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. Volume 3]. St. Petersburg, Moscow, Izdanie Knigoprodavtsa M.O. Vol'fa Publ., 1880–1882, 576 p.
5. Ozhegov S.I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: okolo 100000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: Around 100000 Words, Terms, and Phraseological Expressions]. Moscow, "OOO Oniks" Publ., AST Publ., Mir i Obrazovanie Publ., 2009, 736 p.
6. Dyachenko G.M. (ed.) *Polnyi tserkovnoslavynskii slovar': (So vneseniem v nego vazhneishikh drev.-rus. slov i vyrazhenii): posobie* [Full Church Slavonic Dictionary: (Including the Most Important Old Slavic Words and Expressions): tutorial]. Moscow, Moskovskii Patriarkhat Publ., Posad Publ., 1993, 1120 p.
7. Lavrikova I. *Politicheskii prazdnik v sisteme kul'tury: nauchnaya monografiya* [Political Holiday in the System of Culture]. Tver, 2012, 225 p.
8. Kampars P.P., Zakovich N.M. *Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost'* [Soviet Civil Ceremonies]. Moscow, Mysl' Publ., 1967, 256 p.
9. Zadorozhnaya M.Ya. Ideological and Cultural Elements of Soviet Holidays, *Voprosy teorii i praktiki nauchnogo ateizma* [Questions of the Theory and Practice of Scientific Atheism]. Moscow, Akademiya Obshchestvennykh Nauk pri TsK KPSS Publ., 1988, 232 p. (in Russ.).
10. Vereitinova T.Yu., Galichenko A.Yu., Azarova L.I. Holiday as a Historical and Anthropological Phenomenon, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law], 2014, no. 9 (180), pp. 124–128 (in Russ.).
11. *Kalendarnye obychai i obryady narodov Yugo-Vostochnoi Azii. Godovoi tsikl* [Calendar Customs and Traditions of the Peoples of South-East Asia. Annual Cycle]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya Literatura Publ., 1993, 448 p.
12. Genkin D.M. *Massovye prazdniki* [Mass Celebrations]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1975, 140 p.
13. Ugrinovich D.M. *Obryady. Za i protiv* [Rites. Pros and Cons]. Moscow, Politizdat Publ., 1975, 178 p.
14. Men A.V. *Pravoslavnoe bogoslužhenie: Tainstvo, slovo i obraz* [Orthodox Worship: Mystery, Word, and Image]. Moscow, Sovetsko-Britanskoe Sovmestnoe Predpriyatie "Slovo" Publ., 1991, 190 p.
15. Zadorozhnaya M.Ya. *Rol' sovetskikh prazdnikov v ateisticheskom vospitanii* [The Role of Soviet Holidays in Atheistic Education], cand. philos. sci. diss. abstr. Moscow, 1988, 20 p.
16. Zakovich N.M., Zots A.A. Holidays and Rites as Elements of Socialist Culture, *Voprosy nauchnogo ateizma* [Questions of Scientific Atheism], Moscow, Mysl' Publ., 1980, issue 26, pp. 165–177 (in Russ.).
17. *Trudovye traditsii, prazdniki, obryady rabocheho klassa* [Labour Traditions, Holidays, Ceremonies of the Working Class]. Kiev, Vishcha Shkola Publ., 1984, 359 p.
18. *Sotsialisticheskaya obryadnost' i formirovanie novogo cheloveka* [Socialist Rites and the Formation of a New Man]. Kiev, Politizdat Ukrainy Publ., 1979, 351 p.
19. Krupskaya N.K. *Iz ateisticheskogo naslediya* [From the Atheistic Heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 308 p.
20. Kopelev L.Z. Aliens, *Odissei. Chelovek v istorii. 1993. Obraz "drugogo" v kul'ture* [Odysseus. Man in History. 1993. Image of the "Other" in Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 8–19 (in Russ.).
21. Knabe G.S. *Materialy k lektsiyam po obshchei teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima* [Materials for Lectures on the General Theory of Culture and the Culture of Ancient Rome]. Moscow, Indrik Publ., 1994, 528 p.
22. Rudnev V.A. *Prazdniki, obryady, ritualy v trudovom kollektive* [Holidays, Ceremonies, Rituals in a Work Collective]. Moscow, Profizdat Publ., 1984, 158 p.

ЭТИКА НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

Российская государственная библиотека как Издатель является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и принимает Декларацию «Этические принципы научных публикаций», принятую на Общем собрании АНРИ 20 мая 2016 г., и в случае возникновения спорных ситуаций, связанных с нарушением этики научных публикаций, направляет запросы на рассмотрение в Совет по этике и научных публикаций АНРИ.

Публикация материалов в рецензируемых журналах является способом научных коммуникаций и вносит значительный вклад в развитие соответствующей области научного знания. Для журнала «Обсерватория культуры» важно установить стандарты поведения всех вовлеченных в публикацию сторон: Авторы, Редакцию, Рецензентов, Издателя.

Следующие стандарты поведения должны соблюдаться в качестве общепринятых принципов публикации исследований в журнале «Обсерватория культуры».

СТАНДАРТЫ ПОВЕДЕНИЯ АВТОРОВ

Требования к рукописям

Авторы статьи об оригинальном исследовании предоставляют достоверные результаты проделанной работы и объективное обсуждение значимости исследования. Работа должна содержать достаточно деталей и библиографических ссылок для возможного воспроизведения исследования. Ложные или заведомо ошибочные утверждения воспринимаются как неэтичное поведение и неприемлемы.

Оригинальность и плагиат

Авторы должны гарантировать, что представлена полностью оригинальная работа. В случае использования работ или утверждений других Авторы следует предоставлять соответству-

ющие библиографические ссылки. Плагиат может существовать во многих формах: представление чужой работы как авторской, копирование или перефразирование существенных частей чужих работ (без указания авторства), заявление собственных прав на результаты чужих исследований. Плагиат во всех формах представляет собой неэтичное действие и является неприемлемым. Запрещается публикация одного и того же исследования в нескольких журналах.

Множественность и одновременность публикаций

Авторы гарантируют предоставление полностью оригинальной работы. Авторы не должны публиковать рукопись, по большей части посвященную одному и тому же исследованию, более чем в одном журнале как оригинальную публикацию. Авторы не должны представлять на рассмотрение в другой журнал ранее опубликованную статью.

Публикация определенного типа статей (например переводных статей) в более чем одном журнале допускается в некоторых случаях при соблюдении определенных условий. Авторы и Редакция заинтересованных журналов должны согласиться на вторичную публикацию, представляющую обязательно те же данные и интерпретации, что и в первично опубликованной работе. Библиография первичной работы должна быть представлена и во второй публикации.

Признание первоисточников

Признание вклада других лиц обязательно всегда. Авторы обязаны ссылаться на публикации, которые имеют значение для выполнения представленной работы. Список пристатейной литературы должен быть представлен авторами. Данные, полученные в ходе частной беседы, переписки или в процессе обсуждения с третьими сторонами, не должны быть использованы или представлены без ясного письменного разрешения первоисточника. Информация о финан-

совой поддержке исследования должен быть представлена авторами (оформляется в виде примечания к заголовку статьи).

Авторство публикации

Авторами публикации могут выступать только лица, которые внесли значительный вклад в формирование замысла работы, разработку, исполнение или интерпретацию представленного исследования. Авторы должны удостовериться, что все Соавторы видели и одобрили окончательную версию работы и согласились с представлением ее к публикации.

Существенные ошибки в опубликованных работах

В случае обнаружения Авторами существенных ошибок или неточностей в публикации Авторы должны сообщить об этом в Редакцию журнала и взаимодействовать с нею с целью скорейшего изъятия публикации или исправления ошибок. Если Редакция или Издатель получили сведения от третьей стороны о том, что публикация содержит существенные ошибки, Авторы обязаны изъять работу или исправить ошибки в максимально короткие сроки.

СТАНДАРТЫ ПОВЕДЕНИЯ РЕЦЕНЗЕНТОВ

Влияние на решения Редакции

Рецензирование — необходимое звено в научных коммуникациях. Рецензирование помогает Редакции принять решение о публикации, а Авторам — повысить качество работы. Издатель разделяет мнение, что все ученые, которые хотят внести вклад в публикацию, обязаны выполнять существенную работу по рецензированию рукописи.

Исполнительность

Рецензент, чувствующий, что он не имеет достаточно квалификации для рассмотрения рукописи или времени для быстрого выполнения работы, должен уведомить об этом Редакцию.

Конфиденциальность

Рукопись, полученная для рецензирования, должна рассматриваться как конфиденциальный документ.

Неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, нельзя использовать в личных исследованиях без письменного согласия Авторы. Информация или идеи, полученные в ходе рецензирования и связанные с возможными преимуществами, должны сохраняться конфиденциальными и не использоваться с целью получения личной выгоды.

Объективность

Рецензент обязан давать объективную оценку. Персональная критика Авторы неприемлема. Рецензентам следует ясно и аргументированно выражать свое мнение.

Рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из Авторы, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

Признание первоисточников

Рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. На любое утверждение (наблюдение, вывод или аргумент), опубликованное ранее, в рукописи должна быть соответствующая библиографическая ссылка. Рецензент должен также обращать внимание Редакции на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции Рецензента.

СТАНДАРТЫ ПОВЕДЕНИЯ РЕДАКЦИИ

Решение о публикации

Редакция журнала «Обсерватория культуры» сама принимает решения о публикации, учитывая мнение Рецензентов. В основе решения —

научная значимость рассматриваемой работы. Редакция руководствуется политикой Редакционного совета журнала «Обсерватория культуры», действуя в соответствии с юридическими нормами в отношении законности, авторского права, плагиата, клеветы.

Конфиденциальность

Редакция журнала «Обсерватория культуры» без необходимости не раскрывает информацию о принятой рукописи третьим лицам, за исключением Авторов, Рецензентов, возможных Рецензентов и Издателя.

Надзор за публикациями

Редакция принимает разумные меры по выявлению и предотвращению публикации статей, в исследованиях которых было допущено ненадлежащее поведение, не поощряет и не допускает такие нарушения сознательно. В случае получения информации или заявления о ненадлежащем научно-исследовательском поведении редакция рассматривает этот факт или заявление в соответствии с рекомендациями Совета по этике Ассоциации научных редакторов и издателей.

Редакция, имея убедительные доказательства того, что утверждения или выводы, представленные в публикации, ошибочны, должна принять меры по скорейшему уведомлению о внесении изменений или изъятия публикации,

руководствуясь инструктивными материалами Совета по этике Ассоциации научных редакторов и издателей. В случае необходимости редакция также может опубликовать разъяснения, опровержения или извинения.

СТАНДАРТЫ ПОВЕДЕНИЯ ИЗДАТЕЛЯ

Издатель должен следовать принципам и процедурам, способствующим исполнению этических обязанностей Редакцией, Рецензентами и Авторами журнала «Обсерватория культуры» в соответствии с данной этикой.

Издатель должен оказывать поддержку Редакции в рассмотрении претензий к этическим аспектам публикуемых материалов и помогать взаимодействовать с другими журналами, если это способствует исполнению обязанностей Редакции.

Издатель должен обеспечить соответствующую специализированную юридическую поддержку (заключение или консультирование) в случае необходимости.

**Документ подготовлен по материалам
Международного комитета по публикационной
этике (COPE).**

ТРЕБОВАНИЯ К ИНФОРМАЦИИ И СТАТЬЯМ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

Редакция принимает только оригинальные, не публиковавшиеся ранее научные статьи и иные материалы научного характера по культуре и искусству в соответствии с тематикой основных разделов. Текст статьи направляется через систему электронной редакции на сайте <http://observatoria.rsl.ru> в формате Microsoft Word.

Весь текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 12 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Объем статьи – от 18 до 30 тысяч знаков с пробелами (без учета реферата, ключевых слов, примечаний, списка источников).

СТРУКТУРА ТЕКСТА:

Сведения об авторе/авторах – имя, отчество, фамилия, место работы (в именительном падеже), подразделение, должность, ORCID, SPIN, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты, почтовый адрес организации – размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности.

Индексы УДК и ББК (по Средним таблицам), раскрывающие тематическое содержание статьи.

Название статьи.

Реферат – краткое изложение статьи по следующей структуре: актуальность проблематики и новизна решения, главные содержательные аспекты. Объем – 200–250 слов. Размещается после названия статьи.

Ключевые слова по содержанию статьи

(8–10 слов) размещаются после реферата.

Основной текст статьи желательно разбить на подразделы (с подзаголовками).

Список источников (не менее 20 наименований) оформляется в соответствии с принятым стандартом (ГОСТ Р 7.0.5–2008), выносится в конец статьи. Источники даются в порядке упоминания в статье. Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница]. При оформлении списка источников автоматическая нумерация текстового редактора не используется.

Примечания нумеруются арабскими цифрами, оформляются как автоматические сноски в конце страницы. Если работа выполнена в рамках гранта РФНФ (или другой организации), эта информация приводится в виде первого примечания к названию статьи.

Подписуточные подписи оформляются по схеме: название/номер иллюстрации – пояснения к ней (что/кто изображен, где; для изображений обложек книг и их содержимого – библиографическое описание; и т. п.). Имена файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы предоставляются в электронной форме отдельными файлами через систему электронной редакции как дополнительные материалы в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 400 dpi, не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в Microsoft Word, а также их ксерокопий.

Материалы на английском языке – информация об авторе/авторах (в том числе официальное название учреждения на английском языке), название статьи, реферат, ключевые слова (в том же объеме и порядке, как в русском тексте) – в отдельном файле Microsoft Word через систему электронной редакции как дополнительные материалы. Журнал также публикует список источников на английском языке в целях обеспечения отслеживания цитируемости в международных базах данных. Рекомендации по подготовке раздела References опубликованы на сайте журнала.

Предоставляя свои статьи в журнал, авторы гарантируют, что они обладают исключительными правами на передаваемый для публикации материал, который является их оригинальным, нигде ранее не публиковавшимся произведением. Правовые вопросы, связанные с публикацией в журнале, включая обязательства сторон (автора и издателя), регулируются на основе Публичной оферты и подписанного автором Акцепта.

Полная версия Требований опубликована на сайте журнала: <http://observatoria.rsl.ru/>

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных требований, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.



МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ



БИБЛИЯ ГУТЕНБЕРГА: НАЧАЛО НОВОГО ВРЕМЕНИ

16 АПРЕЛЯ –
16 ИЮНЯ

ИВАНОВСКИЙ
ЗАЛ



УЛ. ВОЗДВИЖЕНКА,
3/5, СТР. 7,
ВХОД СО СТОРОНЫ
СТАРОВАГАНЬКОВСКОГО
ПЕРЕУЛКА

WWW.RSL.RU

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
КООДИНАТОР ВЕДОМСТВЕННОГО ПРОЕКТА

«СОЗДАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ МОДЕЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК»

НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «КУЛЬТУРА»

660 муниципальных модельных библиотек будет создано
для повышения качества библиотечного обслуживания



современное библиотечное
пространство

функциональное зонирование
пространства и возможность
его трансформации, исходя из
потребностей местного сообщества



пространство свободного
общения

дискуссионные клубы,
консультационные пункты
и лектории для всех
возрастных групп



открытый доступ

к фонду внутри библиотеки
и организация удаленного
доступа к ресурсам библиотеки



централизованный доступ

к цифровым сетевым ресурсам
(НЭБ, виртуальные концертные
залы, культура.рф и другие)



БИБЛИОТЕКИ
НОВОГО
ПОКОЛЕНИЯ

<http://новаябиблиотека.рф/>
model-library@rsl.ru

+7 (499) 557-04-70, доб. 24-10

Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019



Всероссийский библиотечный конгресс

Концепция развития и стратегические задачи библиотечного дела в России

11-17 мая 2019 года
Тула

Тематика заседаний:

Определение роли и места библиотек
в современном общественном развитии

Пути развития библиотек до 2025 года

Обеспечение процесса развития
библиотек. Условия и ресурсы,
необходимые для достижения целей



Штаб-квартира РБА
Тел: +7 (812) 718-85-36. Факс: +7 (812) 310-01-95
<http://www.rba.ru/activities/conference/conf-2019/>



Департамент
культуры
города Москвы



IV МОСКОВСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ФОРУМ

22-25 МАРТА 2019

ЦВЗ «МАНЕЖ»



РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖУРНАЛА «ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

Журнал «Обсерватория культуры» адресован исследователям, преподавателям и учащимся в сфере культурологии, искусствоведения и философии, а также широкой читательской аудитории.

Журнал в печатной форме распространяется через подписные агентства, его можно приобрести на крупных книжных выставках-ярмарках, в рамках некоторых культурологических конференций, а также в редакции.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА

Приобрести отдельные номера журнала можно в розничном магазине Российской государственной библиотеки по адресу:

Воздвиженка ул., д. 3/5, 1 подъезд.

Не только приобрести отдельные номера, но и оформить договор подписки можно в редакции по адресу:

Воздвиженка ул., д. 1

(вход со стороны ул. Моховая, от поста охраны позвонить).

тел.: +7 (499) 557-04-70, доб. 11-75

e-mail: bvdogovor@rsl.ru

ПОДПИСНЫЕ АГЕНТСТВА

◆ Подписные индексы по Объединенному каталогу «Пресса России» — 12141 (полугодовой), 93613 (годовой).

◆ Подписку на журнал можно оформить через любое подписное агентство, работающее в Вашем регионе.

В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ

Платная полнотекстовая версия журнала «Обсерватория культуры» (в цифровой форме) доступна на сайтах агентств-распространителей. У некоторых есть возможность не только подписки, но и приобретения и последующего скачивания отдельных номеров журналов или статей:

◆ Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25173>

◆ East View «Библиотечное дело и информационное обслуживание» (UDB-LIB) <http://ebiblioteka.ru/browse/publication/32347>

◆ Агентство «Книга-Сервис»: «Пресса по подписке» <http://www.akc.ru/rucont/itm/279322/>

◆ Национальный цифровой ресурс Руконт <http://rucont.ru/efd/279322>

Редакция журнала ОТДЕЛ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Главный редактор

Никонорова Екатерина Васильевна,
доктор философских наук, профессор
Заместитель главного редактора — ответственный секретарь

Шibaева Екатерина Александровна
Заместитель заведующей отделом периодических изданий — заместитель главного редактора

Гаджиева Анна Аркадьевна

Редакторы: Баранчук Е.П.,
Волхонская Е.Н., Михайлова Т.М.,
Рыжкова Н.О., Солдаткина О.П.

Электронная версия

Баранчук Ю.Н.

Индексирование Адаменко А.С.

Перевод: Зуев А.Е.

Маркетинг и реклама:

Амелина М.Н.

Начальник отдела предпечатной

подготовки Медведева Т.Т.

Верстка Епифанова Н.В.

Дизайн макета Морозова Е.С.

Набор: Медведева М.А., Подоляк Н.В.

Технический редактор Соловьева Н.В.

Корректоры: Коршунова Г.В.,

Макаров А.Н.

Адрес Редакции:

Отдел периодических изданий

Воздвиженка ул., д. 3/5,

Москва, 119019, Россия,

тел.: +7 (499) 557-04-70, доб. 11-75

e-mail: observatoria@rsl.ru

<http://observatoria.rsl.ru>



Чтобы перейти на сайт журнала, снимите этот QR-код с помощью смартфона или планшета, предварительно установив приложение типа QR Code Reader.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации

ПИ № 77С16687 от 10 ноября 2003 г.

Издается с 2004 г.

Учредитель и издатель

ФГБУ «Российская государственная библиотека», Издательство «Пашков Дом»

Подписано в печать 15.03.2019

Формат 60×90/8. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 14. Тираж 250 экз.

Гарнитура: «Octava», «Helios»

Отпечатано в соответствии с предостав-

ленными материалами в ООО «Амирит»

Чернышевского ул., д. 88,

Саратов, 410004, Россия

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru <http://amirit.ru>

Заказ №

Свободная цена.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов статей и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных. Все права защищены, перепечатка статей (полная или частичная) допускается при условии письменного разрешения редакции.

ISSN 2072-3156 (PRINT)
ISSN 2588-0047 (ONLINE)

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 16

1/2019

OBSERVATORY
OF CULTURE

